

Сергей Черемнов

Галкинус

*Семейные хроники в
государственном
разрезе*

г. Владимир
2020 ©

Галкинус (Семейные хроники в государственном разрезе) – новая (электронная) книга Сергея Черемнова. В неё вошла хроникально-документальная история семьи, судьбы представителей которой неотделимы от жизни и истории большой страны под названием Российская империя – СССР – Российская Федерация, а также ближнего и дальнего зарубежья. Это повествование о том, как «рассейские» переселенцы наполняли и развивали необъятную Сибирь, Советский Союз, Кузбасс и угольный Прокопьевск, о том, какими неисповедимыми были пути миграции этих людей, том, как обстоятельства влияли на человека и как человек находил в них себя.

12+

Черемнов С.,
Галкинус (Семейные хроники в государственном разрезе)
2020 г. – 114 с.

Изучение семейной истории – это изучение наших корней, уходящих в прошлое, но без которых не было бы настоящего и будущего. История своего рода помогает осознать себя, понимать, откуда мы пришли и куда идём. При этом, история семьи – это крохотная капля в огромном море истории большого государства. Но даже самые большие моря в конечном итоге состоят из капель.

1.

Василий Никанорович стал Галкиным не сразу.

Сначала он был Василием Галкиным – простым советским коренным сибиряком, родившимся и выросшим в славном Прокопьевске – центре добычи коксующегося угля не только в Кузбассе, и в России. В городе и моего детства, отрочества, юности.

Семья его родителей слыла многодетной во всякую советскую пору: и до войны, и после. Крестьяне по происхождению, они произвели на свет восьмерых детей, но вырастить удалось не всех: времена непростые, порой, тяжёлые, да и многие детские болезни – корь, скарлатина, простуды, доходившие до воспаления лёгких, – считались практически неизлечимыми.

Помню, как моя бабушка – баба Мотя – мама Василия без особого сожаления вспоминала смерть сыночка Коленки: «Кашлял, кашлял и помер... Бох дал, Бох взял», - по-житейски мудро размышляла она.

В общем, вырасти и выйти в люди удалось лишь четверым. Василий был старшим, потом шли Виктор, Валентина и Юрий.

Вася был «старшеньким», а посему и на нём лежала ответственность за младших. Рос он быстро, был не по годам серьёзным и умным. Мне даже казалось, что его отец, а мой дед Никанор побаивался слишком рассудительного старшего сына и относился к нему не только с некоторой опаской, но и с особым уважением.

Вася рано начал трудиться, хотя успел с хорошими отметками окончить школу-семилетку, получить «слесарную» специальность, как выражался он сам. И многие годы работал в угольной отрасли. А где же ещё в «жемчужине Кузбасса» (так величали некогда мой родной город, состоящий сплошь из шахт и шахтёрских посёлков) должны работать настоящие мужчины?!

Трудился Василий слесарем на обогатительной фабрике шахты № 3-3 «бис», позже ставшей шахтой «Центральной». Когда нужно было устранить сложную проблему в работе оборудования, начальство полагалось на Галкина. И он не подводил.

Так бы и прошла его жизнь в сибирском Прокопьевске, если бы в конце 1970-х в его биографию не вмешались человеческие отношения, правительство СССР и провидение, которое верующие считают Божьим, а атеисты – волею случая. И он оказался на другом краю Советского Союза.

Впрочем, обо всём по порядку...

2.

Отец Василия родился в 1903 году в центре Великой Русской равнины, где располагалась часть Тамбовской губернии, в семье крестьян Галкиных.

В сельских метриках тех лет дни рождения, а иногда и годы – записывали со слов неграмотных родителей новорожденного. Поэтому в метрической книге церкви, к которой были «приписаны» чадородцы, можно было встретить такие записи: «Родился на третий день после Рождества» или «Появился на свет через неделю после благовещения Пресвятой Богородицы» – вот и пойми: это ещё конец марта или уже начало апреля. Часто дату рождения подгоняли к дате крещения ребёнка.

Говорили, что в метрике маленького Никанора поп написал, что-то вроде: родился на второй неделе с того дня как начали уборку ржи. По другой версии он появился на свет не то в июне, не то в июле. А когда конкретно – поди, догадайся. Поэтому своего дня рождения Никанор Степанович Галкин точно не знал, оттого и не отмечал его.

Умел читать и писать, выучился этому в своей сельской глухомани, где школа появилась много раньше большевиков. Расписываться в документах мог, письма писал, а вот с газетой или книгой родные его не видели. К Богу относился спокойно, внешне даже равнодушно.

С малолетства работал, а вот ел в детстве не всегда вдоволь. Но это не помешало ему вырасти высоким, ширококостным, статным рыжеволосым красавцем. Его худощавое лицо украшал большой нос с горбинкой и тонкими крыльями, что придавало его профилю нечто среднее между образом римского патриция и гордым жителем Кавказа. А если брать в расчёт, что имя Никанор в переводе с древнегреческого означает «увидевший победы», то сдаётся, женский пол был к нему равнодушен.

С виду был серьёзным, суровым, даже неприступным, но, сблизившись с кем-нибудь, раскрывался добротой души, а его редкая улыбка подкупала любого. Жаль, улыбался нечасто.

Со своей Матрёной – Матрёной Ермолаевной они были земляками по рождению, однако повстречались уже в Прокопьевске, который в годы их молодости был деревней, не тянул даже на рабочий посёлок, которому надо было ещё очень постараться, чтобы стать городом.

Сюда маленький Никанор вместе со старшим братом Гришей прибыли из-под Тамбова вместе с родителями в конном обозе, чьим движением руководил их отец Степан...

Матрёна тоже родилась в российской Европе. Это случилось 2 апреля 1904 года – так записали в её метрике – в селе Волчье, что на речке Делеховке в Лебедянском округе Тамбовской губернии, в семье крестьян Татарниковых. Оба её родителя были одногодками – с 1869 года.

Жизнь родных на Тамбовщине была непростой, об этом она судила хотя бы потому, что они, предварительно помолившись Богу в каменной сельской церкви Сергия Радонежского с небесно-голубыми стенами фасада, согласились на переселение. Да не в Тамбов, находившийся от села в полутора верстах, а за тысячи километров, в дальние сибирские края. «За зимлёй, - вспоминала ставшая взрослой Матрёна. – На родине-то зимли мало было».

Это только казалось, что вокруг Волчьего степи без границ, однако всеми полями и лугами распоряжалась сельская община, старожилы села считали её лишь чуть лучше помещика-крепостника, крутой норой которого им ещё хорошо помнилось. Их сельское общество было коллективным владельцем земли и внутри селения, и надельной земли – под посев и покос, выделяя крестьянам участки во временное пользование.

Причём, община давала земельный надел семье не по её общему количеству, а только по числу едоков мужского пола. Но у Ермолая Татарникова был лишь один

сынوك Коленька, остальные – всё девки: старшая из детей Фёкла, годоводка с Колей – Матрёна и младшенькая Екатерина.

Маленькая Мотя навсегда запомнила длинный обоз, который несколько месяцев плёлся по дорогам и по бездорожью из Окско-Донского междуречья в страшно далёкую Сибирь, где безземельным и малоземельным крестьянам, не избалованным богатствами урожая на выщелоченных, глинистых и тяжелосуглинистых почвах, обещали в собственность лучшие в мире чернозёмы.

Среди десятков телег, увлекаемых в дальние дали лошадьми, была и та, которой правил её невысокого роста отец Ермолай Никифорович. Он нередко соскакивал на землю, пытаясь помочь выбивающейся из сил кобыле. В нагруженной домашним скарбом телеге вместе с Мотей сидели её брат Коля, другие малыши, матушка Афимия Васильевна, в девичестве Шуваева, благообразная тихая женщина. С правой стороны к заднему концу продольной тележной лаги была привязана кормилица-бурёнка, она важно вышагивала за телегой, успевая на ходу срывать и пережёвывать придорожную травинку. В соседних повозках ехали родственники и деревенские соседи с детьми, коровами и скромным скарбом.

Многие путешественники, особенно женщины, украдкой вытирали слёзы по оставленным в Волчьем домах, родне, друзьях. Родители Мотиной матери: Мотин дед Василий Шуваев с женой Дарьей, – тоже отказались переезжать.

Они родились в 1850 году – ещё в царствование Николая I, пережили непростую крестьянскую реформу Александра II, упразднившую в 1861 году крепостное право в Российской империи. Их возраст к началу переезда семьи Ермолая приближался к шестидесяти годам, что по меркам того времени – немало для изношенных тяжёлой работой людей. Девочка вздыхала по ним, вспоминая. Да только интересная дорога, проснувшаяся от зимних холодов, красивая природа, поглощали всё её внимание.

Одна из забав, которая разнообразила путешествие Матрёны, состояла в том, чтобы следить за Шариком, небольшим чёрного цвета псом с белыми пятнами, висячими ушами, карими добрыми глазами, неопределённой породы, который неотрывно бежал за телегой Татарниковых. Обыкновенная дворняга, хотя и наделённая сообразительностью и трудолюбием, Шарик жил в их селе на каких-то странных условиях: конкретно не принадлежал ни одному двору, ежедневно обегая дома и кормясь подачками то на одной улице, то на другой.

В дальний поход за обозом он двинулся по собственной инициативе. И день за днём, неделю за неделей резво семенил за телегами, убежал вперёд, мчался то вправо, то влево – в поля или за деревья, возвращался к замыкающим повозкам, изредка беззлобно погавкивая на коров и лошадей.

На привалах пёс чаще всего садился на закрученный колечком хвост у костра Ермолаева семейства, вытаращив глаза и не шевелясь, наблюдал за тем, как колдовала над котлом Афимия Васильевна. Мотя украдкой, чтобы не заметили родители, совала собаке заветный кусочек. И он неторопливо и неприметно, понимая необходимость этой скрытности, уползал в траву или кусты и ел подачку. Видно, поэтому он чаще всего следовал за Татарниковыми, смешно мотая головой и виляя хвостом. А Мотя махала хворостиной и разговаривала с собакой, как с человеком.

Так день тянулся за днём...

Но однажды пёс исчез. Матрёна не увидела его утром, когда обоз двинулся в путь после очередной, сырой от проливного летнего дождя ночёвки. Не появился он и к обеду, хотя девочка громко звала его и искала между телегами. Не было его и на второй день, и на третий. Мотя плакала, а Ермолай успокаивал её: «Можа, ящё придёт. Можа, заболел али волк яво забрал...»

3.

Двинувшись в неизвестную дальнюю даль, Мотины родители, возраст которых не достиг ещё сорока лет, наверное, не думали о том, что они стали крохотными «винтиками» небывалой для России земельной реформы, которую окрестили «столыпинской» – по имени председателя имперского правительства Петра Аркадьевича Столыпина. Российские крестьяне жаждали собственной земли, и он повёл страну по пути учреждения частной крестьянской земельной собственности.

Сотни тысяч семей во второй половине десятых годов прошлого века двинулись за Урал. И это не было ссылкой, шли добровольно. У решившихся на этот великий поход людей была надежда на лучшую долю, а у лучших умов страны – расчёт на серьёзное развитие сельского хозяйства, соединение крестьянства с рыночной экономикой.

«Нам нужна великая Россия», - такую задачу поставил реформатор. И решение её видел в поощрении переселения крестьян из европейской части на пустые просторы Сибири. Государство платило переселенцам деньги и давало льготные кредиты.

В результате в Сибирь перебрались около трёх миллионов человек, сотни тысяч из них осели на Алтае. Татарниковы добрались до села Прокопьевского, названного в честь Прокопия Устюжского, и решили встать здесь на постоянное жительство. Хотели земли, и семье «отрезали» в собственность надел в несколько гектаров – с пашней и покосом – на южной границе села, этот деревенский «угол» местные прозвали «буфером». Название прижилось настолько, что впоследствии район так и стал называться Буфером.

Татарниковы были очень рады своей земле, надеялись добросовестно работать на ней и за счёт этого обитать в достатке и спокойствии... Вряд ли они догадывались, что их во всём незримо поддерживал российский премьер, говоря: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете Россию!»

Благие намерения. Ими выслана известная дорога...

Столыпина ждала скорая трагическая гибель, а страну и её жителей – Первая мировая, две революции, а затем ещё и гражданская война.

4.

Впрочем, трудности вставали одна за другой, с первых дней окончания большого путешествия через всю Россию, длившегося больше трёх месяцев.

«Мы пришли сюда с Расеи», - всегда помнила Матрёна.

Когда Татарниковы и Галкины стояли в начале великого пути, на дворе занималась весна, а когда определились с новым местом проживания, настала короткая сибирская осень. В чистом поле, в платяной палатке в этих суровых краях не выживешь. Мужчины – бывшие односельчане – на коротком совете решили рыть землянки. Ещё постановили копать колодцы. За дело взялись сразу под нудный шелест мелкого дождя.

Сеять что-либо в это время было уже поздно. Первая зима, проведённая здесь, оказалась слишком жёсткой и голодной. Перезимовали так тяжело, что до весны дожили не все. Особенно страдали дети. Километрах в двух от землянок приезжих появилось небольшое новое прокопьевское кладбище. Испугавшись сибирских морозов, несколько семей решили вернуться назад, в Волчье. Однако их короткий обоз в обратную дорогу переселенцы проводили без особого сожаления. Дел набиралось по горло.

У Ермолая и Афимии Татарниковых все ребяташки остались живы. Впоследствии, как выросли и обзавелись собственными семьями, все они «вошли» на Буфере небольшую колонию выходцев из Тамбовской глубинки.

...В первую весну вспахали землю, посеяли хлеб и сразу начали строить бревенчатые избы-пятистенки с горницей и жилой комнатой и с обязательной большой русской печью посреди жилого пространства.

Дома строили коллективно, всем миром. Переселенцы привыкли, что на родине такую работу – «избяную помочь» – организовывали по решению сельской общины, которая в том же селе Волчьем руководила всей жизнью деревни: общественной, хозяйственной и даже семейно-бытовой. Нуждающийся в помощи крестьянин обращался за помощью к сельскому сходу. Бывало, что он сам «созывал» людей на помощь, обращаясь не ко всей общине, а к родственникам, соседям. На новом месте общины не было, но традиции взаимной поддержки сохраняли. Родные и близкие переселенцев организовали несколько строительных артелей-бригад и одновременно «рубил» дома сразу на всю улицу. Бригадиром одной стал Ермолай Никифорович. Руки у него золотые – ловко и ладно управлялся и с пилой, и с топором и с рубанком. Земляки прозвали его «мастеровым» и беспрекословно выполняли все его распоряжения и команды.

Первое лето новосёлы спешили, поэтому работали без выходных, даже в те дни, когда по церковным и мирским правилам работать запрещалось. Люди трудились с какой-то особой внутренней радостью, подбадривая друг друга.

«Тюканье» топоров и «шарканье» пил слышалось весь световой день. Венцы срубов прирастали как грибы. Потом мужчины «раскатывали» стоящий на земле сруб, а затем собирали его уже на фундаменте. Самым важным этапом в строительстве был подъем матицы – центральной потолочной балки. К ней, как положено, привязывали горшок с кашей, а также хлеб, пирог, бутылку с брагой, которую, не переставая, «заводили» с первых дней переезда и умеренно употребляли за вечерним ужином. По верхнему венцу пускали – севальщика, который разбрасывал зерно и покрикивал: «Хозяевам достатка и благодати!» После еду с матицы снимали и все садились за «матичный» обед.

Дома возводили быстро, уже к середине лета рубленые стены покрыли высокими скатными крышами с обязательным чердаком для всякого хлама. Жильё выходило просторным, а чтобы зимой в них было тепло, печи в каждом Ермолай выкладывал сам. Огнеупорного кирпича в ту пору ещё не знали, печной кирпич лепили из местной тугой глины. Пацаны на телеге привозили её из ближнего оврага, затем глину разминали и «набивали» ею формы, сбитые из дощатых ящиков. В них глина высыхала, превращаясь в крепкие ровные прямоугольники, из которых и «били» печи. Ермолай тихо колдовал над ними, с помощью помощников управляясь с каждой из них за один-два вечера.

С особой тщательностью он выводил самую верхнюю площадку печи – широкую перекрышу, подходившую к самому потолку, на которой предстояло устроить тёплую лежанку для двух-трёх, а то и больше человек.

«Тало;ка у тяти была бальшая, все соседи хату строить памагали», - вспоминала Мотя про те первые месяцы и годы новой жизни, наполненные общинной крестьянской работой.

Мужики строили, а бабы и дети копали и налаживали огороды, делали гряды, посадили «лучкю» и «марквы», выращивали капусту и картошку, горох и бобы, репу и свеклу, тыкву, благо, семена привезли с собой. Повсеместно в новых огородах посадили огурцы – издавна один из самых любимых и популярных овощей на Тамбовщине, и в свежем, и солёном виде. А кое-кто взялся выращивать помидоры.

Хоть и не у всех крестьян в Волчьем они славились, Афимия умела возиться с прихотливыми помидорными кустами. Кстати, в Сибири помидоры начались именно с переселенцев.

Кто-то сумел привезти с собой «из Расеи» кур и «кочетов», которые отсиделись с хозяевами зимой в землянках, а теперь деловито топтались вокруг построек и застройщиков. А иные хозяйки-любительницы даже цветы посеяли. «Мы с сестрами любили глядеть как цвяты цвятут», - припоминала Матрёна.

Им, детям, доверяли пасти коров.

Вечерами накрывали на траве большой сытный ужин на всю честную компанию. А после ужина вели нескончаемые разговоры и пели родные песни. Громко выводила и маленькая Матрёна: «Сранила-а калечка са правой руки. Забила-а-сь сердечка а-а милам друшке...», - горланила она, не понимая, почему у мамы текут слёзы при первых же не словах даже, а звуках старинной песни, и всё время плачет она, пока звучит эта тягучая простая мелодия. Не понимая, что это грустит её женская душа, устремляясь в непостижимо далекое родное село...

С родины приходили редкие весточки. Их читали всем миром, охали от новостей об уходе из жизни кого-нибудь из волчанцев, радостно кричали, услышав о свадьбе молодых или рождении малыша.

В одном из писем земляки сообщили, что в Волчье вернулся Шарик, много месяцев блуждавший по просторам Российской империи, нашёл-таки дом. «Ай да ну!» - недоверчиво качали головами начинающие сибиряки. А Матрёна заплакала: почему не пришёл сюда с ними...

5.

Из новых домов на окраине села Прокопьевского выросла целая улица с палисадниками и лужайками у сенных входов, точно таких, как на далёкой родине. Со стороны фасада хозяева не забыли высадить принесённые из леса берёзки, «красношарки»- рябины и разные кусты...

Почему местные власти позднее назвали эту улицу Тогульской, сегодня никто и не вспомнит. Может быть, потому, что, отдавая дань памяти тысячам жителей Тамбовской губернии, которые перебрались в Сибирь, название Тамбовская в Прокопьевске уже дали раньше улице в посёлке на Ваничевой горе. А Тогульская, как выяснилось, – это в честь и по имени районного центра Тогульского района и села Тогул на берегу реки с одноимённым названием в Алтайском крае. Когда с 1930-х годов 20 века началось интенсивное освоение Прокопьевского рудника, немало селян Тогульского района ехали сюда, чтобы поискать счастья на строительстве шахт и добыче угля...

Пока же переселенцы постепенно втягивались в жизнь сурового края. Ермолай Никифорович в свободное от посева, сенокоса или уборочной время ходил по дворам, нанимался на разную работу, которую хорошо умели делать его «золотые» руки. Он столярничал, мастерил бочки и телеги, клал печи, много ещё чего делал. Дело для него находилось почти в каждом дворе.

Сын Коля часто ходил с отцом по дворам соседних улиц, отец нанимался на работу – сын был на подхвате: подай, поднеси, поддержи.

Однажды произошёл случай, который Татарниковы запомнили надолго. Ермолай подрядился к знакомому батюшке – священнику местного прихода – почистить печь, она плохо топилась, дымила, давала мало тепла. Стоял конец марта – шла Страстная седмица Великого поста, когда даже такие не самые истовые христиане, как Ермолай

с женой, придерживались древнего правила и не разрешали себе и детям «скоромные» продукты: мясо, молоко, яйца.

Большой просторный дом батюшки стоял на улице, которой позже дали название Российская. От своего дома они дошли сюда за полчаса. Отец нёс на плече мешок, в котором побрякивали инструменты, шагал размашисто. А Коля бежал за ним вприпрыжку належке, великоватая, перешитая матерью из дедовой, шубейка съезжала в бок с худых пацаньих плеч, и он то и дело поправлял её.

Поп сам встретил работников у калитки. Он был непривычно одет в «гражданскую» светлую широкую рубаху, перехваченную в необъятной талии тонким кожаным ремешком, чёрные брюки и мягкие туфли. Ступая впереди, завёл их в избу, вымолвил одно лишь слово: «Работайте». Ермолай, сняв у порога обувь, сразу прошёл к широкой побеленной печи, сдвинул в сторону половики, начал раскладывать на полу инструменты.

А Коля робко осматривался. В светлом углу поповской кухни на специальной полке у потолка стояла потемневшая от времени икона Божьей матери с младенцем в деревянном окладе, возле неё виднелся корешок книги, рядом теплилась лампадка. Пахло ладаном. Но пуще этого запаха ноздри мальчика щекотал вкусный запах еды. У окна стоял приготовленный к обеду крепкий деревянный стол.

Время шло к полудню, и поп, не обращая на посторонних внимания, перекрестился, огладил широкую бороду и, усевшись за стол, пододвинул к себе блюдо, на котором, к удивлению Коли, лежала целая варёная курица. На глазах обомлевшего мальчика, он оторвал у курицы ногу, со смаком откусил белого мяса и принялся жевать, задумчиво уставившись в одну точку.

- Отче! – глотая слюну, громко прошептал Коля. – Как же вы... А пост?..

Не переставая жевать, батюшка повёл светло-голубыми навывкате глазами, строго посмотрел на ребёнка:

- Мне можно, - сказал охрипшим, но уверенным голосом. – Мне вечером на службу. Я там буду молить Бога за всех вас, за прихожан. Потому – мне можно! – и снова принялся за куриную ногу.

Потом дома Коля несколько раз пересказывал не верившим ему сёстрам эту историю, то смеясь, то вздыхая от воспоминаний об аппетитной куриной тушке...

Дети росли быстро.

Первым у Татарниковых женился Коля. И сделал это не по желанию родителей, что нередко встречалось в те времена, а по любви. Правда, для регистрации брака семнадцатилетнему малорослому Николаю пришлось приписать один год. Молодым построили дом на Тогульской и «нарезали» огород рядом с родительским хозяйством.

Вскоре вышли замуж и Фёкла с Екатериной. Построились с мужьями тут же, на Буфере. Ну, а где молодые семьи, там и дети – родителям и дедам с бабушками радость.

Да только и без горя в человеческой жизни, а в жизни немалой тамбовской колонии – нем более, не бывает, к сожалению. В 1924 году не стало Афимии Васильевны. Мотя сильно убивалась по маме, не верила, что её больше нет. Афимия ушла тихо и незаметно, вроде бы сильно не болела, только таяла с каждым днём, «сохла», как говорили родные. Отчего? Неизвестно. По одной из версий, которую, глотая слёзы, рассказывал всем Ермолай Никифорович, скучала по Волчьему...

А молодые переселенцы прочно пускали в Прокопьевске свои корни. Нашла своё счастье и Матрёна. Ни читать, ни писать она так и не научилась. На все просьбы дочери отдать её в школу Никифор отвечал одно: нечего девке по школам таскаться, пусть лучше у матери учится вязать и вышивать, а от грамоты будут одни проблемы.

Впрочем, для нормального деревенского женского счастья в ту пору этого, действительно, особо и не требовалось.

Как уж они с Никанором Галкиным углядели друг друга, теперь неизвестно. Маленькая, словно девочка, симпатичная Мотя глаз не спускала со своего высокого статного жениха, не могла налюбоваться на него, серьёзного и молчаливого. Сидя в комнате, она напряжённо прислушивалась к разговору, что вели в горнице с её родителями засланные Никанором сваты, застенчиво краснела и нервно теребила концы повязанного на голове белого платка. Однако волновалась зря: сговорились нормально. И вскоре, вышедшие из тамбовской глубинки, крестьянские семьи Татарниковых и Галкиных сыграли хоть и скромную, но многолюдную свадьбу. Это случилось в 1925 году.

Первое время молодым пришлось пожить в доме у Мотиного брата Николая: к этому времени мамы и у Никанора уже не стало, а его отец Степан женился на вредной бабе много младше его. Впрочем, жильё молодой семье Галкиных справили быстро. Новоселье у них случилось в тот же год, когда – месяцев через девять-десять после свадьбы – появился их первенец Василий. А родился он 26 октября 1927 года – в Прокопьевске метрики были точнее.

С домом же для молодых вышло так: дальние родственники Галкиных продавали готовый сруб, который Ермолай сторговал для дочери и зятя в обмен на лошадь и медный самовар, привезённый переселенцами из самого Волчьего.

Прорубили четыре окна, дабы стало как можно светлей, и подольше задерживалось солнце. Посреди избы поставили русскую печь, увенчав её просторной перекрышей с уютной лежанкой, чтобы тепло спать в холодное время. Печь устроили с боковой нижней топкой и дверцей, в устье установили чугунную «доску» плиты, это позволяло топить печь не только дровами, но и каменным углём.

Обстановка у молодых была скромная, самая необходимая. В передней части дома – на кухне – обеденный стол, да тройка табуреток, в дальнем углу узкая железная кровать, застеленная серым суконным одеялом. Никанор полюбил лежать на ней, поужинав вечером после работы. Лежал, подложив под голову скрещенные руки, и молча глядел в потолок, думая о своём или дремал, прикрыв глаза. Полки для посуды впоследствии заменил скромный буфет с точёными углами, в нём хранили крестьянскую посуду: глиняные миски и плошки, чашки с блюдцами, железные кружки, гранёные стаканы и рюмки, алюминиевые ложки-вилки. Горшки и кастрюли по большей части «жили» на печке.

В другой половине разделённой печью на две части избы стояла железная кровать – супружеское ложе было пошире кухонного, накрыто светлой накидкой, на которой возвышалась горка мягких перьевых подушек. Здесь посредине стоял стол для приёма гостей, у одной стены – обтянутый чёрным дерматином диван с двумя жёсткими откидывающимися валиками по бокам, комод, большой крашенный буфет. На этом буфете «жил» Бог – так шутил Никанор, говоря о том, что на верхней крышке буфета, невидимые постороннему глазу, лежали маленькая бумажная иконка Иисуса и карманная книга в чёрной обложке с выцветшим названием «Псалтирь». И Матрёна, и её муж в Бога, конечно, верили, но как-то без исступления...

Позднее в хату поместили внушительных размеров шкаф для белья и одежды, его сработали из настоящего, покрытого светлым лаком, дерева, и потому он был просто неподъёмным. Вся мебель была «артельного» производства, мебельных лавок Прокопьевск ещё не знал. Все полы в избе Матрёна застлала узкими полосатыми домоткаными половиками и самодельными круглыми ковриками, а стены над кроватями украсила дешёвыми магазинными гобеленами.

Дом молодых Галкиных вырос на углу улиц Зенковской и Изоринской, последняя шла параллельно соседней, Тогульской. Интересно, что Изоринской улицу назвали в память о деревне Изора, стоявшей когда-то на берегу одноименной речки в бассейне реки Чумыш.

В своём палисаднике Никанор посадил берёзы и куст черёмухи. Для огорода новой семье отвели с полгектара земли встык с усадьбой Николая Татарникова...

Крестьянские посевы и покосы ещё частично сохранялись. Но уклад жизни бывших тамбовских крестьян сильно менялся. Ведь к этому времени завершилась мировая война, произошла Октябрьская революция – царя скинули, и новая власть замирилась с «германцем». Всё это медленно, но неумолимо докатилось до сибирского села.

Бывшие тамбовчане старались не лезть в политику, не вступать ни в какие военные действия. Мужики собирались по вечерам у кого-нибудь в хате, курили самосад, громко вздыхали и, почёсывая затылки, неторопливо обсуждали, как жить дальше. Во многих семьях переселенцев молодые становились рабочими, шли на шахты, добывали уголь.

6.

Никаноровы родители тоже пришли на сибирскую землю из земли Тамбовской. Жили ли в Сибири до их переезда носители фамилии Галкиных? Скорее всего, да. А с переселенцами фамилия ещё прочнее закрепилась на территории будущего Кузбасса.

Происхождение этой фамилии неоднозначно. По одной из версий, она образована от прозвища Галка, в основе которого – название птицы. Или основой фамилии послужило закрепившееся мирское имя, образованное от древнего русского нецерковного имени Галка. Такое имя присоединялось родителями ребенка к имени, полученному им при крещении. Это имя употреблялось чаще крестильного и закреплялось за человеком на всю жизнь.

Есть и такая версия: Галками или Галкиными стали называть плотников из Галицкого уезда Костромской области. В начале 17 века именно здесь широкое распространение получили строительные отхожие крестьянские промыслы.

Причина этому – период смуты в России, который приводит к запустению пахотных земель. Местный летописец-документалист пишет: «А в тех пустошах по книгам пашни лесом поросло в кол и жердь и в бревно...». К сороковым годам 17 столетия состояние земледелия в Замосковном крае (это территория, окружавшая столицу государства, куда входил и Галицкий уезд) улучшается медленно. Чтобы увеличить доходы, помещики заменяют барщину оброком, который крестьяне вносят натурой. Видное место занимает и денежный оброк. Дабы заработать наличные деньги, крестьяне идут в отход. Местами отхода были города, особенно Москва и большие поселения по берегам судоходных рек – Волги, Оки.

Развитию отхожих промыслов помогала и принудительная отправка крепостных из Галицкого уезда на строительство городов и укреплений. Благодаря этому галицкие плотники и каменщики стали известны далеко за пределами края: «Окольные и тутошные люди привлекались к сооружению засек в Смоленской области на литовском рубеже». Их набирали для строительных работ даже в Петербург. Вот этих-то «работных» людей и стали отличать от других именем Галкин.

Согласно ещё одной точки зрения, фамилия Галкин происходит от женского имени Галина (греч. galene - безмятежность, спокойствие), а точнее от его уменьшительной формы – Галка.

Между прочим, отмечают специалисты, «галкой» в народе называли подвижного, даже несколько вертлявого, непоседливого человека.

Возможны были и местные значения прозвища. Например, галка – кличка казаков Филоновской станицы (территория современной Волгоградской области). Корни происхождения прозвища, скорее всего, связаны с военной быстротой и ловкостью. Ведь казаки Филоновской – одного из поселений реке Бузулук, упоминавшегося в в перечне казачьих городков в 1698 году – надёжно охраняли от лихих людей ближний большак, имеющий значение царского тракта. Так что, возможно, в жилах предков Галкиных течёт казачья кровь.

Есть и другие варианты. В самом начале 14 века в русской летописи встречается упоминание воеводы Петра Галки, сражавшегося с поляками. В дальнейшем, считают эксперты, его род разделился на две ветви: польскую, получившую титул графов Ледоховских, и русскую – дворян Галкиных. Последние первоначально селились на казацких землях, а затем – в Харьковской и Курской губерниях.

Немало упоминаний о Галкиных встречается в подушных книгах, с помощью которых велись учёт и перепись крестьян. Вот лишь некоторые примеры из территорий Центральной России: «Ивашко Галкин, крестьянин, 1498 г.; Галка, крестьянин Дятелинского погоста, 1500 г.; Василий Игнатьевич Галкин, псковского архиепископа дворянин, 1509 г.; Иван Галка Матвеев сын, послух, 1526 г.; Ондрей Галкин, московский дьяк, 1651 г.» (исследование Тупикова). «Кн. Иван Иванович Галка Хохолков-Ростовский, вторая половина XVI в.; Авдей, Андрей и Нефед Андреевичи Галкины, подьячие, 1620-е гг.» (исследование Веселовских). «В Вологде фамилия Галкин фиксируется с 1629 г.» (исследование Чайкиной).

Есть и примеры «движения» фамилии на Урал. Так, на территории будущего Камышловского уезда (сейчас в Свердловской области) фамилия Галкин фиксируется с 17 века: родственником мог быть крестьянин Евтихий Анфимович Галкин, переселившийся в деревню Комаровую из подгородной деревни в Чарондской округе (это неподалеку от Вологды) в 1663/64 году (перепись 1680 г.). В соседней деревне Мосиной проживал переселённый крестьянин Василий Федорович Галкин (перепись 1710 г.), в 1729 году его сын Гавриил Галкин отрабатывал заводскую повинность на Уктусских заводах.

В создании фамилии могла принять участие и топонимика. Вот лишь некоторые топонимические параллели, которые, например, могли дать фамилию проживающим там обывателям: село Галкинское (сейчас в Камышловском районе Свердловской области), деревня Галкино в Таборинском районе (также в Свердловской области), деревни с названиями Галкино, Галкины в ряде районов Кировской области. Такие примеры встречаются и в других губерниях.

Представители фамилии Галкиных внесены в Родословные книги Дворянских Депутатских собраний: в Калужской губернии – в 1819 году в 3-ю часть «Дворянство бюрократическое, приобретенное чином гражданской службы или пожалованием ордена»; Киевской губернии – в 1860 году во 2-ю часть «Военное дворянство, приобретенное чином военной службы»; Курской губернии – в 1795-1796 годы и в 1834-м – во 2-ю часть «Военное дворянство, приобретенное чином военной службы»; Новгородской губернии – в 1834 году в 3-ю часть «Дворянство бюрократическое, приобретенное чином гражданской службы или пожалованием ордена». Подобные записи об известных Галкиных в 18-19 веках сделаны также в Родословные книги Дворянских Депутатских собраний Санкт-Петербургской губернии, в Слободско-Украинской, Тверской, Тульской, Харьковской губерниях.

Среди известных носителей фамилии встречаются не только крестьяне, воины-князья или дворяне. Есть и учёные, крупные чиновники. Одним из них в 19 веке был Михаил

Николаевич Галкин-Враской – известный русский учёный-пенитенциарист и государственный деятель, эстляндский и саратовский губернатор.

Что касается национальной принадлежности носителей фамилии Галкин, то эксперты по антропонимике – науке, изучающей происхождение имен и фамилий людей – считают, что Галкины чаще всего относятся к русской, белорусской, мордовской, татарской или еврейской национальности.

При этом отмечается, что в русских популяциях усреднённое соотношение фамилий на -ов, -ев, -ёв к фамилиям на -ин, -ын возможно установить как 70 к 30 процентам. А у белорусов соответствие суффиксов -ов, -ев, -ёв и -ин, -ын совершенно иное – 90 к 10 процентам.

Что касается еврейских корней фамилии Галкиных, то здесь эта фамилия относится к так называемым «патронимическим» еврейским фамилиям. То есть к тем фамилиям, которые были образованы от мужских личных имен. Как правило, таким именем чаще всего служило имя отца или, реже, деда. По звучанию подобной «патронимической» фамилии обычно достаточно легко определить, как именно звали главу данной семьи (то есть, первого носителя этой фамилии) в момент присвоения евреям фамилий.

Исследователи считают, что фамилия Галкин (Гелейсон) произошла от мужского имени Гелей/Галей – формы имени Гиллель. Одно из первых упоминаний евреев по фамилии Галкин относится к переписи ремесленников города Слуцка за 1811 год. В этой переписи значится Шломо Янкелевич Галкин, 1767 года рождения – отец ремесленника и мещанина города Слуцка.

На территории Российской империи еврейские носители фамилии Галкин жили и в Белоруссии – в таких городах и местечках, как Бобруйск, Рогачев, Климовичи, Быхов, Могилев, Чериков.

7.

В XVII веке на месте современного города Прокопьевска стояло село Монастырское, первое упоминание о котором относится к 1648 году. Оно основано русскими служилыми людьми и казаками. Населённый пункт вначале числился заимкой, потом деревней, наконец, с появлением церкви, селом. Первоначально его вольные хлебопашцы и охотники были приписаны к Рождественскому монастырю города Кузнецка.

Переименование села связано с христианским религиозным праздником – днём святого Прокопия Устюжского. Поэтому после строительства здесь церкви святого Прокопия оно стало называться Прокопьевским.

К середине 19 века Прокопьевское было самым крупным поселением в бассейне реки Абы, потому в 1911 году стало центром одноимённой – Прокопьевской – волости Кузнецкого уезда.

В начале 20 века в Прокопьевском имелись начальная школа и церковь, здесь проживало около полутора тысяч человек. В основном они занимались земледелием и скотоводством, промышляли охотой и рыболовством. Большинство жителей относились к потомкам тех русских, кто прибыл в Кузнецкий уезд ещё в 17-18 веках.

К началу 20 века 50 гектаров земли в самом центре Прокопьевского принадлежали Кабинету Его Величества – для разработок каменного угля. Разведка его запасов и добыча из пробных штолен увенчались успехом. Именно «черное золото» определило судьбу только-только нарождающегося города на весь 20 век.

В 1914 году по заданию франко-немецко-бельгийского акционерного общества «Копикуз», у которого было право на монопольную разработку ряда угольных месторождений в Сибири, выдающийся геолог Леонид Иванович Лутугин приступил к

исследованию месторождения угля в будущем Кузнецком бассейне. Поисковые работы у села Прокопьевска вёл ученик Лутугина Василий Иванович Яворский. Он изучил левобережье Абы и в 1916 году составил первую карту выходов на поверхность угольных пластов. Чтобы начать добычу угля, необходимо было провести детальную разведку обнаруженных пластов.

Представители «Копикуза» наняли в разведочную партию людей из бывших приисковых рабочих, однако те, узнав о победе Февральской революции, забастовали и разбежались. Лишь в мае 1917 года тридцать старателей из Балыксы – вначале на лодках по Томи, затем на подводах через Кузнецк – доехали до Прокопьевского и приступили к геологическим трудам.

12 октября 1917 года в рудничной «Подневной книге» «Копикуза» появилась запись о том, что добыты первые промышленные пуды угля Прокопьевского рудника. Эта дата считается началом освоения месторождения.

А две недели спустя в Петрограде произошла социалистическая революция. Вскоре в Прокопьевском установили советскую власть. После Гражданской войны – в начале двадцатых годов – размеренная жизнь села начала непривычно ускоряться. В 1919 году здесь открыли штольню «Центральную», в 1921-м через Прокопьевское прошла железная дорога Кольчугино-Кузнецк. С открытием угольного рудника население села стало быстро увеличиваться за счёт приезжих.

Строительство первой шахты в Прокопьевске началось в 1923 году. Но в январе 1924 года её затопило водой. Зато заложенная одновременно с ней шахта № 2 была успешно запущена в строй. Вслед за ней строятся шахты № 2-бис, № 3 и № 4. В 1926 году заложена шахта «Центральная штольня» по проекту, разработанному Автономной индустриальной колонией «Кузбасс», созданной иностранными рабочими, которые по договору с правительством Ленина получили право на разработку угольных месторождений Сибири и строительство угледобывающих предприятий.

Уже к 1923 году основная масса прокопчан трудилась не в сельском хозяйстве, а в промышленности и на транспорте. Да и число жителей в селе за каких-то пять-семь лет увеличилось почти в десять раз.

В 1928 году село преобразовали в рабочий посёлок городского типа, которое вобрало в себя окрестные селения. 30 июня 1931 года посёлку присвоили статус города с населением 55 тысяч человек.

Так для Галкиных завершилась хлопотная сельская жизнь и началась новая, городская.

Ермолаю не нравилось, что его зятя начали отдаляться от крестьянских устоев. Нет, огороды у них были не хуже других, но в поле работать они не хотели, разве что на покосы ещё ездили всей гурьбой, ведь скотину держали постоянно. Но основным делом для них стала работа на предприятиях в посёлке. Вкалывать там молодым приходилось немало, очень уставали, приходили со смен домой – сил хватало только на еду да на выпивку, что тестю тоже было не по душе. Зато заработки стали стабильными, что молодых привлекало особо.

Поработал в шахте и Никанор – на проходке выработок. При этом каждый раз, когда спускался под землю, испытывал страх перед непонятным ему подземельем и всю смену ждал только одного – её окончания и выхода на поверхность, к солнцу. Эти смены в темноте подземной ночи выматывали душу, заставляли всякий раз пересиливать себя и свою боязнь перед неизвестностью подземелья, которое время от времени собирало свою кровавую дань шахтёрскими жизнями.

Мучился так Никанор, мучился и решил поискать другое занятие – на земной поверхности. Мужуку, привыкшему добросовестно вкалывать руками, при желании

найти дело было не так уж сложно. Он трудился в местном Зеленстрое – на благоустройстве улиц поселения, в Спецавтохозяйстве – возил на конной повозке бочки с отходами, нанимался на стройку...

Ему надо было кормить семью, которая всё росла. После Васи Матрёна родила двух дочерей и ещё одного сына, но эти детки прожили на свете недолго и ушли в мир иной. «Бох узял», – покорно вздыхала она, но, не отличаясь богомольностью, перекреститься при этом забывала.

В 1931 году схоронили Ермолая. После смерти жены Афимии он стал молчалив, задумчив, мало улыбался. Незадолго до кончины стал плохо видеть, мало ходил, всё больше лежал на кровати. Его забрал к себе в дом сын Николай. Летом он ставил для отца палатку в палисаднике на траве, в которой тот дремал днём в жаркие, душные месяцы или сидел возле неё на лавке и громко протяжно вздыхал...

В 1934 году у Никанора и Матрёны родился и оказался живучим сын. Родители хотели назвать его Мишей – в честь председателя Центрального исполнительного Комитета СССР Михаила Ивановича Калинина, который в начале того же года побывал в Прокопьевске, но потом передумали и дали мальчику имя Витя.

В 1936-м появилась на свет дочка Валя.

И для Галкиных, и для города этот високосный год был удачным. Именно в том же году в Прокопьевске пустили первый электрический трамвай: для подвоза работников к угольным предприятиям задействовали три трамвайных вагона, присланных из Москвы. «Угольная жемчужина» стала третьим «трамвайным» городом в Сибири – после Сталинска и Новосибирска.

Согласно государственной статистике в 1939 году население города перешагнуло цифру 107 тысяч человек.

И одним из новых жителей города в 1939-м стал маленький Юра, который народился в семье Галкины. Хлопот в доме, как говорится, был полон рот. Поэтому Мотя домохозяйничала, ходила за огромным огородом и детьми, обихаживала мужа. Поэтому на социалистическом производстве не трудилась и дня – и так крутилась лето и осень, зиму и весну, не приседая. Её маленькая фигурка то мелькала на грядках, то в сараюшке, где квохтали куры, а вечерами шумно вздыхала и призывно мычала корова и хрюкал поросёнок, то в доме с ребятишками.

8.

Но Вася был самым старшим, рано почувствовал ответственность перед младшими братьями и сестрой. Чем мог, помогал родителям, как мог, опекал младших. Словом, баловать было некогда, и, понимая это, он рос смыслёным, работающим ребёнком. Зная, что любознательный парнишка самостоятельно выучил алфавит и начал читать по слогам, Никанор отдал его в школу. Василий учился хорошо и с удовольствием.

Тридцатые годы – особые в истории шахтерского города. Именно в это время складывается его облик, его образование, здравоохранение, культура. Вместе с первыми трамваями появились первый стадион, первая зона отдыха – Зенковский парк. Первые каменные школы и больницы – все зарождалось в те далекие годы.

Газеты: центральная «Правда», Западно-Сибирского края «Советская Сибирь», прокопьевская «Забой», – в один голос утверждали, что город день ото дня становится всё более крупным промышленным центром не только Западной Сибири, но и всей страны.

Правда шахтёры в массе своей газет не читали, зато хорошо знали, что в новом городе, просторно разбросанном по холмам и увалам, на всё многотысячное

население, кроме трамвая, ходили всего два автобуса, в каждом – по 16 мест. Поэтому предпочитали селиться поближе к шахте.

Шахтовые посёлки быстро росли. В черте города появились новые жилые районы – Южный, Зиминка, Голубевка, Манеиха. Начал застраиваться Тырган. И чуть ли не в каждом создавали школы для детей.

При этом школа, где учился грамоте и набирался знаний Вася Галкин, всё-таки больше напоминала не городское, а деревенское учебное заведение. Вокруг деревянного двухэтажного здания с небольшими классами простирались широкие поляны, росли белоствольные берёзы. Было где разыграться ребятне на переменах и после уроков. Светлые классные комнаты украшали пёстрые занавески на окнах, на стенах – портреты классиков марксизма, революции и русской литературы, руководители государства.

С ранних лет появился у Васи закадычный друг Андрей. Они были двоюродными братьями по линии Татарниковых. И расставались друг с другом в эти детские годы лишь на ночные часы. Про таких друзей говорят «не разлей вода».

В первом классе Вася, как и все первоклашки, бегал на переменах, орал от избытка застоявшихся на уроках чувств, играл в чехарду. Во втором классе попробовал курить табак-самосад, пучки буро-зелёных сушёных листьев которого без присмотра висели на чердаке их дома. Здесь же мальчишки нашли ручной резак, действующий по принципу миниатюрной гильотины, где к одной рукоятке присоединили сразу с десяток лезвий.

Как сумели, они нарубили табаку, свернули толстую неуклюжую самокрутку. «Зобнем по паре раз», - предложил Василию товарищ. Прикурили, по очереди затянулись и закашлялись так, что сознание у Васи померкло. В себя он пришёл оттого, что отец пребольно тряс его за ухо, в другой руке родителя держал ремень. «Ещё раз закуришь, прибью!», - авторитетно пообещал Никанор сыну, плохо соображающему от невыносимой тошноты и головокружения. С тех пор он больше никогда не прикасался к куреву.

В третьем классе Вася резко переменился: стал серьёзным, безразличным к школьным играм. У него появились родные младшие брат и сестра, и надо было помогать матери по хозяйству. Поэтому на школьных переменах, не теряя времени, он делал домашние задания.

К пятому классу он окончательно вывел для себя, что точные науки для жизни гораздо предпочтительнее. В шестом и выпускном – седьмом – любил уроки математики и физики. В отличие от многих одноклассников хорошо представлял, как по проводам «течёт» электричество, что такое радиоволны и почему «тарелка» радиоприёмника хорошо говорит человеческим голосом.

Оттого после семилетки с благословения семейного совета пошёл в ремесленное – на слесаря. После окончания он твёрдо собирался в шахту. Куда ж ещё в городе, который считался едва ли не угольной Меккой?!

9.

В родне было с кого брать пример, Никанор познал сам шахтёрский труд, как и многие его земляки, оторвавшиеся – к неудовольствию тамбовских старожилов – от крестьянского уклада. Во-вторых, местную молодёжь зазывали на шахту со страниц и местной прокопьевской газеты, и краевой «Советской Сибири». О шахтёрах писали не иначе, как о героях трудового фронта.

В гости к шахтёрам то и дело приезжали руководители Советского Союза. Школьников города не раз отправляли на массовки, которыми обставлялись эти визиты. И Вася

своими глазами видел, как прибывший народный комиссар (а по современному – министр) и горняки радостно жали друг другу руки и дружески похлопывали друг друга по плечам и спинам.

За короткую историю угледобычи в гостях у Прокопьевска часто были первые лица страны, чьи громкие имена не сходили с газетных полос.

26 декабря 1928 года его посетил народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Выступая в рабочем клубе имени Артёма, он сказал: «Прокопьевск сейчас – раскинувшееся село, но в скором времени он должен превратиться в большой промышленный город».

В августе 1931-го Прокопьевск посетил народный комиссар по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР Климент Ефремович Ворошилов. Родившийся в Донбассе, он сам трудился в шахте в годы молодости. Он спустился в лаву, где работала бригада Ивана Акимовича Борисова, впоследствии первого кузбасского стахановца. Ворошилов с восхищением отметил: «На таких угольных пластах, как у вас, да с такими ударниками – не работа, а большое удовольствие!»

В августе 1933 года в городе побывал народный комиссар тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Он осмотрел строительство шахты имени Сталина (впоследствии шахта «Коксовая»), которая должна была стать второй из самых крупных в мире после американской шахты «Орион». Товарищ Серго спустился под землю, обследовал подготовительные выработки. Выступая перед горняками, подчеркнул: «Знайте, Магнитка и Кузнецк на ваших плечах и коксовым углем вы обязаны обеспечить эти два комбината».

В сентябре 1934 года в «угольную жемчужину» страны приехал председатель Совета народных комиссаров – Правительства СССР – Вячеслав Михайлович Молотов. Визит тоже был очень важным, после таких гостей город, как правило, получал хорошие финансовые «вливания» на развитие социальной инфраструктуры, на строительство жилья и благоустройство. Однако на этот раз приключился конфуз. Во время следования с железнодорожного вокзала в центр города машина, где сидел Молотов, нечаянно съехала на обочину. Никто при этом не пострадал. Однако этот инцидент инкриминировали секретарю горкома партии Александру Яковлевичу Курганову и водителю машины Виктору Арнольду как попытку организации террористического акта. Началось серьезное расследование заговора, которое затянулось надолго, цепочку «заговорщиков» выявляли, арестовывали, и подозреваемые исчезали в молохе правоохранительной системы.

Под подозрение в заговоре попал и родной дядя Василия Галкина Матвей Кремнёв – муж тётки Екатерины, младшей сестры Матрёны, работавший в городской артели по заготовке кож. В июле 1936 года к нему домой приехали на грузовике люди в форме. В своём доме на Буфере подозреваемого не оказалось: он за городом косил с родными траву. Следователи помчались туда, арестовали его прямо на лугу, грубо затолкали в кузов и увезли. Больше его никогда не видели, а в семьях Татарниковых и Галкиных об этом старались не говорить и не вспоминать.

Забегая вперёд, расскажем, что Курганов сидел в лагерях до «хрущевской оттепели», водитель Арнольд был расстрелян в 1942 году. А Васиного родственника реабилитировали после смерти Сталина. Оказалось, что ни в каком заговоре он не участвовал, его просто оговорили, что бывало нередко. Оправдали, к сожалению, посмертно.

Только в мальчишескую пору Вася не придавал значения таким событиям. В пятом классе он стал пионером. В комсомол не вступил: в школе – не успел, потом как-то не случилось...

Василий с интересом обсуждал со сверстниками каждое новое угольное предприятие, которое появлялось на карте Прокопьевска. Мальчишкам казалось, что шахты строились очень быстро.

В 1931 году в строй вступили шахты «Манеиха», № 5-6, позже переименованная в честь наркома К.Е. Ворошилова, и «Черная гора». В 1932-м сдали в эксплуатацию шахту «Зиминка 1-2». В 1934 году открыли шахту № 7 (получившую позднее имя М.И. Калинина). В 1935 году начала работать шахта имени Ф.Э. Дзержинского. В декабре 1935-го государственная комиссия подписала акт о приемке первой очереди шахты-гиганта имени В.И. Сталина. В 1937 году вступила в строй шахта «Маганак». В 1939-м пустили шахту «Красный Углекоп», в 1940-м заработали шахты «Южная» и «Восточная».

И это не весь список! Теперь становится понятным, почему в атмосфере трудового энтузиазма многие молодые прокопчане мечтали стать героями-шахтёрами.

Не смущало даже разрастающееся за счёт шахтёров кладбище на Буфере. Часто хоронили здесь гибнувших на подземной работе горняков, редкая неделя обходилась без печального события. В такие скорбные дни похоронная процессия двигалась по улице Зенковской, медленно выползая из-за пригорка тёмной лентой человеческих тел. Духовой оркестр пронзительно исполнял похоронный марш, деревянное место последнего горняцкого приюта всегда было отделано малиновым плюшем и чёрными лентами.

- Шахтёра на пагост ноне нисут, - говорила обычно Матрёна, стоявшая вместе с Никанором у своей калитки и, приложив обе ладони к глазам домиком, рассматривала процессию.

- Красиво праважают, - откликнулся Никанор.

А ребяташки влезали на забор, чтобы получше рассмотреть торжественную процессию. И это казалось Васе достойным продолжением романтики героических горняцких будней: погиб в настоящей битве за уголь...

В те предвоенные годы прокопьевские мальчишки с детства мечтали стать шахтёрами. Ведь если у тебя отец шахтёр, мама работает на шахте, шахтёрская профессия – самая распространённая и самая уважаемая в твоём городе, то выбор кем стать, невелик.

Осенью 40-го года первенец молодой семьи Галкиных поступил в ремесленное училище, на специальность подземного слесаря. Матрёне с Никанором и выбор сына, и учебное заведение симпатизировали ещё тем, что в течение учёбы – все три года – сын будет находиться на государственном обеспечении. Для семьи с четырьмя малолетними едоками это немаловажно.

По этому случаю Никанор с Матрёной решили устроить семейное торжество с блинами и бутылкой «казённой поллитровки». Правда, водка была припасена впрок – к дню великого Октября. «Ладна, - веско сказал глава семьи. – Ещё прикупим. А сёдьни антось её, стряпай, мать!»

У Моти как раз подошла квашня на кислые блины. «Качегарь-ка печь, атец!» - деловито распорядилась она и принялась хлопотать у плиты.

В семье Матрёнины блины очень любили, поэтому все засуетились. Никанор затолкал в тлеющую топку пару поленьев, а потом, как дрова занялись, угля подкинул и пошуровал кочергой. Вася из тёмной кладовой принёс в избу ведро с квашнёй «Пасаби. И махотку с малаком ниси», - попросила мать. Семилетний Витя с четырёхлетней Валей вертелись под ногами у взрослых в предвкушении вкуснятины. Годовалый Юра молча сидел в своём углу, перебирая игрушки-чурбачки и изредка поглядывая на старших.

А Матрёна раскалила на плите сразу две чугунные сковороды: одна пошире с длинной деревянной рукояткой, другая поменьше с короткой ручкой. Пучок связанных вместе куриных перьев она обмакивала в плошке с растительным маслом и размазывала тонким слоем масло по сковородке, выливая в неё полповарёшки жидкого теста, вращая сковороду так, чтобы белая масса ровно растеклась по ней, с громким стуком возвращала шипящую сковороду на плиту и быстро бралась за вторую, проделывая с ней тоже самое... Потом подхватывала с плиты первую, резким движением поддавала её вверх, отчего блин подскакивал, переворачивался в воздухе и как бы сам собой точно приземлялся на раскалённую поверхность сырой стороной. Причём, большая сковорода была для неё явно тяжеловата, и она удерживала её, упираясь в рукоятку локтем. «Не хватая у миня магутов... – смеялась она над своей слабостью. - Мама так учила...»

Семью прямо-таки завораживало то, как худенькая невысокая, покрасневшая у плиты Мотя ловко жонглирует огненными блинами. Все молча ожидали окончания этого священнодействия, глотая слюнки и с удовольствием вдыхая густой блинный аромат. На тарелках, стоящих на печном шестке, росли две горки блинов, похожих, считала дочь Валя, на маленькие румяные «солнышки», усыпанные множеством крохотных сквозных дырочек.

Никанор с Василием расставили на кухонном столе посуду. В углу стола поместили глубокую миску со сметаной, каждому едоку – выделили по блюдцу и по чашке или кружке с молоком. Отец достал из буфета две гранёных рюмки на коротких ножках. Потом внимательно посмотрел на старшего сына: «Ты как, Василий?» - тот смутился, неопределённо пожал плечами. Никанор покачал головой и достал третью рюмку.

Матрёна отстряпалась, но обед не начинался, потому что блинное священнодействие ещё не закончилось. Она смазывала каждый блин топлёным маслом, горкой укладывая их в освободившиеся сковороды. Когда своё место занял последний блин, острым кухонным ножом разрежала блестящие блинные горки на четыре части. Потом обмотав руку тряпичей, передвинула с плиты на загнуток большой алюминиевый чайник с оцарапанными боками, который приехал в Прокопьевск из Волчьего ещё вместе с родителями, и был отдан молодым «на обзаведенье». Чайник пыхтел и побулькивал кипятком. К нему Мотя придвинула сковородки с блинами, а в чайник бросила целый «кирпич» травяного плиточного чая с впрессованными в него сушёными яблочными дольками.

Василий с отцом, сидя на кровати, тихо переговаривались, а младшие уже просто исходили слюной.

- Да пагадити маленько! - замахнулась тряпкой на обступивших её детей, терпение которых было на исходе. – Идти к рамаойнику, руки мойти!

Наконец все расселись за столом, где в центре возвышались сковородки с блинами, и в ожидании предстоящего гастрономического священнодействия смотрели на главу семейства. Никанор с торжественным видом сколупнул сургуч с бутылочного горлышка, вынул пробку, понюхал содержимое бутылки и наполнил рюмки. В это время жена, придерживая на коленях младшего, который тянул руки к еде, деревянной ложкой разложила по блюдам сметану.

- Ну, - поднял рюмку родитель. – За тя, сынок! – и одним глотком выпил водку.

Матрёна выцедила водку маленькими глоточками, не поморщившись. Василий долго примеривался к своей рюмке, резко выдохнул и глотнул обжигающую жидкость, задохнулся, закашлялся, стирая кулаком со щёк побежавшие слёзы.

- Фу-у! – произнёс он. – Ну её! – и отодвинул от себя рюмку.

- Давайте есть, - произнёс Никанор и первым обмакнул в сметану четвертину блина.

- Ешьте, а то стынет, - проворковала Мотя, обводя взглядом своих золотистоголовых чад.

Все разом потянулись к блинным горкам, ухватывая блинные дольки, торопливо сворачивая их в трубочку или в конвертик и тыча ими в сметану. Запечённые до хруста, ещё горячие они просто таяли во рту. Какая же вкуснятина! Ели и на все лады нахваливали маму, а та похихикивала от удовольствия. Сама не ела – кормила с руки младшего...

Тут в сенях раздался стук, и голосом брата Николая спросили: «Эй, Галкины, дома?»

- Дома, дома! – враз загомонили все.

В избу вошёл Николай – точная копия Матрёны только в мужеском облики: тот же рост, лицо, глаза и улыбка. За ним увязалась в гости его светловолосая дочурка Аня.

- Заходи, Ермолаич, заходи, Аня, - поднялся навстречу им глава дома.

- Садитесь с нами, чайку попейти... - пригласила Мотя. – А чиво один? Иде жена твоя?

- Ха-ха! Как знал, шёл! – обрадовался Николай Татарников. – А Хритинья дома асталася, с малыши. Чиво празнуйте, Никанор? – а когда узнал причину семейного торжества, потрепал Васю по спине. – Давай, плимяш, учися харашенька!

Дети уплетали блины, а для взрослых Матрёна достала из подпола солёных огурцов, капусты, нарезала белого как сахар сала и чёрного хлеба. Никанор долил гостю в Васину рюмку, плеснул жене и себе. А когда содержимое поллитровки закончилось, взрослые и дети стали пить чай густой ароматный чай с вареньем. Гость и хозяйка завели нескончаемый разговор о делах многочисленной родни, который, как водится в российских семьях, переходят на дела государственные, в том числе и международные. Главной темой в те дни была: быть ли войне с немцем, и когда она начнётся?

Прихлёбывая горячий чай из блюдца, Никанор спокойно рассуждал:

- Не палезут! Пабаятся, палучат па зубам...

- Дак, как же! – горячился Николай. – Ане вон Европу сябе взяли! Французов-та – чик, и нету! Так и могут...

- Не, не могут! Гаварю, не дурак немец-та. Танков у нас у нас-та, самалётов-та... Мы быстро им рыла начистим!

Старшие пацаны слушали взрослых, затаив дыхание, Валя нянчилась с Юрой, а Матрёна убирала со стола...

10.

Может быть, потому война для многих началась неожиданно – не ждали, не верили...

Хотя разговоры о том, что «немец что-то затевает», в начале 1941-го мужики вели при любом удобном случае: и когда Николай или кто другой приходили в гости к Никанору с Матрёной, и когда молодые Галкины сидели за столом у родни или у соседей. «Не посмеют! - часто сходились на одном спорщики. – А если полезут, так мы их...»

Поэтому их, как всю страну, трагические события начавшихся 22 июня 1941 года масштабных военных действий фашистов против СССР повергли в шок.

В этот воскресный день погода стояла сухая и безветренная, ясная и не жаркая. Мотя про такие дни говорила: «Вёдро на дворе». Небо было абсолютно чистым. С утра Никанор с Василием у палисадника пилили на чурбаки осинового бревёшки, чтобы колоть их на дранку, которой собирались перекрыть прохудившийся угол крыши. Витя бегал со сверстниками на улице, Валя с Юрой играли в доме. Там же Матрёна готовила обед.

Ничто не предвещало страшной беды и после того, как наевшись наваристых щей и варёной картошки с топлёным маслом и передохнув, все снова разошлись по своим делам.

Отец семейства ловко тюкал топором по гладким, без сучков и трещин, чуркам, откалывая одну за другой тонкие пластинки, старший укладывал дранку ровными кучками, чтобы удобнее было поднимать их на крышу. После обеда часа прошло два часа, когда с улицы примчался Витя и завопил во всё горло:

- Война... война началась! Все говорят! Радио включайте! – глаза у запыхавшегося мальчишки горели огнём.

Окно кухни было открыто, Мотя услышала крики сына, и не успели мужики торопливо зайти в дом, как чёрная тарелка на стене громко заговорила голосом народного комиссара иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова: «...Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины...»

Все Галкины сгрудились в горнице у комода, над которым висели радио и портрет Иосифа Сталина в деревянной рамке под стеклом, и слушали. «...Наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору...», - говорил стране комиссар.

- Мы же их разобьём! Да, бать? – Витя рубанул рукой воздух.

- Малчи же ты! – дал ему подзатыльник отец, а Вася показал брату кулак.

«...Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу», - неслось из круглого динамика. Никанор дрожащими пальцами пытался свернуть самокрутку.

«Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом», - Матрёна слушала радио, раскрыв рот и часто моргала.

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!», - торжественно закончил Молотов.

- А я что говорю! – запрыгал Виктор.

- Да памалчи, дурья башка, - цыкнул на него отец. - Крышу, видно, уже не даделаем...

- Ой, нету мочи! – охнула Мотя и схватилась за грудь. - Серца зашлась...

Василий молчал, растерянно поглядывая на родителей. Матрёна показала пальцем на малышей – пятилетнюю Валю и двухлетнего Юру, которые продолжали играть в куклы и кубики, не обращая никакого внимания ни на радио, ни на взрослых:

- Глянь-ка, каму война, а имя и горя нету... - лицо её вдруг побелело до неузнаваемости, Мотя заплакала. Она в очередной раз была на сносях, рождения ребёнка ждали к началу осени.

Никанор начал торопливо переодеваться в выходное.

- Куды? - встревожилась Мотя.

- В город. Узнаю чиво, - не глядя на неё, пробурчал глава семейства и ушёл.

Вслед за ним заторопился и Вася, решив на всякий случай сходить в своё училище. Матрёна с малыши осталась дома.

Весь остаток дня к ним в дом шли люди. Приходили сёстры: то встревоженная Фёкла, то зареванная Екатерина. Со слезами на глазах женщины взволнованно судачили о

том, что теперь будет. Заглянул брат Николай, приходили соседи – говорили об одном: началась война, заберут на неё мужиков, как будем жить дальше?

Вернувшийся из города Никанор сообщил, что в военкомате сказали, что надо ждать повестки.

11.

Мобилизация началась скоро. Через какую-то неделю сибиряков стали призывать на фронт. Один за другим уходили на фронт и зрелые мужики, и молодые парни. Женщины и дети плакали, провожая отцов, мужей и братьев.

Получил повестку родной старший брата Никанора – Григорий. Он ушёл на войну в первые месяцы. Другой его родной брат Николай работал на добыче угля и ему дали бронь – воюющая страна очень нуждалась в «черном золоте».

Не взяли на войну и самого Никанора. Медкомиссия обнаружила, что у него в юности были сломаны несколько рёбер, из-за чего начался скрытый плеврит лёгких, о котором она ещё даже не догадывалась. Несколько рёбер врачам пришлось удалить. Его признали негодным к окопной жизни, вместо этого он получил повестку в трудовую армию. И его увезли на лесоповал в рабочий посёлок Мундыбаш – здесь, километрах в ста южнее Прокопьевска, на склонах гор заготавливали лес для шахт. Тяжелеей работу придумать трудно, однако ширококостный, жилистый от природы, Никанор вкалывал не хуже многих других. Даже числился на хорошем счету, перевыполняя сменную норму.

Посёлок Буфер опустел, будто вымер, жизнь здесь напряглась и притихла: не было слышно смеха ребятни, играющей на улице, зычных бабьих голосов. В первые дни его обитатели часто бегали в магазин – запастись спичками, солью. Через некоторое время с прилавка начали исчезать продукты, и скоро ввели карточки.

При встречах с родней и соседями в глазах у Матрёны стоял немой вопрос: как жить-то сейчас? Многодетную, безмужнюю, беременную маленькую Матрёну к работам не привлекали. Она и без этого пахала как лошадь: на огромном огороде, у плиты и стирального корыта дома, на отвалах породы возле шахты, где люди собирали куски угля для домашних печей. А мысли с утра и до поздней ночи были одни и те же: думала о Никаноре, о том, как прокормить детей, да приготовиться к длинным сибирским холодам.

Первая военная зима стала для Галкиных, пожалуй, самой трудной.

Василий стал в семье старшим мужчиной, как мог, помогал матери после учёбы. Каждое утро, отправив старшего в училище, Матрёна вначале спешила в огород; здесь требовали ухода ряды картошки, которая была главным продуктом на семейном столе, овощные грядки надо полоть от сорной травы, не полей вовремя помидоры и огурцы – завянут и не получишь урожая. Восемилетний Виктор мигом повзрослел, оставил уличную беготню, постоянно находился при матери: таскал воду, дёргал сорняки, тяпал картофельные кусты. На семейном совете Василий с Матрёной решили – во что бы то ни стало осенью отправить парнишку в первый класс.

После обеда Мотя с Витей отправлялись на шахту имени Дзержинского. Здесь на шахтовом отвале окрестные жители собирали уголь. Откатчики выталкивали из-под земли на поверхность очередную вагонетку, наполненную породой, которую «отбили» проходчики, прокладывая в земном «нутре» проходы к угольным пластам: штольни, квершлагги, штреки, уклоны.

Вагонетку подводили к краю отвала и переворачивали. Сборщики угля кидались к сыплющемуся из неё на землю содержимому. Опытным глазом они умели отличать в этом множестве камней угольные куски, выхватывали и складывали их – каждый в

свою кучку. В отличие от породы угольные комки были более лёгкими. На фоне общей сероватой массы породы они были темнее по цвету, поблёскивали ровными изломами на дневном свету.

Юркий Витя первым кидался к вагонетке, у Матрёны сердце замирало: не засыпало бы сына. Сама она палкой выковыривала из породы куски топлива. К вечеру на отвале являлся Василий, перед собой он толкал небольшую тележку, в которую Галкины складывали собранный за день уголь, везли его домой и ссыпали в устроенный под домом специальный закут. В семье хорошо знали, что каждая тележка – это тепло в доме на два-три зимних дня...

Валя помогала семье тем, что присматривала за маленьким Юрой, сидела с ним дома, развлекала малыша, как могла. Появилась у неё и ещё одна обязанность: днём она слушала военные сводки «от Советского информбюро», которые сообщал диктор Левитан, и подробно пересказывала родным за ужином, куда отступили наши войска и сколько уничтожили немецких танков и самолётов.

Эта обязанность возникла случайно ещё в самые первые дни, когда её стали оставлять дома одну с младшим братом. Однажды в углу, где играли дети, мелькнула мышь. Брат не обратил на неё внимания, а перепуганная до смерти девочка мгновенно вскочила на стол и сидела там, боясь спуститься на пол. От нечего делать, она дотянулась до «тарелки» радио на стене и включила её. За день несколько раз передавали неутешительные сводки Информбюро, смыслённая девочка запомнила их и вечером за столом воспроизвела информацию по памяти.

И когда на другой день Матрёна, уходя с Витей за углём, наказала дочке:

- Не баись ты энтава мыша, он ить такой малай... – её слова не прибавили девочке храбрости.

Наглая мышь не боялась малышей, и выгуливалась в горнице, как только старшие покидали в дом. Валя спасалась от неё на столе, слушая радио. Так и повелось...

12.

С началом войны жизнь круто менялась и во всём Прокопьевске. Стали больше добывать угля и отправлять на меткомбинаты. Посыльные из военкоматов разносили по дворам и квартирам повестки с требованием явиться на сборный пункт для мобилизации в армию.

23 августа 1941 года в городе начали формировать стрелковый полк № 1250 – в него призвали около двух с половиной тысяч человек. Брат Никанора Григорий Галкин попал в этот полк. Первым комполка у прокопчан стал майор Петр Николаевич Гушкевич. Такие же полки из Ленинска-Кузнецкого, Сталинска и Кемерово вместе с Прокопьевским полком образовали 376-ю стрелковую Кузбасскую дивизию.

Родные за первые месяцы войны успели получить от Григория лишь несколько солдатских треугольников – коротких писем, из которых следовало, что везут их к Ленинграду.

Первые бои прокопчан были страшными. 29 декабря 1941-го Кузбасская дивизия прибыла на Волховский фронт. И на следующий день в составе 59-й армии сразу же получила боевое крещение: вступила в бой в районе города Чудова. Боевая задача была простой и невыполнимой: оказавшийся в руках немцев, город сдавать нельзя было, он открыл путь к южным окраинам находящегося в блокаде Ленинграда.

Как следует из оперативных донесений, к началу боевых действий дивизия была обеспечена полностью лишь винтовками. В распоряжении полков находилось лишь 8,3 процента от положенного числа ручных пулеметов, станковых пулеметов – 4,6 процента. Минометов, автоматов, средств связи не было вообще. Личный состав не

имел зимнего обмундирования. Из-за отсутствия транспорта дивизионная артиллерия не смогла принять участия в первом бою.

Дивизию бросили на штурм высокого, хорошо укрепленного берега реки Волхов. Цель, поставленная командованием фронта, – любой ценой захватить Чудов. Под шквальным огнем врага сибиряки устремились в атаку и выполнили задачу: им удалось выйти на западный берег реки Волхов и вплотную подойти к главной полосе обороны противника.

Бились с врагом крепко и остервенело, будто породу рубили в забоях. Недаром ещё осенью 41-го, в ходе сражений за Одессу, в каких участвовали полки из донецких шахтёров, немцы выпустили такой приказ: «Моряков и шахтёров в плен не брать, а немедленно уничтожить».

Однако удержать плацдарм не удалось. Противник контрнаступлением отбросил дивизию. В последующие дни атаки кузбассовцев продолжались, но без успеха. При этом наши несли огромные потери: только за первые четыре дня боёв не стало половины личного состава дивизии.

7 января 1942 года 376-ю дивизию опять бросили в наступление. Однако без поддержки танков, артиллерии и авиации наступление не имело успеха, и 10 января было остановлено. Где-то в этих боях не стало Григория. В Прокопьевск пришло извещение: «Пропал без вести». С тех пор родные больше никогда и ничего не смогли узнать о Григории Степановиче Галкине...

13.

В первые месяцы войны в Прокопьевск начали прибывать промышленные предприятия, культурные и научные учреждения, эвакуированные с западных территорий страны. С заводами, фабриками, институтами приезжали их специалисты, рабочие основных специальностей.

Одним из первых в город привезли оборудование Киевской табачной фабрики и московской фабрики «Дукат». В военное время их технология легко перестраивалась с производства папирос и сигарет на выпуск патронов. Фабрика делала и папиросы в коробках «От сибиряков – фронтовику».

Прибыли станки и конвейерные линии гиганта советской промышленности – Харьковского электромеханического завода. Москва поставила прокопчанам серьёзную задачу: 1 декабря 1941 года развернуть на базе оборудования ХЭМЗ выпуск бомб, снарядов и двигателей для подводных лодок.

13 октября 1941-го из Донбасса в Прокопьевск «прикатил» Краснолучский машиностроительный завод. Его преобразовали в механический завод для обслуживания шахт, ремонта шахтного оборудования.

Прокопьевский государственный союзный завод лампового хозяйства (ЗОЛХ), выпускающий светильники для подземных работ шахтёров, самоспасатели, трансформаторы и пускатели, доукомплектовали эвакуированным оборудованием, и заводчане за считанные недели освоили производство гранат, мин, запалов.

Но больше, чем боеприпасов, от Прокопьевска требовали угля. Промышленная ось Урал-Кузбасс становилась главной опорой военной экономики, Кузнецкий бассейн – главной «кочегаркой» страны, а Прокопьевск – основой в добыче советского угля.

Из-за войны срок обучения Василия сократили – индустрия города требовала кадров. Иногда вместо учёбы ребят посылали помогать госпиталям – в Прокопьевске их развернули семь. Сюда везли только тяжелораненых, на длительное лечение. Дети, школьники, комсомольцы и взрослое население города помогали в уходе за ранеными.

Василий Галкин с друзьями пешком добирался до длинного, г-образного здания на улице Шишкина на Тыргане, где размещался эвакогоспиталь № 1026/3616. Здесь ребята мыли, скребли, помогали убирать за ранеными в палатах и подвалах трехэтажных корпусов. Однако самым тяжёлым испытанием была не эта работа. Порой юношам нелегко было видеть, как исходят болью и умирают на больничных койках искалеченные войной солдаты. «Каждого второго мы возвращаем на фронт, - объяснял мальчишкам главврач госпиталя. – А остальных или комиссуем, или хороним».

- Когда же погоним фашистов с нашей земли? Почему так долго воюем и отступаем? - удивлялись между собой мальчишки. Но взрослые молчали...

Василий торопился освоить азы и тонкости слесарного дела, получить документ о специальности и – скорее бы в шахту. На шахте успел поработать его отец, в шахте трудился отцовский брат Николай.

Кроме того, 15-летнему Василию не терпелось начать зарабатывать деньги, чтобы помогать матери и младшим выжить в трудные времена. А в шахте, кроме пайкового «тормозка», куда входили хлеб, сало, сахар, несмотря на войну, платили и наличные.

В многочисленной родне Галкиных каждая семья выживала, как могла. Продовольственное снабжение перевели на карточки. По карточкам получали хлеб. Причём, машиностроитель Прокопьевска в день получал 700 граммов хлеба, шахтер – до килограмма. Зато на так называемых иждивенцев: неработающих взрослых и детей, - приходились хлебные крохи. Мясо, крупа, жиры выдавались людям только по карточкам.

Матрёну выручал огород: картошки и овощей хватало. Но Валя часто мечтала вдоволь поесть хлеба. И когда Василий иной раз вечером приносил оставшуюся от «казённого» обеда в училище хлебную корочку, та чаще всего доставалась сестре.

Виктору в выходные поручали торговать на небольшом стихийном рынке, образовавшемся неподалёку от дома. Здесь редкие покупатели нет-нет да брали у мальчишки приготовленные матерью пучки зелёного лука и редиски, миску огурцов. Вырученные копейки шли в тощий семейный бюджет. Раз в месяц из трудармии немного денег присылал семье Никанор. За семейным столом Василий читал вслух короткие отцовские письма, полные тоски и надежды на встречу с семьёй.

Кто-то из родни большой родни Татарниковых-Галкиных выживал за счёт известкового «бизнеса». Этим промыслом, например, занялась жена сгинувшего на фронте Григория Степановича Галкина Катерина. К нему она вынуждена была обратиться с первых военных месяцев, ставших едва ли не самыми трудными, пока люди приспособивались к тяготам и лишениям, втягивались в тыловую «военную» жизнь.

Рядом с Тогульской и Изоринской улицами шла Западно-Сибирская железная дорога. Кто-то обнаружил, что в щебне на высокой дорожной насыпи попадает розово-коричневатый камень-известняк. И вот уже стайки сборщиков известняка с утра до позднего вечера стали бродить вдоль насыпи: в руках – палка, чтобы ковыряться в щебёнке, за спиной мешок – складывать ценные находки. Внимательно осматривали склоны насыпи. Со стороны они чем-то напоминали грибников, которые прерывали свои поиски лишь на минуту-другую, чтобы переждать пролетающий мимо грохочущий состав поезда.

Потом собранные камни кололи молотками на мелкие кусочки, устраивали костры: кто – во дворах, кто – в овраге за огородами. Сначала разжигали дрова, затем подкладывали в огонь каменный уголь, а когда уголь разгорался докрасна, насыпали сверху слой известняка.

Процесс занимал несколько часов, иногда длился до утра. Пережжённую белую каменную известь перемазанные сажей добытчики выбирали из прогоревшего

костровища и продавали на рынке, обычно насыпая порциями в металлические миски граммов этак по 250-300. Несмотря на войну, у заботливых домохозяек известка пользовалась спросом – для побелки стен и потолков, печей. Её добавляли в цементный раствор для крепости.

Мотиного брата Николая Татарникова на фронт не взяли, а работать под землёй не пустила медкомиссия – оказался слабоват грудью, худосочен и мал ростом. Вместе с тем, ему, небольшому, жена Хритинья родила пятерых: сыновей Ивана и Анатолия и дочек Полину, Анну и Машу. Причём, Ивану шёл восемнадцатый год, и парень рвался на фронт. Чтобы прокормить семью, Николай едва ли не сутками плотничал на хоздворе шахты «Центральная».

14.

В самые последние дни лета 41-го года у Моти родилась дочка. Она была крохотной даже для новорожденной, отказывалась есть и без перерыва громко плакала. Грудного молока у Матрёны не было, и она кипятила для Гали, так назвала ребёнка, коровье молоко. Регистрировать дочку Матрёна не спешила, материнский опыт подсказывал, что та – не жилец на этом свете. Через полтора месяца дочка угасла... «Бох взял», - вздохнула Матрёна и смахнула слезинку.

Под её диктовку Василий вечерами писал письма отцу в Мундыбаш, излагая ему подробности их нелёгкой жизни.

Старший сын Никанора пошёл в отца: высокий, стройный, русый красавец с голубыми глазами и с по-настоящему мужским ястребиным профилем. Однако к огромному огорчению Василия, в шахту его не пустили. На придирчивом медосмотре выяснилось, что одна нога у него короче другой, чему ни он, ни отец никогда не уделяли особого внимания. Матрёна острым материнским глазом подмечала, что её старший при ходьбе странно пританцовывает, но не придавала этому значения. И во время производственной практики, которая проходила под землёй, физический недостаток Василия никто не заметил.

В общем, выпускник училища получил направление на работу на поверхности. Решение докторов Василия просто шокировало: разрушилась мечта его жизни. Пару дней после этого заключения он не ел, молча лежал в горнице, хмуро глядя в потолок. Однако к началу третьих суток стряхнул с себя оцепенение, встал, оделся и ушёл, сказав матери: «Надо в город». Вернулся вечером и бодро объявил: «Иду слесарем на угленакопительный комплекс шахты Сталина. Здесь будут обогатительную фабрику строить. Вот так! – и добавил, глядя на мать просящими глазами. – Есть хочу, мам...»

Матрёна мало что поняла про работу сына, но тихо радовалась за него, ласково гладила по голове сына, торопливо поглощающего варёную картошку с квашеной капустой, и приговаривала: «Ешь, сынок, ешь, кармилиц. Я те картох намяла».

Ещё один тяжёлый военный год, 1942-й, уходил в историю. Василию исполнилось шестнадцать, и через несколько дней ему принесли повестку из военкомата – надо было встать на военный учёт. Однако физический недостаток и здесь послужил препятствием: признали, что к строевой службе не годен.

Зато на трудовом фронте сгодился, да ещё как! Николай Иванович, бригадир слесарей первого создаваемого в Прокопьевске обогатительного производства не нарадовался на сообразительного расторопного безотказного юношу, который на лету схватывал тонкости работы.

Удивительно, если матери тех лет мечтали, чтобы дети побыстрее росли, чтоб помогать старшим. Правда, и Матрёне казалось, что её мелюзга растёт медленно.

Виктору шёл девятый год, и он уже ходил в школу. Шестилетняя Валя присматривала за трёхлетним Юрой.

Вечерами «галчата», как, шутя, называли их родные и соседи, подолгу хороводились возле кухонного стола: до последней крошки съедали ужин, потом слушали рассказы уставшего после смены Василия – про дела на работе, про жизнь в городе. Ещё он читал им письма отца из трудармии.

Читали и солдатские треугольники с фронта: их писал Николаю и Хритинье Татарниковым их старший сын Иван, его призвали в армию, и он служил в штабе одного из военных фронтов. Николай сам умел читать, но Хритинья приносила письма сына к Галкиным. Ей нравилось, как Василий с выражением перечитывал скупые солдатские строчки. Она слушала очередное послание с фронта, покачиваясь на табурете и бесшумно глотая слёзы, и одна солёная капелька всегда повисала на её коротком, заострившемся от недоедания носу.

В завершение вечерних посиделок Валентина пересказывала сводки Информбюро.

Особо слушали сообщения девочки о боях в Сталинграде. Однажды пересказывая информацию, Валя сказала, что враг рвётся к Сталинграду и Воронежу, усилились налеты немецкой авиации, что бомбовым ударам регулярно подвергаются крупные промышленные центры и железнодорожные узлы в Тамбове, Мичуринске, Котовске...

- Танбоф! – встрепенулась Мотя, услышав знакомое название. – Неужто и Танбоф немец захватит?

- Не, мам, - уверял старший сын. – Наши насмерть стоят! Сталин приказ дал: «Ни шагу назад!»

Матрёна вздыхала: «Када ж пагонют супастата?»

Из Прокопьевска на фронт к этому времени забрали уже несколько тысяч мужчин. Однако никто не отменял главной задачи рудника – давать стране всё больше угля, да непростого, а коксующихся марок, чтобы металлурги плавил хороший металл для оружия.

Железная дорога проходила в полукилометре от дома Галкиных. И они видели и хорошо слышали, как в оба конца с небольшими паузами день и ночь идут эшелоны. «Чёрным золотом» горняки питали Сталинский и Магнитогорский металлургический комбинаты, Томскую железную дорогу, многочисленные электростанции воюющей страны.

В 1942 году в угольной промышленности города женщины составляли третью часть подземных рабочих. За семейным столом Василий читал вслух заметки из газет, принесённых с работы: про первую женщину – забойщика с шахты имени Сталина Александру Леонову, про первую женщину – начальника шахты «Зиминка» Марию Косогорову.

«Родина зовёт на подвиг, - громко, с выражением читал он своим внимательным слушателям. - Мужчины один за другим уходят на фронт. «Скоро, девчата, вам полегчает, - неловко пошутил мастер с девушками – откатчицами вагонеток во время их короткого отдыха. - Забойщиков-то совсем не остаётся». «Вот – вот, не остаётся, - встрепенулась откатчица Саша Леонова, – Но не останавливать же шахту из-за этого. Нам надо идти на их место! Мы – молодые. Здоровые. А откатчицами могут быть и пожилые, в угольном забое-то им не сдюжить...» Вскоре была создана первая в Кузбассе молодёжная бригада забойщиц, а Александра Леонова, стала её вожаком. Одна за другой появляются на шахтах молодёжные женские бригады забойщиц: на шахте «Зиминка», № 3-3 «бис», имени Ворошилова».

- Вот как работать надо! – подвёл итог Василий, обводя глазами серьёзные лица младших.

А ещё в газете часто были такие заметки: «Т.И. Орлов, забойщик шахты № 3-3 «бис», пишет в письме своему фронтовому другу: «Когда я рубая уголек, то мне кажется, что я вместе с тобой дерусь за нашу Родину. Весть о том, что мой товарищ, с которым я много лет работал в одном забое, получил ранение от вражеской пули, усиливает мою ненависть к супостатам-фашистам. Заверяю, что и в дальнейшем мы будем так же драться за уголь, за нашу победу над врагом».

15.

...В начале 43-го Валентина выучилась читать. Она освоила алфавит с помощью «Букваря», которым пользовался Витя. Как-то раз она показала свои способности за семейным столом, прочитав по слогам несколько строчек.

- Мам, я осенью пойду в школу? – пристала она к матери.

- Уймися! – отмахнулась от дочки Матрёна. – Не в чём тебя в школу пускать. А Юрку на каво бросим? – и она сердито загремела горшками и кастрюлями у печи...

Если в первый военный год угледобыча сокращалась: одной из причин была отправка опытных рабочих на фронт, - то в 42-м общая добыча топлива на 13 шахтах города превысила довоенный уровень. В 1942 году газета «Правда» назвала прокопьевских шахтёров настоящими гвардейцами тыла.

Осенью этого года шахта «Зиминка» во главе с директором Марией Косогоровой, перевыполнив государственный план, вышла победительницей во всесоюзном соревновании и первой в Кузбассе получила звание «Лучшей шахты Советского Союза» и переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Оборона страны.

Матрёна заметила, что зимой Васина зарплата, и без того невысокая, стала меньше, при этом сын чуть ли не ежедневно задерживался после смены: то в погрузке дополнительного угля участвовал, то сверхурочно ремонтом оборудования занимался. А ведь в семье с малыми детьми каждая копейка была на учёте.

- Пашто? – спросила она сына за ужином, пересчитав выложенную им на стол получку. – Можя, зажинихалси, завёл каво? Нявестку важишь, чтоль?

- Скажешь тоже, мам, - смутился Василий. – У меня работа, да дом... Если б завёл, ты бы узнала. Мы деньги фронту отдаём! Чтобы наши победили.

В 1942-м прокопьевские комсомольцы и молодёжь вели сбор денег на строительство эскадрильи «Комсомол Кузбасса», в 1943 году – на строительство танков для Нежинско-Кузбасского механизированного корпуса. Часто подписывались на облигации государственного военного займа.

А 1943 год начался с новостей. 26 января вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Кемеровской области. Столицей стал молодой город Кемерово. Эту новость «принёс» домой Василий: он был взбудоражен этим известием и без конца отвлекался от ужина:

- Сталин знает, что надо делать! – уверял он семью. – На работе говорят, что теперь от наших шахт стране больше пользы будет.

- Ешь давай, - отвечала Матрёна. – Нам бы вайна скоря кончалась, да атец в дом вернулси...

- На работе спрашивают: почему Кемерово, а не Прокопьевск? – не унимался старший сын. – Ведь и по численности, и по территории наш город больше, и вообще шахт у нас в два раза больше. И Прокопьевск наш – посредине области, а Кемерово – с краю... Ну, посуди сама, мам, внутри нашего города аж целых три района! – продолжал обосновывать он свои доводы.

Он сыпал фактами и аргументами о том, что Прокопьевск поделен на три района – Калининский, Ленинский и Южный, что в городскую черту включены Усяты, Зенково и поселок шахты «Южной», что угольщики важнее всех остальных профессий...

Младшие заворуженно замерли, слушая взрослые разговоры.

- Да ешьте вы! - сердилась мать.

- Мужики наши в Кемерово ездили, - опять отложил ложку Василий. – Разваленный, говорят, грязный, по улицам пройти невозможно...

Матрёна шлёпнула его по затылку:

- Вот чай не дам те, узнаишь тада!

- Почему, на худой конец, не Сталинск? – неизвестно у кого спросил настойчивый парень. – Мужики говорят, что, правда, там без нашего угля ничего не могут. Но, ведь это же Сталинск!

- Ох, малчи, - испуганно ворчала Матрёна.- Смотри, добуробисся...

А буквально на следующий день Валя тожественно объявила всем за семейным ужином, что наша армия прорвала блокаду Ленинграда...

- Намучились, бедныи, - сказала Мотя. – Да ешти вы, акаяныи! – сердито стукнула она по столу маленьким кулачком. - Вот я вас рагачём! – нарочно тянулась она к ухвату.

...В честь этого события шахта «Зиминка» стала инициатором соревнования за сверхплановую добычу угля в фонд помощи Ленинграду. Директор Косогорова сама спустилась в забой и отработала с отбойным молотком в руках три смены.

2 февраля окружённая под Сталинградом группировка фашистов капитулировала, в том числе 24 генерала и фельдмаршал Паулюс.

- Антихрист етот Палис! – была уверена Мотя.

А Василий читал им строчки из шахтовой многотиражки, что «победа в Сталинградской битве имеет решающее значение для исхода войны».

К весне 43-го во многих домах Прокопьевска с питанием было туговато. Не сыто жилось и всей стране. Производство продуктов было сориентировано на фронт. Не у всех, как у Галкиных, были свои огороды. Чтобы как-то ослабить проблему, умные головы во Всесоюзном центральном совете профсоюзов издали постановление «О расширении индивидуального огородничества рабочих и служащих». Документ разрешал выделять рабочим и служащим земли для подсобных хозяйств и под огороды.

На холмистых полях вокруг шахтовых посёлков предприятия Прокопьевска с весны 1943 года начали активно выделять своим работникам участки: на семью – по три сотки. Люди сажали на них картошку, сеяли просо, овес, ячмень. В домашних хозяйствах начали выращивать свиней, держать кур.

В мае Матрёна с ребятишками копала свой необъятный огород. Лишь четырёхлетнему Юре лопаты не хватило, и он перебирал деревянные кубики, сидя на краю пашни. «Давайти, давайти! – подгоняла детей мама. – Патом перидыхнётти. Зато в зиму с картохами буим.

Как и всем, Галкиным хлеба не хватало, однако у Матрёны был свой секрет, как можно справиться с этим – с детства она умела делать оладышки из картошки. Правда, этот секрет был известен не только ей, а ребятишкам всё равно хотелось поесть хлеба вдоволь...

В 1943 году недалеко от Буфера, в районе Тупика, начали строить новые корпуса завода «Электромашина». Путь Василия на работу пролегал мимо высокого деревянного забора, которым строители отгородили большую площадку от городских улиц. Видно было, что предприятие будет крупное, основательное.

Скоро стены цехов «переросли» ограждение, и, проходя мимо, Вася с удовольствием наблюдал, как встают новые цеха.

Летом работы по дому великое множество. Утром Матрёна – куриц накорми, Васю на работу проводи. Потом остальным детям завтрак собери. Затем – прополка грядки с ребяташками, после – с Виктором заготовка угля, чтоб не пропасть в холода.

Светлыми летними вечерами семья подолгу сживала за кухонным столом, обсуждая газетные новости и военные сводки.

В 1943-м в Прокопьевске было немало событий. Пустили новую шахту «Тырганские уклоны», расширили мощности шахт имени Сталина, Ворошилова и Калинина. Вообще всех прокопьевских шахтёров в тот год собрали под «крышу» нового комбината «Кузбассуголь» – он стал крупнейшим стране добытчиком коксующихся углей.

На семейных посиделках они с особым вниманием следили за битвами, за тяжёлыми боями на Курской дуге.

«Брянский, Юго-Западный, Степной, Центральный, Воронежский, - повторял Вася за сестрой названия фронтов. – Мы их скоро победим!», - заверял родных.

- Ох, - охала Матрёна. – Тада и атца отпустят...

На работе Василий ходил в передовиках. Не раз бригадир ставил его на самые ответственные участки, Вася умел найти общий язык даже со старшими по возрасту мужиками. Поэтому в конце года выпала молодому Галкину удача – шахтовый партком выделил ему приглашение на предновогоднее городское торжественное собрание.

Оно проходило во дворце культуры имени Артёма, который в городе именовали «кирпичным». Здесь в не самый морозный день – 23 декабря – в большом зале собрались лучшие люди города: представители многочисленной армии шахтеров и вспомогательных производств. Гремел маршами духовой оркестр, стояли очереди в буфет.

Василий то и дело одёргивал одетую поверх светлой отцовской рубашки старенькую куртку, которую накануне мать почистила и погладила. Ботинки на нём тоже были с отцовской ноги. В буфет он пойти не рискнул, хотя деньги с собой были. Долго выискивал своё место в зале, оно оказалось в конце партера. И оттуда внимательно рассматривал украшенный кумачом и портретами вождей зал с белыми колоннами и лепниной балконов.

В президиуме мелькали знакомые по газетным фотографиям лица с рядами орденов и медалей на пиджаках. Ту же Марию Прохоровну Косогорову он узнал сразу. За образцовое выполнение правительственного задания её сегодня наградили орденом Трудового Красного Знамени.

А когда в зале громко прозвучала его фамилия, имя и отчество, от волнения его сердце едва не выскочило из груди. На ватных негнущихся ногах Василий по проходу вышел к сцене, споткнувшись, поднялся по ступеням и получил первую в жизни почётную грамоту.

- Представляешь! – взхлёб рассказывал потом матери. – Сам первый секретарь спасибо за труд сказал и руку мне пожал. Вот так... Смотри, мам... Вот так!

- Да ни скачи! Давай, ешь, гаварю, - привычно отмахивалась Матрёна, отворачивалась, чтобы сын не заметил её счастливую улыбку.

А в конце праздничного – с блинами по случаю награды – ужина Валентина заученно «оттарабанила» сводку Совинформбюро: «В течение 23 декабря южнее Невеля наши войска продолжали вести наступательные бои, в ходе которых заняли несколько населённых пунктов»...

16.

В ту зиму прокопчане стали инициаторами трудовых вахт в честь освобождения и восстановления Донбасса.

Отступая, фашисты разрушали в Донецком бассейне всё, что можно, причём с таким иезуитским расчетом, чтобы не только вывести из строя шахты и заводы, но и затруднить их восстановление. Они взрывали стволы шахт, копры, надшахтные сооружения, насосы главных водоотливов, затопляли горные выработки. Из 1341 предприятия, действовавшего в Донбассе до войны, пригодным для эксплуатации осталось 61. И рабочих рук здесь катастрофически не хватало: десятки тысяч жителей стали жертвами, были замучены и расстреляны в гестаповских застенках.

Как-то Василий пришёл с работы с горящими глазами:

- Мам, у нас добровольцев на Донбасс записывают, там надо шахты восстанавливать... Я поеду! Можно?

- Чиво удумал! – разъярённо всплеснула руками Матрёна. – А их на каво бросишь с голада памирать?! – ткнула пальцем на угол, где возился с игрушками пятилетний Юра. – Не пуцу!..

Не проходило недели, чтобы они не написали письмо в Мундыбаш. Мотя просила Василия: «Надо ацу весточку подать пра наше бытьё». Тот брал у Вити небольшой лист бумаги – половина тетрадного – и под диктовку матери исписывал его мелкими буквами. А та, поглядывая в заиндевелое окно тёмного зимнего вечера, наговаривала ему незатейливые семейные новости, в которых грамотный сын заменял материны «пашто», «вчерась», «ён» и другие на «почему», «вчера» и «он». Заканчивала она свои многочисленные послания мужу всегда одним и тем же вопросом: почему стал реже писать своим деткам и жене?

Никанор, действительно, отвечал на три-четыре послания из дома одним коротким письмом, больше похожим на записку, смысл которой сводился к тому, что сильно устаёт, работы много, скорей бы кончилась война.

Матрёна очень похудела. «Кожа да кость», - невесело усмехаясь, говорила она о себе. И чувствовала, что с Никанором что-то не так...

А война всё длилась и длилась. Тем, кто осознанно жил в эти опалённые войной дни, недели, месяцы и годы, казалось, что она будет идти бесконечно и никогда не кончится. Взрослые Галкины терпели и до спазм в животе ждали победы. Выслушивая по радио или от Вали новости с фронта, знали, что зимой 44-го Красная Армия окончательно сняла блокаду Ленинграда, что весной наши войска перешли через границу СССР и начали бить врага на территории стран Восточной Европы.

Весеннее тепло как всегда пролетело в огородных хлопотах. Летом Вале исполнилось уже восемь лет, и она всё настойчивее требовала от матери отдать её в школу: «Мам, ну, мам, - заводила она каждое утро. – Я в школу хочу...» И каждый раз приводила какой-нибудь аргумент, типа: «Я тогда сама буду твои письма папке писать, вот хоть каждый день».

Матрёна отмахивалась, даже сердилась на дочь, дескать, как та не понимает, что некому будет с младшим дома оставаться, когда все уходят по делам. Обещала, что школа никуда не денется и в следующем году, лишь бы войны не стало...

Свою лепту в решение Валиной судьбы внесли старшие братья. Однажды вечером выходного дня Василий принялся убеждать мать: раз союзники высадили десант во французской Нормандии и открыли второй фронт, немцы вот-вот окончательно сдадутся, и война закончится. Поэтому нет смысла ещё на год откладывать школу для Валентины.

- Да и хадить ея не в чем... А хто ея, малую, туда вадить-то будит? Мне некада, – ворчливо развела руками Матрёна.

- Так я могу, мам, - предложил Витя, который уже закончил три класса. – Отведу и всё покажу.

Мотя повздыхала и начала шить дочери школьную форму из каких-то нарядов своего простенького гардероба.

...Витя выполнил своё обещание лишь один раз, да и то наполовину. Первого сентября 1944 года он за руку привёл сестру в школу № 5. Красивое кирпичное двухэтажное здание Вале очень понравилось. Они с братом пробрались к входу через толпу гомонящей радостной ребятни, зашли внутрь. Здесь две учительницы в длинных строгих платьях встречали первоклашек.

- Всё – подтолкнул Виктор Валентину по коридору. – Дальше иди сама, - и убежал.

Девочка растерянно оглядывалась. Но тут учителя подошли к ней.

- Как тебя зовут, - спросила та, что помоложе.

- Валя Галкина, - ответила Валентина.

Женщины уткнулись в свои тетради со списками первоклашек.

- Ага, - удовлетворённо ткнула в бумагу карандашом та, что возрастом постарше. – А лет тебе сколько?

- Восемь, - гордо сообщила девочка. – Девятый пошёл.

- Тогда тебе ко мне, - протянула руку учительница. – Меня зовут Екатерина Григорьевна. Пойдём, провожу в класс...

Так завязалась Валина любовь к школе. Первый класс пролетел незаметно. Училась она с удовольствием, на уроках схватывала всё на лету. Хорошо читала, быстро считала с доски, буквы выводила каллиграфическим почерком. Домашние задания выполняла самостоятельно, да старшим и некогда было проверять девочку. Зато в тетрадках и в классном журнале у неё были пятёрки. А когда Валентина заканчивала первый класс, закончилась и война...

17.

9 мая 1945 года в Прокопьевске на городском стадионе «Шахтёр» состоялся огромный 50-тысячный митинг в честь победы над Гитлеровской Германией. Народ ликовал, плакали женщины, надрывались ораторы. В этой огромной толпе Василий Галкин тоже чувствовал себя счастливым. Он слушал людей, вглядывался в их радостные и горестные лица и думал о том, что теперь очень скоро отец вернётся домой, и заживут они хорошо и сыто.

Но Никанору продлили службу в трудовой армии. Приказа о его демобилизации из Мундыбаша всё не было: для восстановления разрушенного хозяйства стране по-прежнему нужен был уголь. А без леса крепить шахтовые выработки не умели – для стоек, удерживающих при выемке угля свод забоя, использовали брёвна. Рабочих рук для их заготовки не хватало, вот и продлили срок трудармейцам военного призыва.

«Мы так ждали победы, – писал родным Никанор Степанович летом 1945-го. - Так радовались. Думали, нас отпустят домой. А нас не пускают...»

Вот настолько сильно было востребовано экономикой СССР «чёрное золото» Прокопьевска. И прокопьевские горняки добывали его всё больше и больше. Всего за годы войны шахты города отгрузили народному хозяйству 25 миллионов тонн топлива. Причём, перед шахтёрами ставили задачу повысить и качество угля. Василий Галкин напрямую занимался её решением.

Он по-прежнему трудился на обогатительном производстве шахты «Коксовая». А в 1946 году здесь вступила в строй полноценная обогатительная фабрика с самым современным на то время оборудованием – пятью сепараторами УШ-3, которые обогащали уголь до высокого качества. Техника требовала хозяйского глаза и постоянного ухода – этим и занимался из смены в смену слесарь Галкин со своими товарищами.

...Никанор вернулся из Мундыбаша только в 1947-м. Ну, как вернулся: в ответ на Мотины слёзы и причитания в письмах приехал домой, не спросив у начальства, без разрешения и документов. Радости в семье было много, жена и дети хороводом ходили вокруг похудевшего и осунувшегося отца, Матрёна подкладывала ему за столом лучшие куски.

А тот дня через три решил устраиваться на работу. Как и везде, на шахте «Чёрная гора» не хватало рабочих рук, и его взяли под честное слово, что вскоре привезёт паспорт.

Отдел кадров каждый день напоминал об этом новому рабочему. И Никанор поехал в Мундыбаш за своими документами. Здесь его арестовали за то, что уехал в Прокопьевск без разрешения.

Однако в заключении он томился недолго: суд оказался скорым, но ему повезло – приговор был оправдательным, учли, что он всю войну провёл в трудармии, на лесоповале, а теперь устроился не куда-то – на шахту, где рабочие руки были на вес золота.

Попрощавшийся было со свободой, Никанор на радостях напился с какими-то незнакомыми попутчиками в поезде, который вёз его к родному дому. Утром проснулся в вагоне с похмельной головой, без вещей. «Чудеса, аднака!» - смешком рассказал он дома жене о своих приключениях... И та его простила.

В 1948-м в стране учредили День шахтёра.

С тех пор для Прокопьевска этот праздник стал главным. Ведь угледобывающих предприятий в городе год от года всё прибывало. После войны в эксплуатацию были введены шахты «Северный Маганак» – в 1947 году, «Зенковские уклоны» – в 1948-м, «Красногорская» – в 1949-м, «Зиминка 3-4» – в 1953-м, «Прокопьевская» – в 1956-м. И везде требовались горняки.

Редкая семья в городе не отмечала этот день за большим столом – со спиртным, особыми закусками и песнями. Эта традиция появилась и в семье Галкиных.

Правда, все шахты рудника относились к числу сверхкатегорийных – опасных по внезапным выбросами угля, породы и газа. Уголь ценнейших марок залегают здесь в мощных пластах крутого падения, для которых учёные не могли придумать выемочную технику. Поэтому добыча велась в основном вручную, с применением взрывчатки, лопат и транспортёров. Горняков часто преследовали аварии, травмы, нередко – со смертельным исходом. Уж кому, как не жителям Буфера с его обширным городским кладбищем этого было не знать.

Работа в шахте тяжёлая, однако и престиж профессии был очень высок, а достойная зарплата позволила шахтёрским семьям выгодно выделяться в послевоенное десятилетие – в питании, одежде, домашней обстановке, семейном отдыхе.

Впрочем, трагедии случались не только на производстве. Муж Мотиной сестры Фёклы – Иван Беляев – погиб ранней весной 49-го из-за нелепого случая.

Жена его товарища, погибшего недавно в шахте, попросила помочь привезти с луга заготовленное с прошлого лета сено для коровы. Иван с водителем довольно спорно управились с погрузкой небольшого стога, уложив его в кузове грузовика так, что из сена получилось нечто вроде широкой юбки на чайник. Мужики разгорячились от

работы, скинули полушубки, несмотря на холодную погоду. А когда закончили, водитель предложил Ивану: «Давай, в кабину. И поедem...» «Неа, - ответил тот. - В кабине жарко, я на сено полезу, проветрюсь...»

Тяжело нагруженная машина медленно двигалась по извилистой грунтовке, переваливаясь с боку на бок и скользя на покрытых весенним льдом рытвинах. На одном из ухабов грузовик сильно трянуло, и водителю послышалось, будто что-то глухо ударило об землю. Он остановился, вышел из кабины. Иван лежал на спине на ледяной дороге, безжизненно раскинув руки, возле затылка расплзлось по льду красное пятно...

18.

Шахты, шахтёры... Стадион «Шахтёр», ГУМ «Шахтёрский универмаг», горняки – среди родных и многочисленных знакомых и соседей Галкиных...

На семейном совете у родных не было сомнений при выборе профессии для Валентины.

В 1951 году она с хорошими отметками окончила семилетку, а вот вопрос о её будущем решился не так легко, как надеялась девушка. Она объявила, что собирается в восьмой класс, а потом – десятилетка, медицинский вуз...

Как обычно проблему обсуждали за вечерним ужином. Места за семейным столом в последнее время стало меньше: в 1950-м Василий женился и жил с молодой женой Фаиной под родительским кровом. Он-то и высказался первым в повисшей за столом напряжённой тишине о том, что думает о будущем сестры:

- Какой тебе, Валентина, медицинский?! – чуть запальчиво начал он. – Ты же у нас брезгуша, мышь дохлую увидишь – тебя тошнит. А там болячки, кровь, покойники... Не выдержишь, бросишь...

- А что ты мне предлагаешь? - вспыхнула Валя и отложила ложку.

- К нам, на фабрику, - сходу ответил он. – У нас женщины тоже работают. Да ещё как, - и он озорно подмигнул жене.

- Я десятилетку хочу закончить! - чуть ли не закричала раздосадованная девушка.

- Гади-ка, дочка, - Никанор тоже отложил ложку и взялся за самокрутку. – Такое дело... Вишь, как мы с матерью па дому бьёмси...

- Ты о чём, пап? - повернулась к нему разволнованная Валентина.

Никанор нервно потёр пальцами свой большой нос:

- Ни патянем мы твой васьмой класс, вишь, нету у меня здоровья, а оставил на лесавале, - морщась, выдавил он и закурил прямо за столом, чего раньше себе не позволял.

- Да чиво, - вмешался Виктор. – Я ремесленное закончил, электровоз под землёй вожу. На шахте работы много, заработок хороший. И женщины у нас работают. Дело надёжное...

- Ну, какая шахта! – всхлипнула Валентина. – Кто меня возьмёт...

- Так я и говор-рю, - Виктор немного заикался, а когда начинал волноваться, тем более. – В т-техникум т-тебе надо идти, в г-горный... На шахте инженеры нужны, техники, и не только под землёй, - добавил он уже спокойнее. – В техотделе, например.

- Правильно! Иди в горный, – подхватил Василий.

Матрёна, суетившаяся над семейным ужином, сухо переспросила дочь:

- А чиво, анжинеркой будишь? - и многозначительно переглянулась с отцом.

Никанор курил самокрутку, молчал и вздыхал, Матрёна концом покрывающей голову косынки промокнула глаза.

Валя тоже сидела молча, уставившись в невидимую точку на клеёнке, покрывающей столешницу, что-то бесшумно шепча. Потом выдавила вслух:

- Хотела в белом халате работать, а буду всю жизнь в угольной грязи...

Кто-то громко хмыкнул в ответ. А Матрёна мудро сформулировала:

- Грязна, да чесна!

- Да уж, мам, - кивнула пятнадцатилетняя Валя и объявила о своём решении. – Ладно, буду учиться в горном! На шахту пойду...

Василий с Виктором искренне радовались за сестру, а Никанор Степанович с Матрёной Ермолаевной на эти слова вздохнули с облегчением – разговор в тот вечер был непростым.

Их дети быстро росли, самостоятельно принимали непростые решения. Крепкий, высокий Виктор уже работал на шахте «Чёрная гора» машинистом электровоза и собирался на срочную службу в армию, Юрий ходил в начальную школу – учился, правда, слабо, с неохотой.

Валя подала документы на специальность маркшейдера, но конкурс был большим, и она не набрала нужных баллов. Ей, как и другим, не прошедшим на маркшейдерское отделение, предложили перейти на отделение разработки угольных месторождений. Так она и сделала.

В их «шахтёрской» группе оказалось сразу пять девушек. Однотруппники, а это, в основном, были уже взрослые женатые парни, посматривали на них свысока. «Всё равно бросите», - часто слышали девчонки. «Не дождётесь! – огрызнулась Валентина.

Девушка ещё со школы привыкла добросовестно делать уроки, занятия посещала без пропусков, подробно записывала лекции своим красивым почерком, основательно готовилась к семинарам.

В те годы Прокопьевский горный техникум считался самым престижным среднетехническим учебным заведением в Кузбассе. Ведь корни и традиции его уходили в центр сибирской студенческой науки – Томск.

Именно здесь весной 1901 года по желанию местного купечества и при содействии министерства финансов Российской империи было открыто коммерческое училище. В 1910-м при училище открывается землеустроительное, а чуть позже – и горное отделения. 1 июля 1912 года в Томске учредили Среднее политехническое училище в составе уже трех отделений: коммерческого, горного и землеустроительного. Этот день в Прокопьевском техникуме считают началом для образования самостоятельного горного учебного заведения.

Но лишь начиная с 1929-30 учебного года, политехническое училище расчленили на два автономных заведения, выделив горное отделение в техникум. Это было время, когда страна выполняла первый пятилетний план. В Кузбассе, а в Прокопьевске – особенно, активно строили угольные предприятия. Поэтому 29 сентября 1932 власти Западно-Сибирского края приняли решение о переводе Томского горного техникума в Прокопьевск.

Когда Валя поступила сюда, здесь готовили специалистов уже по 11 специальностям: кроме разработки угля и маркшейдерского дела, учили специалистов геологоразведки, горных электромехаников, инженеров подземного и железнодорожного транспорта и обогащения каменного угля, холодной обработки металлов, плановиков и бухгалтеров. Было отделение иностранных специалистов. Для стажировки и обучения сюда ехала молодёжь из Китая, КНДР и Монголии.

Семья Галкиных чувствовала реальную выгоду от обучения дочери на горном отделении. Ей платили 420 рублей «казенной» стипендии – немало для послевоенных лет. Министерство угольной промышленности ввело для студентов бесплатное форменное обмундирование – шинели и костюмы с блестящими медными пуговицами, где отштампованы перекрещенные молоточки.

Это резко изменило лицо учебного заведения. Парни приняли форму благожелательно и с первых же дней стали носить её даже с каким-то особым шиком. А вот девушкам, включая Валентину, шинель понравилась меньше. Она долго присматривалась к ней, но так и не предстала в ней техникуме. А вот в форменных юбках и пиджаках, украшенных рядами пуговиц и петлицами, девчонки щеголяли до самого выпуска...

Дни, недели и месяцы учёбы протекали не так уж легко. Коренные прокопчане хорошо представляют себе расстояние от улицы Изоринской, что в посёлке Буфер, до учебного корпуса техникума – это километров двадцать. Занятия проходили шесть дней в неделю. И чтобы успеть к началу, Валентине приходилось подниматься затемно. В любую погоду она пешком шагала до трамвайного кольца – недалеко от главной проходной новых корпусов завода «Электромашина». Отсюда трамваем ехала до конечной остановки маршрута – Щербаковки. Там пересаживалась в другой вагон, который медленно полз вверх по крутому склону – на Тырганскую гору, взбирался на возвышающееся над городскими шахтами и посёлками плоскогорье. Здесь – в безугольной зоне города – расположились многоквартирные дома микрорайонов Тыргана, здесь же был и техникум.

Зимой – в метель или сильный мороз трамваи не выдерживали и останавливались. Тогда студенты собирались группой и шли пешком, шагали быстро, чтобы не опоздать. После учёбы «пешая» история повторялась в обратном порядке. Так что домой она возвращалась поздно. А ведь надо было ещё подготовиться к завтрашним урокам: посидеть за учебниками и конспектами, за чертёжными листами.

Василий посоветовал сестре попросить место в техникумовском общежитии. Она так и сделала, но прожила там, вернее, выдержала всего неделю: холод в комнате стоял такой, что волосы примерзали к подушке. Дома у тёплой печи было тепло и уютно. К тому же дома была еда, пусть и нехитрая: утром – варёная картошка с квасом, вечером – жареная картошка с квасом...

Первый курс, наполненный лекциями, семинарами, коллоквиумами, пролетел быстро. А летом возникла проблема: нужно было проходить производственную практику в шахте. Однако Валентину и подругу-одногруппницу Машу в шахту не пустили – по возрасту – шестнадцатилетним было запрещено работать под землёй.

Девушки повесили головы, ведь за срыв практики студентов просто отчисляли. Выход нашла Машина мама, она работала на шахте № 3-3 «бис» и сумела договориться с кем-то из руководства, чтобы практиканткам разрешили поработать на участке открытой добычи угля – при шахтном разрезе. Здесь с возрастными ограничениями было проще. И на пару месяцев они стали мотористками: добросовестно следили за работой двигателей транспортёра, с помощью которого уголь грузили в самосвалы.

Если подходить к вопросу формально, практику девушкам могли и не зачесть, потому что они прошли её не под землёй. Но Валентине повезло – руководителем практики был куратор их учебной группы. Он закрыл глаза на формальности и поставил зачёт. «Учитесь, девчонки...», - напутствовал он своих подопечных.

На втором курсе с учёбой стало полегче – Валя втянулась в процесс познания тонкостей горного дела, а хорошие отметки в зачётке за прошедшие сессии завораживающе действовали на преподавателей. Даже оставалось время на спорт, который активно культивировали в техникуме. При своём небольшом росте она

азартно играла в баскетбольной команде своего отделения, хорошо бегала и прыгала в высоту. Тренер по лёгкой атлетике поставил перед девушкой вопрос ребром: «Включаю тебя в сборную техникума! В воскресенье жду на стадионе, заниматься будем по выходным...»

«Эге, - прикинула Валя. – Всего один выходной в неделю мне и самой нужен». И не пошла на стадион, решив, что спорт нужен ей больше для удовольствия, для души и тела, а не ради высоких достижений. Правда, чтобы избежать настойчивого тренера, на переменах приходилось прятаться за спины подруг или, лишь бы не столкнуться с настойчивым «спартачом», или переждать в первой подвернувшейся аудитории или лаборатории, когда он пройдёт по коридору.

После третьего курса производственная практика была настоящей, подземной – на новокузнецкой шахте «Байдаевская». Именно здесь она поняла, что добывать уголь не только почётно, но и страшно.

Она снова была мотористкой, на этот раз – под землёй. В течение смены следила за исправной работой сразу нескольких двигателей транспортёров, с помощью которых через наклонную выработку – бремсберг – выгружали отбитый уголь из механизированного забоя. Здесь «чёрное золото» добывали с помощью нового очистного комбайна «Донбасс».

«Это вам не Прокопьевск! – сразу заявил практиканткам – Валентине и её однокашнице Лене – начальник участка «Байдаевской». - Вы там уголь берёте вручную, а у нас механизация! Так что, прошу жаловать...»

Действительно, применение «Донбассов» увеличило нагрузку на угольную лаву, а производительность труда шахтёров выросла почти вдвое. Новая техника в начале 1950-х экспонировалась на ВДНХ, на зарубежных промышленных выставках. «Донбасс» был первым из советских угольных машин, экспортированных в зарубежные страны, осваивался угольными бассейнами Венгрии, Польши, Чехословакии, КНР, Индонезии.

Однако были у этой системы и свои узкие места. Выгрузку добытого угля из забоя вели с помощью длиной цепочки транспортёров, каждый из которых имел свой отдельный мотор. Моторы были слабоваты для мощных кузбасских пластов. В течение смены то один, то другой двигатель отказывал, транспортёры останавливались, и мотористу надо было самому устранять поломку или вызвать подмогу. Поломка снижала производительность, а при длительных остановках сказывалось на заработке забойщиков. Поэтому своё раздражение они срывали на молодых мотористках.

Однако это ещё не все проблемы. Практиканткам было страшно от неизвестности и непредсказуемости шахты. Чтобы освобождённое комбайном от угля подземное пространство не обрушилось, его укрепляли мощными брёвнами. Когда конвейеры замирали в ожидании новой порции добытого угля, Валя слышала, как дерево грозно и громко потрескивало от колоссального горного давления, крупные сырые брёвна легко, как спички, надламывались. В такие минуты она с трудом подавляла в себе страх от мысли, что выработка вот-вот рухнет на голову...

Перед сменой практикантки сидели в участковой раскомандировке, где заместитель начальника участка давал наряд очередной смене шахтёров перед спуском под землю.

В эти минуты, переодевшиеся уже в «спец», горняки много курили, балагурили, кто-то под хохот товарищей «травил» анекдоты, нередко, сальные, приправленные крепкими непечатными словечками. Естественно, все с особым интересом следили за реакцией девчонок. Лена, не стесняясь, подхихикивала рассказчику, а Валентина смущённо краснела, отворачивалась, делала вид, что не слышит матерных слов. Это вызывало

мужское ехидство, её подкалывали: «Ишь, кисейная барышня, крепкого слова боится...»

По окончании практики начальник участка так и заявил ей:

- Не работать тебе в шахте. Не сможешь, студентка!

- Это почему же? – вспыхнула Валя.

- А потому! Подружка твоя сможет в шахте, а ты – нет! Слов наших мужиковских стесняешься. А без крепкого слова угля не добудешь! Характеру у тебя нету! В каком-нибудь шахтовом отделе сидеть будешь, с бумагами...

Не угадал начальник.

19.

На третьем курсе Валентина познакомилась и со своим суженым... Но первым в семействе Галкиных обзавёлся своей семьёй все-таки старший Василий.

Всмотрел он свою Фаину на фабрике. Симпатичная, темноглазая и тёмноволосая невысокая девушка приглянулась Васе с первой случайной встречи, когда его в тёплый весенний день вызвали устранить поломку электродвигателя, которая случилась в её дежурство – она с недавнего времени работала на предприятии мотористкой.

С тех пор он – к тому времени уже старший мастер участка ремонтников обогатительной фабрики – регулярно начал заглядывать в службу мотористок, где она работала. Однако серьёзной Фае не нравилась настойчивость уверенного в себе высокого парня, она стеснялась его внимания, насмешек работниц-коллег, которые нарочно во всеуслышание сообщали ей: «Вон твой идёт!» Девушка пряталась от него, избегала встреч. А Васю Галкина её поведение «заводило» сильнее. Однако познакомиться поближе ему всё никак не удавалось

Но однажды он не обнаружил девушки в её смену. Не было её и на другой день, на третий...

- Уволилась твоя ненаглядная, - уперев руки в крутые бока, весело сообщила ему крупная улыбчивая дивчина – бригадирша мотористок. – А ты не грусти, у нас в бригаде невест ещё много.

С неделю он ходил, как в воду опущенный, настроение было на нуле. Пока бригадир Николай Иванович, не заметил, что с его любимцем что-то не так: работа у парня не спорится. Он без обиняков выспросил у Васи причину и тут же посоветовал:

- Так поезжай к ней домой!

- Да не знаю я, где она живёт – беспомощно развёл руками Василий.

- Тю! – рассмеялся опытный бригадир. – Иди в отдел кадров, там скажут...

- Точно! – хлопнул себя по лбу Галкин, крутнулся на каблуках и убежал.

- Эти влюблённые ровно дети, - усмехался ему вслед Николай Иванович, поглаживая седые усы.

Оказалось, что живёт Фая в посёлке Маганак с родителями в небольшом деревянном домике на улице Железнодорожной, круто сбегаящей с высокого пригорка к рельсам проходящей неподалеку железной дороги.

Он поплутал по незнакомым местам, прежде чем оказался у калитки нужного дома с маленьким ухоженным палисадником. Робко взошёл на крыльцо, осторожно постучал. Дверь открыла Фая. Увидев его на пороге, девушка очень смутилась и убежала в дом.

- Фая, кто там? – донёлся из комнат зычный голос Фаиной матери Лукерьи. – Ты к кому? – выглянув из сеней на улицу и увидев незнакомого парня, строго спросила она. – Хозяина нету, на смене он...

- Это ко мне, мама, - из-за её спины поспешно вынырнула Фаина, успевшая одеть нарядную кофточку и накинуть поверх на плечи газовую косынку. – Пойдём! – она решительно развернула Василия в сторону улицы и взяла под руку.

- Жаних что ли? – растерялась Лукерья. – Вот отец-то узнает! Он тебе... – но что сделает дочери отец, молодые так и не узнали – уже вышли на улицу.

- Говори, зачем пришёл? – строго спрашивала девушка незваного гостя. – Только правду говори.

Василий буквально вспотел от её прямых вопросов, но честно во всём признался...

Свадьбу сыграли поздней осенью, уже по снегу. Торжество по городским послевоенным обычаям было немногочисленным и скромным: в горнице у Галкиных за составленными вместе столами собралась родня, ели соленья, картошку, курятину, блины – то, что наготовила Матрёна с помощницами, пили тоже «своё», «самодельное».

В этот день на улице разыгрался буран. И Вале с Виктором, то и дело бегавшими во двор – к колодцу за водой для бесконечного мытья посуды, для чая, – приходилось то и дело совать ноги в растоптанные валенки. День был субботний, а Валентина в школу не пошла. «Брат женится, надо маме со свадьбой помочь...», - отпросилась она у классного руководителя.

Жить молодой семье предстояло пока в Васином родительском доме. «Поживём вместе, сынок, - объявил на свадьбе подвыпивший Никанор Степанович. – Ничего, потеснимся. А денег подкопим, построим вам свой дом...»

- Знамо, построим, - согласно кивала подвыпившая Матрёна Ермолаевна.

Потом она, чуть покачнувшись, уселась на место, обвела гостей долгим взглядом и громко запела свою любимую: «Сранила-а калечка са правой руки...», - и потекли у неё по щекам слёзы. Всё застолье дружно подхватило слова, облечённые в протяжную немеркнущую мелодию: «Заби-и-и-лась сирдечка а ми-и-и-лам друшке-е...»

И лишь молодожёны молча влюблённо смотрели друг на друга. С того дня она всегда называла его Васильком, он её Фаюшкой...

Тёще с тестем: домохозяйке Лукерье и шахтёру Николаю, - серьёзный работающий зять пришёлся по душе. Руки у него были золотые, любое дело спорилось. Но особенно умело разбирался он с поломками любой, сложной по тем временам, техники, будь то велосипед или мотоцикл, радиоприёмник или электроплитка. Прознавшие о его талантах, соседи то и дело обращались к молодому умельцу за помощью. Правда, и обижались на него за то, что за ремонт ни денег, ни спиртного не берёт.

... В начале 1950-х годов новой молодой семье в Прокопьевске жилось нескучно: здесь один за другим открывались клубы, кинотеатры. На городском стадионе регулярно проходили футбольные матчи местной команды «Шахтёр» с соперниками по первенству области. Болельщики приходили сюда тысячами, многие – семьями с детьми. Город рос и хорошел на глазах. Здесь проживала уже почти четверть миллиона человек, работы хватало всем: полтора десятка шахт и десятки крупнейших заводов зазывали на производство. Школы, училища, техникумы давали образование, специальность и надёжную путёвку в жизнь.

В 1951 году в городе появился драматический театр. Основой для него стала сцена дворца культуры имени Артема. Василий с Фаиной не раз бывали на спектаклях, смотрели «Любовь Яровую», «Кандидата партии», «Голос Америки».

Но больше театра горняки любили ходить в кино. В те годы при шахтах угольщики повсеместно возводили ДК и клубы, в которых обязательно был зал с кинопередвижкой. В дневные часы там крутили фильмы для детей, а вечером в зал набивались взрослые.

Особым спросом пользовались сеансы в главном городском кинозале – кинотеатре имени Николая Островского. Его построили в самом центре Прокопьевска ещё эпоху немого кино – в 1932 году – красивое здание в стиле конструктивизма. На здании устроили и четырехколонный портик южного фасада, и прямоугольные пилястры с ионическими капителями, базами, и фриз и треугольный фронтон. И первоначально кинотеатр носил имя первого секретаря крайкома партии Роберта Эйхе. А когда секретаря, как повсеместно тогда было принято, репрессировали, кинотеатру дали имя писателя. Уже в 1935-м кинотеатр одним из первых в Сибири стал звуковым.

Чаще всего молодожёны ходили смотреть фильмы в клубах шахт «Чёрная гора» или имени Дзержинского. Кстати, здесь после фильма были и танцы. А выход «в Островского» считался настоящим праздником.

От Буфера до центра города – не близко, шагать надо минут сорок пять, а то и целый час. С автобусами в «пятидесятые» приходилось непросто: вместо стандартного автобуса жителей перевозила будка-вахтовка на базе обычного грузовика, в народе её прозвали «душегубкой», потому что в неё набивалось пассажиров, как сельдей в бочке. Для тёплых месяцев года сметливый Василий нашёл другой вариант: приобрёл велосипед с багажником, на который усаживалась его милая, и они пускались в путь, как говорится, наслаждаясь свежим воздухом. «Апять на ентом лисапете, - ворчала Матрёна. – Гляди, ни расшибитесь...»

Вообще в 50-е, особенно в первой половине десятилетия, многим казалось, что послевоенная жизнь быстро налаживается. Заработная плата в угольной отрасли постоянно росла. А при плановой экономике цены были едиными на всей территории СССР. Их устанавливал не рынок – правительство. Более того, всё первое послевоенное десятилетие – каждую весну, в марте-апреле – цены буквально на все товары для населения ещё и снижались.

Конечно, и потребности у людей были не столь высоки. Например, радости Фаины не было предела, когда Василий купил ей новое зимнее пальто. Вечер ходила вокруг небольшого зеркала под одобрительными взглядами домочадцев. Валентина смотрела на обновку с нескрываемой завистью.

- А знаешь? - не выдержала Фая. – Хочешь, отдам тебе своё старое пальто? Оно ещё хорошее...

- Хочу! - обрадовалась золовка предложению невестки и, не теряя времени, тоже начала примерять пришедшийся ей впору подарок, в котором потом две зимы ходила в техникум.

Большой цигейковый ворот пальто хорошо выручал её на улице в бураны и морозы, да и в неоттапливаемых, промёрзших трамваях – тоже. А к третьему курсу Валя скопила со стипендии нужную сумму и купила на прокопьевском базаре небольшую лисью шкурку и драповый отрез. Это было первое в её жизни настоящее пальто, сшитое на заказ по последней моде. Со стипендии она покупала себе и обувь – модные ботиночки с мехом туфли, и платья. Солидная поддержка государства многим студентам техникума помогала выучиться и получить хорошую специальность.

... Молодая семья Галкиных прожила с родителями около двух лет, прежде чем Никанор Степанович с Матрёной Ермолаевной решили, что накоплено достаточно средств, чтобы начать строительство дома для Василия.

В «пятидесятые» в людях ещё только формировалась уверенность, что на помощь государства надо надеяться буквально во всём. Пережившие страшную войну, люди

ещё не отвыкли рассчитывать на свои силы, в том числе и в строительстве собственного жилья. «Казённых» квартир строили мало, и доставались они только особо ценным специалистам и руководителям. Рядовые граждане «строились» сами.

Конечно, теперь в Сибири желающим построить дом уже не выделяли, как было в детские годы Матрёны, много земли – давали по шесть соток... Но и тут Никанор решил не ввязываться в «земельный» вопрос. Участок на улице Изоринской, который достался им с Матрёной от родителей, а тем, в свою очередь, ещё от столыпинской реформы начала двадцатого века, был так велик, что по нынешним меркам вполне хватало, чтобы и ещё один дом поставить, и хороший участок выделить молодым под огород.

Зимой прикупили лес для будущей стройки. Долго судили-рядили на семейном совете, где ставить новый дом, с Николаем Татарниковым советовались, усадьба которого вплотную примыкает к Никаноровой земле. Решили, наконец, пристроить новую жилплощадь к родительской хате: во-первых, можно сэкономить на одной, общей для обоих домов, стене, во-вторых, под одной крышей надёжнее и теплее в сибирские зимы. Да и сильна ещё старая традиция, по которой дети должны жить рядом с родителями: легче можно преодолеть невзгоды, без которых в жизни не бывает...

По давнему обычаю, после того как дети вырастали и обзаводились своими семьями, они все равно продолжали жить совместно с родителями. Помещение на обе семьи представляло собой уже две смежные избы, каждая из которых имела свой вход, свои сени и свою печку.

Ставить пристройку решили к той стене дома, которая выходит на улицу Зенковскую. За прошедшие годы вокруг Никанорова жилища разрослись кусты черёмухи, в полный рост вымахали берёзы. Жаль было рубить эту красоту, но ничего не поделаешь, часть деревьев пришлось убрать под стройплощадку. Никанор нанял плотников, да и сам, придя со смены, брался за топор или пилу. Сыновья Василий с Виктором, тоже высоким красивым парнем с фамильным орлиным профилем Галкиных, которому вот-вот стукнет восемнадцать, были хорошими помощниками.

К концу лета положили последний венец и настелили пол и потолок, а к середине лета изладили крышу. Печь в новом доме Никанор выкладывал сам – хорошо помнил уроки старших. Печки в избах теперь делали по-новому: от огромных, на старорусский лад, народ отказывался, больно много с ней хлопот, да и места в комнатах много занимает. Вместо палатей люди привыкли спать на кроватях. А новые небольшие печки из кирпича с чугунной плитой на две-три конфорки удобнее топились калорийным прокопьевским углем. Никанор тоже перестроил свою русскую печь на современный лад – и у него дома стало просторнее...

20.

Однако жизнь есть жизнь. Вышло так, что младшая Валентина сумела обогнать старшего брата... в рождении детей. У Василия и Фаины Галкиных детей пока не было.

Они уже перешли жить на свою половину и обустроивали своё жильё на современный лад: в горнице у молодых в числе первых вещей появились не только шкаф-сервант, удобная кровать с бесшумной металлической сеткой, но и новенькая радиолка «ВЭФ-Аккорд» с встроенным проигрывателем виниловых пластинок. Этот большой агрегат в красивой деревянной коробке украшал комнату. Его возможности позволяли слушать новости и музыку в диапазоне «длинных волн» и на УКВ. ВЭФ легко мог ловить разные станции, не шёл ни в какое сравнение с чёрной «радиотарелкой», которая по-прежнему висела на стене у родителей. Поэтому Никанор заходил к сыну вечерами послушать новости из нового радио – здесь они казались ему интереснее...

Тем временем летом 1954 года студентка Валентина познакомилась со своим суженым. Это произошло в каникулы, когда на вечеринке провожали брата Виктора в армию.

К своим двадцати годам Витя окончил школу, ремесленное училище, получил специальность для работы под землёй. Он и его товарищ по учёбе Иван Черемнов ещё не так давно вместе трудились машинистами подземного электровоза на шахте «Черная гора».

Коренастый, среднего роста Ваня сидел за прощальным обедом рядом с высоким Виктором, они о чём-то оживлённо беседовали, заинтересованно поглядывая на Валентину. Она не обращала на парней внимания, да и за голосами разгулявшихся гостей их не было слышно. На проводах по установившейся традиции молодёжь пила спиртное, с аппетитом поглощая приготовленные Матрёной закуски.

А когда насытились, начали горланить популярные песни: «Нам песня строить и жить помогает!», - громче всех выводил баритоном Иван. Пели «Тёмную ночь» и «Катюшу». - Танцы давай! – предложил кто-то.

Тут пригодилась Васина радиола: её выставили в открытое окно, что выходит на лужайку у дома, завели медленную мелодию. Иван не отходил от Валентины, приглашая её на один танец за другим. Девушке льстило внимание симпатичного обходительного парня, но в тот первый вечер – не более того...

Удивительным образом в эту историю вмешался военкомат, вернее, сборный пункт для призывников: утром следующего дня Виктора проводили на сборный пункт, а к обеду он... вернулся домой.

«Отpravку перенесли на завтра! - весело сообщил он растерявшимся домочадцам. – Н-накрывай, маманя стол, я опять ребят п-позвал!»

Снова пели песни, танцевали. Ваня опять не отходил от Вали. Словоохотлив был – не остановишь, всё рассказывал ей о своей жизни, о своём детстве, об учёбе в школе и ремесленном. Веселились до утра, а утром отправили призывника на службу. Однако к обеду он сызнава воротился назад. Молодёжь снова пела и гуляла. Словом, провода Виктора растянулись на четыре долгих дня.

За это время Валя узнала про Ивана, кажется, всё. Он был старше неё на три года. Родители его вышли из крестьян. Живёт он с ними в доме на улице с романтическим названием – Набережная, которая «сбегает» с горки на берег городской речки Абы, которую народ презрительно называет Абушкой за мутные от производственных сбросов воды. Это – между горсадом и комбинатом шахты «Чёрная гора».

Старший из двух его родных братьев, Анатолий, работает откатчиком на «Чёрной горе» и живёт своей семьёй отдельно от родителей. Младший брат Евгений тоже женат, хотя ещё учится в институте на инженера.

В 1949 году он окончил в Прокопьевске горнопромышленную школу № 1, поработал машинистом подземного электротранспорта на шахте «Тайбинская» в Киселёвске. Попал в страшную аварию: в шахте обрушилась выработка, по которой он транспортировал вагонетки, и его состав засыпало. От неминуемой гибели Ивана спас электровоз, стальная крыша которого выдержала многотонный удар рухнувшей породы, защитила голову горняка. Однако в открытую кабинку электровоза навалило камней, и машинисту досталось по полной – засыпало почти по шею. Он лишился передних зубов, получил сотрясение мозга, сдавление грудной клетки, но в остальном, в общем-то, обошлось. Отлежался в больнице и... ушёл в строительную артель. Обучился здесь тонкостям столярной профессии, около года с увлечением пилил и строгал. А потом друзья-горняки, да и родные уговорили его снова пойти на шахту – в цех подземного транспорта, снова сесть на электровоз. Так он и оказался на «Чёрной горе», где познакомился с Виктором.

Иван говорил об этом с шутками и смехом, подкалывая сам себя, вспоминал, как во время аварии перетрусил, ожидая помощи, как молил Бога о спасении, давал ему мысленные обеты, а потом, когда спасатели, извлекли его на свет божий, забыл о своих клятвах. Валя уже хорошо представляла себе подземное устройство шахты и мысленно рисовала страшные картины аварии. С симпатией посматривала на русоволосого парня с серо-голубыми глазами, цвет которых резче оттеняли тёмные от въевшейся угольной пыли веки, будто тушью подведённые, – отличительная черта всех, кто работает в чреве горы. Она чувствовала себя с ним легко, охотно смеялась в ответ на его нехитрые остроты. И отказывалась танцевать с кем-либо другим.

- Вообще-то шахта мне понравилась, - делился он с девушкой своими секретами.

После тех затянувшихся проводов они начали встречаться. Через пару дней, последовавших за отправкой Виктора в армию, Иван объявился у Галкиных. Стеснительно переминаясь с ноги на ногу на пороге, он теребил в руках плащ, который зачем-то взял с собой в ясный и тёплый летний день, несмело поглядывал на замешкавшихся домочадцев. Как нарочно, все они были дома и смотрели на гостя с интересом и выжиданием, а Матрёна недовольно забрюзжала.

- Я у вас на полке книжку интересную видел, - начал объяснять Иван сконфуженным хозяевам. – Дашь почитать? – спросил он охрипшим голосом у смущённой девушки. – И... Давай погуляем...

Книгу он взял и весь вечер, пока они гуляли, держал её под мышкой. А когда прощались у ворот, вдруг хлопнул себя по лбу:

- Вот дурак! Плащ-то свой я у вас забыл!

- Подожди, - заторопилась Валя. - Я сейчас вынесу...

- Не-не... Нет! - Иван решительно погасил её порыв. – Я лучше потом зайду.

Он зашёл за плащом, и они снова гуляли допоздна. Затем принёс прочитанную книгу и пригласил Валентину в кино... Весь остаток лета они часто встречались. Матрёна ворчала на дочь: «Матри, дефка, дажинихаисся!» «Ну что ты, мам, - отмахивалась восемнадцатилетняя Валя. – Не маленькая я, всё понимаю».

Незаметно пролетали для них неделя за неделей. Тёплые летние вечера сменились на осеннюю темень и слякоть. Бродить по улицам и переулкам молодым стало сложнее, да и небезопасно. Кроме того, в техникуме начался учебный год, а Ивана перевели на двухсменный режим работы. Теперь они виделись реже, зато дольше засиживались на последних рядах кинозалов.

С началом зимы у Валентины началась последний в её учёбе производственный семестр. Это тоже мешало свиданиям, но как только выдавалась возможность, Ваня спешил к знакомому дому на Буфере. А в середине января он пригласил девушку на свой двадцать второй день рождения. Это было в среду. Валя пришла, для храбрости позвала с собой свою школьную подругу – тоже Валентину. За столом Ваню усадили между двумя Валями. «На счастье!» - объявила только что вернувшаяся со смены Тая, жена его младшего брата Евгения. Она трудилась на шахте имени В.И. Сталина, хотя уже несколько месяцев ждала первенца.

Иван родился в Прокопьевске в 1933 году 19 января – в Крещение Господне. Крещенские морозы хорошо известны в Сибири своей свирепостью, но в доме у родителей Ивана в этот день было хорошо натоплено. Кроме его отца Алексея Васильевича, приземистого, быстрого в движениях, и его матери Аксиньи Тимофеевны, худощавой высокой женщины сурового вида, младшего брата с женой, за семейным столом собрались ещё родственники матери из посёлка Зенково, Иванова бабушка по материнской линии Прасковья, которая проживала в этом доме Аксиньи, соседи по улице.

Выпивали магазинную водку и закусывали вкусной домашней едой. Праздновали без лишнего шума: наливали в гранёные рюмочки, говорили тосты, закусывали. Молодёжь мягко подшучивала над именинником и с интересом поглядывала на сидящую рядом с ним раскрасневшуюся Валентину. Алексей Васильевич радостно похихикивал и удовлетворённо покачивал головой, потирая от удовольствия свои большие оттопыренные уши. Ваня громче других показательно хохотал над шутками, но при этом украдкой поднимал глаза на мать, которая едва улыбалась, поджимая тонкие губы. Она почти не пила спиртного и мало ела.

Конечно, Валентина неуютно чувствовала себя в этой новой компании, ощущая на себе внимательные взгляды Ивановой родни, будто на смотринах. И ей хотелось поскорее улизнуть домой. Но всякий раз на вопрос: «Когда?», - Иван шептал ей на ухо: «Посиди ещё немного». Это же самое он повторил и девять, и в десять вечера.

По-английски, не попрощавшись, покинули застолье зенковские родственники. Валя даже не заметила, как они исчезли. Вроде на минуту поднялись со своих мест, а обратно за стол уже не вернулись.

Они с подружкой, наконец, поняли, что уже серьёзно засиделись в гостях и надо срочно двигать домой – по ночной темноте и морозу. Несмотря на Ванины увещевания побыть ещё, они кинулись на кухню в поисках пальто, сапог и головных уборов. Подруга быстро оделась, а Валиной одежды на месте не оказалось.

- Вот что, - решительно выступила навстречу девушкам Акси́нья Тимофеевна. – Я не пушу сына вас провожать! А ну как с ним случится чего?! Так что никуда не ходите в ночь, оставайтесь! Я вам на сундуке постелю, - ткнула она пальцем на большой деревянный, окованный железными пластинками сундук, который стоял на кухне у входной двери.

- А где... – начала было Валя.

- Вещи не ищи, - оборвала хозяйка дома. – Утром отдам!

Услышав это, Валина подруга испуганно выпалила: «Оставайся, а я побежала...», - и выскочила на улицу.

Домашние кое-как убрали со стола и улеглись. Для Валентины эта ночь стала сплошным мучением. В небольшом доме, где лишь кухня да комната, вместе с девушкой ночевали семеро. Женя с Таей легли на кровать на кухне, рядом с сундуком. Между их кроватью и сундуком – прямо на полу – постелили Ивану. В комнате спали родители и бабушка Прасковья...

Подвыпивший Иван сразу уснул. Вскоре в доме раздавалось всхрапывание, сопение да сонные вздохи обитателей. Только Валентине не спалось: душа была не на месте, ведь ситуация, по представлениям девушки, была весьма щекотливой. «Отец, поди, беспокоится, - думала она, ворочаясь на жестком, неудобном сундуке. – Мама сердится, места себе не находит...»

Отблески пламени, которые пробивались из-под чугунных кружков, прикрывавших отверстия печной плиты, плясали на беленых стенах и потолке, отчего полумрак на кухне причудливо колыхался. Валя приподнялась и села, спустив ноги на пол, нечаянно коснувшись при этом Иванова плеча.

- А! – он тут же проснулся. – Что? Ты чего не спишь? – тихо шептал он, поднялся и присел рядом с девушкой, приобнял её за плечи.

- А ты не понимаешь?! – отодвигаясь, сердито прошептала в ответ та. – Это ты всё подстроил... Что мои подумают? Тебе-то что... А про меня разговоры пойдут!

- Ну, Валюша, - потянулся он в ней с поцелуем. – Всё нормально, ну не сердись. Я же люблю тебя... А разговоры... Что мне разговоры! Я женюсь на тебе! Ты же меня тоже любишь? – он взял девушку за руку и потянул к себе.

Услышав его слова, девушка замерла.

- Пусти, - выдернула свою ладонь и отвернулась от Ивана, чтобы в полумраке он не заметил, как её губы тронула улыбка...

- Знаешь что, - чуть ли не в полный голос заявила она. – Ты не на словах, ты сватов засылай!

Иван не успел ей ответить, потому что с кровати послышался шёпот Таи:

- Вы всю ночь болтать будете? Вообще-то кому-то рано на работу вставать...

Смущённая Валентина столкнула Ивана с сундука, кое-как устроилась на деревянном ложе и долго лежала с открытыми глазами, следя за пляшущими на потолке тенями, мысленно перебирала события прошедшего вечера.

Уснуть этой ночью она так и не смогла. Измученная бессонницей и тревожными мыслями, часа в четыре утра она снова растолкала Ивана: «Делай что хочешь, но мне надо идти!» Тот спросонья снова начал уговаривать её потерпеть, пока мать не встанет...

Аксинья Тимофеевна поднялась в шестом часу, в полумраке завозилась у печи. Валя тут же вскочила и потребовала вернуть одежду. Та без слов извлекла откуда-то пальто и сапоги. Девушка в считанные секунды оделась и выскочила в сени, бросив на ходу своему заспанному, растерянному кавалеру: «Не провожай, я сама».

Она не помнила, как промчалась эти без малого километров пять до родного дома в туманной морозной утренней темноте. Сквозь оконные ставни не пробивалось ни огонька. Валя осторожно пробралась на кухню, включила свет. Тусклая лампочка высветила железную кровать, на которой спокойно спал отец, а вот Матрёны нигде не было.

- Где мама? – растолкала она Никанора Степановича.

- Ты где была? – хмуро ответил тот вопросом на вопрос и сел на кровати.

- На дне рождения, у Ивана, - раздражённо сказала Валя. – Будто ты не знаешь!

- Мать сильна переживала, шумела тут полуночи, - отец зевнул и потянулся. – Потом к Татарниковым ушла. А я вот уснул, - он снова протяжно зевнул и посмотрел на наручные часы на кожаном ремешке, висящие на гвоздике у изголовья – Ух ты, шесть утра! Печку топить надо... Щас, поди, и мать придёт. А ты-то на шахту пойдёшь? – поднимаясь с кровати и позёвывая, ронял он фразы дочери, которая в эти дни проходила последнюю производственную практику.

И будто услышав его, в ту же минуту хлопнула входная дверь, загремело в сенях пустое ведро, и в кухню ворвалась разъярённая Матрёна.

- А! – закричала она, скидывая на пол фуфайку и наступая на дочь. – Ивилася! Слышь, атец, чё люди-та грят: «Замуж Валька убёгла». Нажинихаласи?! – на шум из комнаты выглянуло испуганное лицо Юры и снова скрылось в темноте горницы.

- Чего орёшь, как дура! – ошетибилась Валентина на мать. – Никуда я не убёгла! Вот она я! Чаю лучше сделай, пока я на работу собираюсь...

Последнюю производственную практику она проходила в должности газомерщика на участке вентиляции и техники безопасности, а если коротко – ВТБ шахты «Чёрная гора». В её задачу входили проверки концентрации метана в забоях. Раньше, чем очередная смена горняков начинала под землёй добывать уголь, газомерщик должен замерить уровень взрывоопасного газа в выработках и принять решение: можно или нельзя вести буровзрывные работы. Работа грязная и опасная, как у любой подземной профессии, но в отличие от других специальностей, ещё и очень ответственная. Случись в шахте взрыв метана, первый спрос – с газомерщика.

За смену Вале приходилось «наматывать» под землёй немало километров, проходя от одного забоя до другого по горизонтальным и вертикальным выработкам. Тёплая спецодежда, на ногах высокие резиновые сапоги, на голове каска с фонарём, на одном боку на ремне – нелёгкая аккумуляторная батарея, на другом – тяжёлый самоспасатель, - от всего этого за смену она уставала так, что после работы в мойке подгибались дрожащие от усталости ноги.

В один из таких дней, когда она, уже отмывшись от подземной грязи, одевалась в чистое, в мойку заглянула знакомая уборщица. Увидев Валентину, подмигнула:

- Там «твой» пришёл, ждёт. Давай быстрее...

Со дня рождения Ивана они не виделись несколько дней, и Валя заметила, что за это время лицо парня осунулось. Они неторопливо шли в сторону Буфера. Надвигались ранние зимние сумерки, мороз пощипывал носы. Смущённо молчали, вспоминая, случившееся на том празднике. Валентина не выдержала первой:

- Что молчишь? – повернулась к парню. – Такой разговорчивый был... Сватов-то будешь засылать?

- Так чево я и пришёл-то, - сразу оживился Иван. – В выходной придём свататься... Ждите!

- Жених! – осторожно улыбнулась девушка и прибавила шагу...

Сватовство прошло скромно. Родители перезнакомились между собой, и кажется, остались довольны. Договорились 23 февраля 1955-го устроить для молодых вечер, что-то вроде помолвки. А на майские праздники – сыграть свадьбу.

В день Советской армии в доме Ивановых родителей накрыли составленные вместе столы. Были тут соленья, сало, картошка, куски свинины и курятины, стряпня. Понаехало немало Ивановой родни: из посёлка Зенково, из села Лучшево, – дядья и тётки, братья и племянники. Всем представляли молодых, однако с первого раза разволновавшаяся Валентина мало кого запомнила. Она пришла со своими родителями и пятнадцатилетним братом Юрием. Василий с Фаей тоже пришли. В большом чемодане принесли с собой Валентиновы вещи и матрас с подушкой: ведь ещё во время сватовства решили, что невеста сразу перейдёт жить в дом жениху – чего, мол, стесняться и время тянуть.

...Алексей Васильевич «наварил» самогона, которым настойчиво потчевал гостей. Скоро за столом стало шумно, на раздумывавшихся от всеобщего внимания Ивана и Валю давно перестали обращать внимание. Развеселившаяся Матрёна Ермолаевна, перекивая остальных, весело объявила:

- А давайте, сват, споем! – и завела ту самую. – Сранила-а калечка-а са правой руки...

Алексей Васильевич, не моргнув глазом, серьёзно подхватил:

- Заби-и-лась сердечка а ми-и-лам дружке...

Гости притихли было, вслушиваясь в знакомый напев, и вдруг разом грянули нестройным хором:

- Заби-и-и-лась сердечка а ми-и-и-ла-а-а-м дружке-е...

У Алексея Васильевича из тёмного глаза выкатилась крупная слеза. Набирая в себя побольше воздуха, он одобрительно качал головой.

Хорошо посидели у Черемновых, потом решили продолжить застолье на Буфере, в доме Валиных родителей. И большой шумной гурьбой устремились к цели, то и дело растягиваясь в цепочку на узких тропинках там, где улицы и переулки перемело февральскими буранами. Чем ближе подходили к дому на Изоринской, тем меньше оставалось гостей. Где-то по дороге со всеми попрощалась родня из Лучшева, дескать, надо к себе, в деревню. Следом за ними откололись от процессии гости из

Зенково, потом – ушёл и старший брат Ивана Анатолий, самый, пожалуй, весёлый из всего застолья... Словом, до места добрались только самые близкие. Как бы ни было, Матрёна быстро «сварганила» стол. Выпили, хорошо посидели,...

Так началась жизнь у новой ячейки городского общества.

В этом же 1955 году Прокопьевск стремительно набирал обороты в своём развитии. Город был очень популярен среди желающих переселиться на постоянное жительство туда, где есть достойная работа, за которую хорошо платят. Прокопьевское население выросло до 260 тысяч человек.

Чтобы представить себе, что это значит, стоит открыть Статистический сборник «Народное хозяйство СССР в 1956 году». В разделе «Численность населения по городам СССР с населением свыше 100 тысяч жителей» Прокопьевск занимает 46 место. При этом городов с населением от 100 до 500 тысяч жителей в стране было всего 113. Причём, в этом списке – Москва и Ленинград, Киев и Баку, Харьков, Горький и Новосибирск. Меньше, чем в Прокопьевске, в то время проживало в республиканских столицах – Фрунзе и Кишинёве, Таллине и Вильнюсе, меньше в соседних областных центрах – Барнауле и Томске, меньше даже в столице Кузбасса – Кемерове.

И ещё немного статистики. По данным областного управления ЗАГС в 1956 году в Прокопьевске заключили брак около 2,5 тысячи пар. Одни играли свадьбы, другие просто «расписывались» – сходились и жили. При этом неизвестно, какие семьи были крепче.

У Валентины и Ивана настоящей свадьбы так и не получилось. Когда начался май, они просто сходили в ЗАГС и зарегистрировали брак. К этому моменту молодые уже ждали ребёнка.

21.

Иван Черемнов был коренным прокопчанином: здесь родился и вырос. А вот его родители – нет. Его дед по отцовской линии – дед Василий со своей семьёй вышел из большого сибирского села Лучшево. В конце 19 – начале 20 века оно числилось в составе Кузнецкого уезда Томской губернии.

Село раскинулось в десяти километрах на восток от Прокопьевска. По его деревенской окраине тихо текла неширокая живописная речка Шарап. Чтобы попасть на центральную площадь поселения, надо преодолеть длинный крутой глинистый подъём от реки, на нём в дождливую погоду вязли по щиколотку люди, возницы соскакивали с телег, но порой были бессильны, помогая скользящим всеми копытами лошадям тянуть наверх телеги по мокрой дорожной колее. Но если уж взобрался на крутой косогор, с одной стороны взору открывалась вся деревня с чернеющей позади неё стеной густого смешанного леса, с другой – бескрайняя ширь степной низины.

На карте Семёна Ульяновича Ремезова, опубликованной в рукописи «Чертежная книга Сибири» в 1701 году, Лучшево было обозначено, как основанное в 1668 году. По мнению исследователя, название поселения говорило само за себя: начало селу положили русские служилые из Кузнецкого острога, что стоял в сорока километрах, то есть «лучшие» люди, которые решили заняться сельским хозяйством, поставили тут бревенчатые избы и всем обществом срубили молитвенный дом и деревянную часовенку.

Большую церковь в Лучшеве так и не построили. Со временем набожные жители приноровились посещать службы в церкви во имя Прокопия Христа ради юродивого, Устюжского Чудотворца в селе Монастырском, приход коего входил в состав 14-го округа Благодичиния Томской епархии.

Василий Черемнов родился в 1865 году.

Уже к концу 1850-х в селе насчитывалось более шестидесяти крестьянских хозяйств, проживало около полутысячи человек. Подушные книги «рассказывают», что наиболее многочисленными и уважаемыми на селе были семейные роды Лучшевых, Черемновых, Сорокиных, Носковых, Сороковых, Конюховых, Мусохрановых. Все они являлись потомками первопоселенцев Кузнецкого края. Нередко они роднились меж собой: жена Василия – Екатерина, уроженка лучшевского семейства Сорокиных, была на два года старше своего мужа.

Если не сложно понять, откуда и как появилась фамилия Лучшевы: нарицательное слово «лучшие» со временем превратилось в эту фамилию, то появление здесь рода Черемновых выяснить сложнее.

На самом деле версий полно.

Например, из некоторых письменных источников следует, что сама по себе фамилия Черемнов могла быть образована от прозвища Черемень. В основе прозвища лежит диалектное слово «черемный», которое в пермских, вятских и сибирских говорах имеет значение «красный; цвет руды». Поэтому Черемнем могли назвать человека с рыжими волосами. Черемень со временем получил фамилию Черемнов (а как вариант – Черемных, что больше характерно для севера России и оттуда она пришла в Сибирь. Эта вариация объясняется особенностями местного говора, когда вместо вопроса «Ты чей?» человека спрашивали «Ты чьих?» А он отвечал: «Черемных, Кузьминых, Тонких»).

Прозвище, ставшее фамилией, получало распространение в Сибири с конца XVI века. Вот что об этом сообщает один из источников: «Русские служилые Чермные зафиксированы в документах 1598 года. Эту фамилию носил тобольский казак Алексей, участвовавший в битве на реке Ирмень, что впадает в широкую Обь в её верхнем левобережье и затем сопровождавший плененное семейство хана Кучума в Москву. По некоторым данным, он был из числа уцелевших покорителей Сибири – казаков уральского атамана Ермака Тимофеевича. Другой казак с фамилией Черемных – казачий атаман Яков, зафиксирован в документах 1600-1601 годов. Он был участником далекого и трудного похода князя Шаховского в Мангазею, стоявшую на самом севере Западной Сибири, вблизи Обской губы. Впоследствии эта фамилия, несколько изменившись на Черемной, «осела» в Кузнецком остроге, где служили пешие и конные казаки Черемные Осип, Семен, Степан, Федор и Якуб».

Часто упоминались носители этой фамилии и в ещё более западной от Лучшева стороне. Например, в деревне пашенного крестьянина Ивана Чермного, что на реке Туре – левобережном притоке Тобола, где некогда располагалось Тюменское ханство Чинги-Тура. Этот крестьянин упомянут в переписи 1624 года. Та же перепись говорит и о другом Иване Чермном, жившем на реке Нейве, который оставил свой двор и ушёл «безвестно».

Прозвище Черемной неоднократно фиксировалось во вкладной книге Далматовского монастыря в Пермской губернии на Урале.

Ещё дальше на северо-запад прозвище, ставшее фамилией, тоже издревле встречается: здесь прозвище Черемень мог носить тот, кто выращивал черемуху (в тверских говорах черемуха называлась черемой). Также в тверских говорах прилагательное «черемный» означает «смесь черного и красного». В таком случае прозвище Черемень давали смуглому человеку.

В ряде источников говорится, что фамилия Черемный имела даже польское происхождение, относилась к польской воинской шляхте и пришла либо из самой Польши, либо из соседних с ней Белоруссии и Украины.

Упоминания фамилии можно найти в списке жителей Древней Руси во время Ивана Грозного. В сохранившихся уникальных ретроспективных документах носители этой фамилии являлись важными персонами из славянского новгородского духовенства в 15-16 веках, имевшими хорошую царскую привилегию.

Наконец, Черемные проживали в Области Войска Донского, которая с 1786 года получила статус административно-территориальной единицы в Российской империи. Эта земля располагалась на юго-востоке России, в бассейне нижнего и среднего Дона. Населённая с конца 15 века донскими казаками, она управлялась по особому положению.

В общем, фамильных вариантов и вариаций множество. На их основании можно долго рассуждать, откуда вышли предки Черемновых. Объективности ради нужно вспомнить и то, что Василий часто прилюдно утверждал: «Отцы наши из чалдонов были...»

Однако термин этот тоже неоднозначен.

Русский писатель, этнограф и лексикограф Владимир Иванович Даль в 1866 году в своём «Толковом словаре живого великорусского языка» утверждал, что чалдон («челдон») – это бродяга, беглый, варнак, каторжник. По его мнению, происхождение слова указывает на заимствование из монгольского языка. Отсюда версия: возможно чалдоны – это потомки угнанного в Орду населения древнерусских княжеств – хорошие мастеровые, воины или знахари-лекари, которые сформировали целый этнос.

Другое представление о чалдонах – это потомки староверов, которые в конце 16 – начале 17 веков, спасаясь от «сатанинских» реформ Никона, проникли в Сибирь и остались там жить.

Еще одна версия: чалдоны – дети от связи казаков Ермака или ссыльных каторжан с сибирскими аборигенками.

Вместе с тем, европейская внешность чалдонов, выдает в них выходцев из территорий Предуралья. Это могли быть пришельцы из Новгорода и Вятки, которые издавна ходили по Оби. А когда царь Иван Грозный пошёл войной на эти города, часть их жителей, спасаясь бегством, могла оказаться в далеких сибирских краях.

Наконец, существует интересное утверждение, что чалдон – это географическое название для переселившихся в Сибирь людей, живших когда-то между реками Чалкой и Доном. В пользу этой версии говорят факты, что те, кто называет себя чалдонами, в своём большинстве, смуглые и кареглазые, что выдает их возможную генетическую связь с донскими казаками.

22.

Впрочем, лучшевские Черемновы проживали в любви, труде и гармонии...

После женитьбы Василий с Катериной жили дружно. Их семья была большой даже по деревенским меркам – семнадцать детей родила мужу жена!

История умалчивает, каким по счёту был один из их сыновей Алёша – Алексей Васильевич. Он появился на свет в 1906 году, когда родителям было уже за сорок.

Как и все селяне, которые кормились аграрным хозяйством, Черемновы выращивали зерновые, овощи, разводили скот. Сразу за околицей к селу подступала настоящая лесная чащоба. Близость тайги позволяла ребятишкам и женщинам, кроме работы в поле и на огороде, ещё заниматься сбором грибов и ягод, мужчинам – охотой.

До Октябрьской революции село росло и хорошело. Примерно к 1914 году число дворов тут перевалило за 120, а взрослых душ проживало более 800. Причём, многие

семьи считались зажиточными и средними. К последним относились и Василий с Екатериной Черемновы.

Соседи часто видели, как в тёплое время года хозяин семейства гарцевал по полям на норовистой гнедой кобыле в «служилом» так сказать виде, одетый в мышиного цвета двубортную тужурку с рукавами, тёмные широкие брюки-шаровары с малиновыми лампасами, заправленными в начищенные сапоги. На голове, лихо сдвинутая набекрень, красовалась фуражка с чёрным верхом, лакированным козырьком и красным околышем.

Смуглолицый, тёмноволосый, кареглазый, среднего роста, костью – неширок, однако телом крепок, Василий без дела и пяти минут не сидел, работал сам и заставлял работать своих близких в поле, на покосе, во дворе, на конюшне. Дети росли в строгости, побаивались сурового отцовского характера: в случае чего тот брался за ремень, а если ослушание случалось за обеденным столом, куда семья усаживалась строго по старшинству, то он мог так приложить деревянной ложкой по лбу, что нарушителю дисциплины мало не казалось.

Алёша рос смиренным и послушным парнем. Больше всего на свете любил своих родителей и своё село. Отец часто посылал смышлёного подростка по делам то в мелочную лавку, то на маслобойню, то в кузницу. Алексей всегда быстрым шагом сновал по широким улицам Лучшева, с удовольствием забегал за покупками в хлебозапасный магазин или в скорняжную мастерскую.

К десяти годам мальчишка окончил так называемую домашнюю школу, где уроки вели на дому, и за его обучение отец платил по рублю за год. Освоил за три школьных года азы грамоты: письмо, чтение Тропаря и арифметику. А в тонкости сапожного дела, которым по просьбе отца мальчика обучал сельский мастер, продолжал вникать и по окончании школы. «Научишься обувь шить, - поучал сына Василий, – никогда с голоду не помрёшь».

Он брал сына с собой в большое соседнее село Прокопьевское, куда ездил по делам или на базар – продавать овощи и мясо. Поэтому Алексей с детства умел запрягать лошадку в лёгкую телегу и ловко править ею по просёлкам.

К одиннадцати годам парнишка узнал, что в столице произошла революция и царь Николай II отрёкся от престола. В селе по этому поводу не было никаких митингов, вместо них в солнечные мартовские дни 2017-го его отец с мужиками собирались в лавке или в кузнице, курили самокрутки и спорили, как же пойдёт жизнь без царя.

Алексей внимательно слушал взрослых – при всех различиях мнений они сходились в одном: в России что-то пошло не так и ничего хорошего от этого деревня не получит. «Ладно, - успокаивал по вечерам семью и самого себя Василий. - Как-нибудь проживём. Хлеба у нас достаточно, лес и речка тоже рядом. С голоду не помрём, прокормимся!»

Вроде бы в Лучшеве ничего не изменилось. Весной трудолюбивые Черемновы отсеялись как обычно, всё лето за урожаем ходили, осенью засыпали зерно и овощи в закрома. Только приготовились спокойно пережить долгую сибирскую зиму, как случилась новая революция – на этот раз октябрьская. И прервала естественный ход деревенской жизни.

На базаре в Прокопьевском ходили самые невероятные слухи и разговоры, которые привозили сюда все, кто в эти дни бывал в Томске. Толковали о большевиках, о земле.

Собирались толпой вокруг человека с газетой, кричали: «Читай! Громче читай!» «Постановление, - звонко выводил добровольный чтец, - о проведении 12 ноября 1917 года выборов в Учредительное собрание... Все избирательные комиссии, учреждения местного самоуправления, Советы рабочих, солдатских и крестьянских

депутатов и солдатские организации на фронте должны напрячь все усилия для обеспечения свободного и правильного производства выборов в Учредительное собрание в назначенный срок».

- Кто подписал документ? - уточнял въедливый слушатель.

- Подписано В.И. Ленин, - важно сообщал аудитории человек с газетой.

«Кто такой Ленин? – спрашивали друг друга крестьяне. – Что за Советы?».

Голосование проводилось поздней осенью. В Томской губернии 85 процентов избирателей отдали голоса партии социалистов-революционеров. Да и по стране за эсеров проголосовало большинство взрослого населения.

Избранные депутаты Учредительного собрания России собрались в Петербурге 5 января 1918 года для определения государственного устройства страны. Они приняли решение о национализации помещичьей земли, призвали к заключению мирного договора, провозгласили Россию федеративной демократической республикой.

- Ну и ну! – качал головой Василий, обсуждая с земляками эти, пропечатанные в томской газете, решения. Они ещё не знали, что газетные сведения устарели, что уже 6 января Учредительное собрание было распущено Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, который действовал от имени Всероссийского Съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов. Большевики не допустили двоевластия в стране...

До весны 1918-го в ряде районов страны шла конфискация имущества у кулачества, Советы вели передел земли, наделяли землей неприписных жителей – таких, которые не работали на казённых или частных заводах и фабриках, не были прикреплены (приписаны) к ним.

Вслед за Центральной Россией советская власть пришла и в Сибирь. Но если в Томске активно бурлила политическая жизнь, в Лучшево всю зиму было относительно спокойно, жизнь шла без особых перемен. Лучшевская ребятня регулярно ходила в начальную школу, которую открыли в селе ещё в 1914 году, бабы как обычно стряпали семейные обеды, ходили за скотиной да доили коров, мужики собирались в лавке или у кузнеца, курили и спорили, кто лучше: царь, временное правительство или Ленин.

Где-то в России шла Гражданская война, а в Лучшеве копошилась мирная жизнь, правда, веселья и шумных деревенских праздников стало меньше...

Ближе к весне лучшевские крестьяне узнали, что в Центральной России специальные отряды из городских конфискуют в деревнях зерно, что в Томске в пику Советской власти эсеры создают Временное Сибирское правительство.

А в конце мая начался мятеж Чехословацкого корпуса. Чехи вместе с частями белой гвардии разбили под Мариинском отряды Томской красной гвардии, прогнали Советы и «усадили» Временное Сибирское правительство – теперь в Омске. Местные кулаки всюду разгромили волостные и сельские советы. Власть большевиков в Сибири пала.

Опять начался передел. Первые постановления Временного Сибирского правительства были о денационализации предприятий, об «изъятии большевиков» из всех органов самоуправления, о мобилизации офицеров в армию, о взаимоотношениях с чехами. Провозгласили и лозунг об автономии Сибири.

«Совсем сума сошли, - тихо ворчал Василий. – Как же мы без Расеи-то?!», - теперь он чаще разговаривал сам с собой.

Остерегались мужики собираться вместе по привычным деревенским адресам, потому как сельская вольница кончилась, за неосторожно сказанное слово могли на тот свет отправить.

И то сказать, сначала деятельность Временного Сибирского правительства находила понимание и даже поддержку у значительной части населения Томской губернии. Однако уже к осени 1918 года жестокая политика в отношении городских рабочих и крестьянства привела к многочисленным протестам и вооруженному сопротивлению.

Взрослые крестьяне побаивались выходить даже на тихие деревенские улицы, посылая днём за самым необходимым в лавку своих детей, тех, что пошустрее. Непокойно стало и по ночам. В окрестных лесах появились банды лихих людей. Из соседних деревень приходили вести о ночной стрельбе и грабежах. Лучшевики организовали ночное дежурство. Вооружась дробовиком, принимал в нём участие и Василий Черемнов. «Худая власть! – рассуждали меж собой ночные сторожа. – Порядка совсем не стало. Менять надо!»

18 ноября 1918 года был понедельник. В этот тяжёлый для страны день в Омске верховным правителем России был объявлен адмирал Александр Васильевич Колчак. Он принял решение, что единственным средством победить большевизм может быть только военная диктатура. Поэтому самой важной задачей правитель провозгласил укрепление и повышение боеспособности армии. Обещано было и экономическое возрождение.

Сначала к колчаковскому перевороту крестьяне отнеслись спокойно: слишком часто всё менялось. Но уже в первые месяцы правления Колчак дал понять, кто он такой: шла тотальная мобилизация, а над теми, кто не хотел служить в белой армии, начались бессудные расправы, порки, грабежи. Особенно страшно и беспощадно терзали тех, кто до этого служил Советам или симпатизировал большевикам. Это придавало большевикам ореол мученичества и патриотизма. К тому же Колчаку помогали американцы, японцы, итальянцы, чехи, которых российская деревня рассматривала как чуждую, инородную силу.

Базар в Прокопьевском дышал на ладан. Ездить на него селяне окрестных деревень боялись, да и лошадей у многих реквизировали в армию. И купить там было нечего: промышленные товары исчезли, их можно было приобрести только у спекулянтов по высокой цене. Что ж, крестьяне сами выделывали полотно, варили мыло, шили одежду и обувь. Даже зажиточные семьи видели обман в громких обещаниях подъёма экономики. Поэтому скоро в глазах сибиряков Красная Армия стала казаться освободительницей. С колчаковцами активно начали сражаться партизаны, в отряды которых подались многие крестьяне в надежде на лучшую долю.

23.

Официальных достоверных данных о людских потерях в ходе революций и Гражданской войны в Российской империи не существует до сих пор. Учитывая демографический прирост в стране до начала Первой мировой войны и оценивая общую убыль населения от неестественных причин в 1917-1922 годы, разные источники называют цифры людских потерь от 11 до 15 миллионов. Сколько из этих миллионов приходится на долю погибших и умерших, а сколько на долю эмигрировавших, тоже неизвестно.

Как в этой «мясорубке» уцелели Василий и Екатерина Черемновы и их семья, точно известно, наверное, одному Богу. Их потомки склонны объяснять это большой семьёй. Когда у соседей реквизировали в армию лошадей, Василию оставляли кормилицу гнедую, для «прокорма» многочисленных детей. Когда очередная власть объявляла сбор продовольствия для спасения России, двор Василия, наполненный бессчётными детскими голосами, обходили стороной даже самые рьяные сборщики. Когда мужиков из соседних дворов мобилизовали в армию – красную или белую, хозяина семьи

Черемновых оставляли многодетной семье, понимая, что без него она обязательно пропадёт.

Наконец, ситуация в России успокоилась. Красная Армия победила, и установилась твёрдая советская власть. Следом в деревню пришли колхозы.

В Лучшево в колхоз объединили практически все крестьянские дворы, обобществив скот, инвентарь и много чего ещё. Забрали в колхоз и Василеву кобылу, из трёх коров многодетной семье разрешили оставить одну, остальных забрали в коммуну.

Впрочем, любимчик Василя сын Алексей оказался в Прокопьевске тоже благодаря коллективному хозяйству. Ведь основной рабочей единицей в колхозах стали производственные бригады. Семья Василя по численности легко составила отдельную бригаду, в которой отец заставлял всех трудиться по-настоящему, добросовестно, не покладая рук. А вот плату за результат бригада Черемновых получала наравне с теми, кто трудился спустя рукава.

«Несправедливо!», - ворчал Василий. После долгих размышлений и семейных совещаний решили переселить Алёшу к прокопьевским родственникам. Селяне пребывали в уверенности, что там, где шахты, там гораздо больше справедливости, чем в деревне, да и перспектив немало. Эту уверенность давало бурное развитие села Прокопьевского, которое в начале 1928 года объявили рабочим посёлком. Пройдёт три года, и к середине 1931-го посёлок получит статус города, что в глазах окрестного крестьянства делало его очень привлекательным для работы и проживания.

Была одна, очень серьёзная, трудность: «открепиться» крестьянам от села в те годы было непросто. Василию как-то удалось договориться с колхозным правлением, чтобы Алёшу отпустили в отход – на заработки.

Вначале 23-летний Алексей жил у городской родни по временным документам и временной прописке.

Но уладится и этот вопрос. Благодаря постановлению Совета народных комиссаров СССР № 2193 от 19 сентября 1934 года «О прописке паспортов колхозников-отходников, поступающих на работу в предприятия без договоров с хозорганами», проблему с постоянным городским проживанием удалось решить окончательно.

В первые месяцы Алёша часто навещал родителей. Потом его наезды в родную деревню стали реже. И Василий решил, что сына пора женить: «Чтоб не разболтался, не шастал по девкам! - без апелляций заявил он Екатерине. – У тебя, Катерина, есть кто на примете?»

Та всплеснула руками от неожиданного решения мужа:

- Дак как же, Вася! А если Алёша не согласится?

- Против отца пойдёт, что ли?! – бухнул хозяин кулаком по крепкой столешнице длинного кухонного стола. – Как я решил, так и будет!

Невесту для Алексея – девицу Аксиною Зенкову 1906 года рождения – «нашли» в соседнем селе Зенково. Думается, у её отца Тимофея, родившегося в 1870 году, была прямая генетическая связь с основателем села – казаком Зенковым из Кузнецкого острога, который в 17 веке положил начало этому новому поселению близ Прокопьевского.

Как ни странно, но с развитием Прокопьевска росло и Зенково. Если в 1859 году здесь насчитывалось 64 хозяйства, проживало 455 человек, то согласно переписи 1926 года проживало уже 904 человека, имелось 193 хозяйства.

Мать Аксины Прасковья появилась на свет в 1871 году. Родители девушки слыли людьми небогатыми, особого приданного за дочкой не дали, но пообещали помочь молодым построить в Прокопьевске свой дом.

Свадьбу сыграли в Лучшево – по-деревенски широко. К началу «тридцатых» годов в дома селян постепенно возвращалось веселье. Молодые молча сидели во главе хмельного свадебного стола. Алеша, наряженный в длинный чёрный костюм с тремя пуговицами с розовым бумажным цветком в петлице и светло-голубую рубашку, то и дело резким движением поправлял непокорный тёмный чуб и, потакая гостям, время от времени прикладывался к рюмочке. Он смущённо улыбался сальным шуткам соседей по столу, охотно кивал им головой и искоса поглядывал на свою жену.

Та сидела, не шевелясь, напряжённо выпрямив спину, неподвижным взглядом уставившись в тарелку с едой, к которой и не прикоснулась. Тонкие губы были упрямо сжаты, с худощавого лица не сходило пасмурное выражение. Простое светлое «глухое» платье до пят и с длинными рукавами неплотно облегало её стройную фигуру, голову покрывал белый платок...

Когда через несколько дней после сватовства родители невесты приезжали в Лучшево «смотреть место», вернее, знакомиться с хозяйством будущей родни, мать девушки как бы между прочим «проговорилась», что Акси́нья успешно окончила церковно-приходскую школу, с усердием чтит Бога, хорошо знает церковно-славянскую грамоту, скромна и не избалована.

Венчаться в церкви в те годы было небезопасно. Однако родители Акси́ньи поддержали дочь в том, что без церковного обряда не обойтись.

Свадьбу играли между сенокосами – в конце июля 1929-го – в яркий солнечный субботний день.

Вначале молодые зарегистрировали брак в местном сельсовете. В соответствии с новым Семейным кодексом, который был введен в стране с 1 января 1927 года, председатель сельсовета записал их имена в амбарную книгу, заставил брачующихся поставить там свои подписи и скучным голосом объявил их мужем и женой, образовавшим новую первичную ячейку общества. Алёша слушал председателя с растерянной улыбкой, переминаясь с ноги на ногу. Акси́нья, оказавшаяся на полголовы выше своего суженного, уставилась в пол и стояла, не шевелясь.

Потом в окружении селян и любопытной ребятни они пешком добрались до просторного двора Черемновых.

Здесь в ожидании гостей уже накрыли столы. Вдоль них взад вперёд нетерпеливо расхаживал пухленький батюшка в длинной чёрной рясе. На ходу он изредка что-то схватывал со стола, быстрым движением отправлял в рот и проглатывал, почти не жуя.

Когда молодые входили в ворота, поп встретил их крестным знаменем, иконой и хлебом и торжественным басом принялся громко приветствовать вновь созданную семью. Жениху он предписал «умножаться и ходить в мире», а невесте – заботиться о «веселии мужа». С четверть часа мотал кадилом, обходя молодых кругом, и басил:

- Слава тебе, Боже наш, слава те-е-бе-е... Жена твоя, как виноградная лоза плодовая по сторонам дома твоего. Слава тебе Боже наш, слава тебе. Сыновья твои – как саженцы масличные вокруг трапезы твоей...

После к молодым подступили родители жениха. Василий тоже поздравлял их иконой и караваем и желал счастья. Екатерина осыпала молодожёнов пшеницей, сулила им богатство и много деток.

Тут случился неожиданный конфуз: то ли от волнения, то ли от жарких солнечных лучей, то ли от того, что со вчерашнего полудня во рту не было ни крошки, Акси́нья вдруг закатила глаза и начала медленно оседать на землю в обморочном бессознании.

Все, стоявшие близко, оторопели. Лишь родители девушки не растерялись: Тимофей ловко подхватил дочку под мышки и основательно встряхнул, а Прасковья схватила со стола кувшин с холодной водой и брызнула ей на лицо. Аксиныя очнулась от обморока, встрепенулась, утвердилась на ногах и обвела всех прояснившимся взглядом...

В остальном же всё на этой свадьбе было, как говорится, по-человечески. Гуляли два дня. За столами гости поднимали тосты за молодых, не забывали кричать «Горько!», и Алёша торопливо целовал стыдливо отворачивающую лицо Аксиныю. «Ничего... Страшно видится, да только стерпится – слюбится», - перешёптывались, умиляясь, селяне.

Под гармошку певуны пели, а плясуны плясали от души. По традиции отец жениха трижды обводил молодоженов вокруг стола, давал им тарелку, чтобы те её разбили, и потом молодые осторожно переступали через осколки, чтобы их жизнь шла без ссор и болезней.

И жизнь их понемногу пошла. Поначалу они несколько месяцев квартировали у городской родни. Однако уже к зиме недалеко от высокого берега речки Абы, где закладывали новую улицу, им нарезали несколько соток земли: здесь на участке сложили дом – из кухни и горницы. Многочисленная родня Черемновых и Зенковых дружно трудилась на новостройке. Сам Алёша, обученный отцом плотницкому и столярному мастерству, без усталости звонко тесал брёвна и рубил пазы, умело строгал рубанком сухие шершавые доски.

На противоположном берегу Абы виднелись здания, склады и сооружения недавно сданной в эксплуатацию шахты «Центральная штольня» (позднее переименованной в шахту имени Эйхе, затем – в № 3-3 «бис»). А в паре километров на юг от новой улицы шахтное поле разрабатывали штольней, здесь вскоре должна была появиться шахта «Черная гора». Рабочих вакансий на угольных предприятиях имелось немало. Молодой Черемнов подался было на шахту, но примерно через месяц горняцкий труд его разочаровал. А вскоре для него нашлось хорошее место: грамотного Алексея взяли на работу продавцом хлеба в местное сельпо.

Забеременевшая вскоре после свадьбы, Аксиныя сидела дома, понемногу обустроивала нехитрое жильё, ткала половики, шила занавески, украшала расшитым полотном домашние иконы. В конце апреля 1930-го она родила первенца, которого назвали Анатолием. В январе 1933-го у молодых родился Ваня, а в октябре 1935-го появился на свет младшенький Женя.

Алексей оказался мужиком сметливым и работающим, умело, с крестьянской сметкой налаживал жизнь своей семьи. В свободное от работы время глава семейства ремонтировал и шил соседям обувь. Наладился к зиме подшивать валенки, и все окрестные дома шли к нему с заказами. В доме Черемновых по вечерам хорошо чувствовались устойчивые запахи кожи и ваксы, дратвы и вара.

Как замороженные, сыновья молча наблюдали, как отец, обряженный в длинный до пят кожаный фартук, доставал из-под кровати деревянный ящик с множеством сапожных шильев, крючков, острых как бритва ножей. Нужную для сапожного дела крепкую дратву Алексей готовил сам. Не торопясь, складывал вместе восемь-десять крепких суровых светлых ниток. Затем зацеплял их за дверную ручку, держа в руке концы и натягивал. Пальцами в кожаных напальчниках закручивал концы в правую сторону. Когда нить была хорошенько скручена, он брал кусок кожи, в котором находился чёрный, остро пахнущий сапожный вар и принимался натирать ставшую толстой общую нить по всей длине. От его энергичных движений нить враз делалась «цельной», чёрной, блестящей и гладкой. Наконец, чтобы дратва легче «шила» он

натирали её воском и хорошо протирал куском холстины, и она становилась ровной, не липла.

Потом Алексей усаживался на низкий мягкий стульчик и шил, шил...

Умело работал с деревом. Многие вещи в доме сделал сам: кухонный и обеденный столы, небольшой буфет для посуды и продуктов, шкаф для одежды, табуретки. А средний сын Ваня, начиная лет с пяти, любил помогать отцу в работе с «деревяшками».

Родители Аксиньи подарили молодой семье большой деревянный сундук, окованный железом, на котором по очереди спать любили сыновья. Подарок оказался хорошей приметой: в доме стал появляться достаток. Дети вволю ели хлеб.

И служебная карьера Алексея тоже шла вверх. Ответственного и расторопного, грамотного мужика, назначили заведующим хлебным магазином. Он и не отказывался. Опыта, правда, не хватало, но, как известно, в молодости любое море по колено.

Магазинную кассу он ежедневно сдавал, куда надо, тщательно пересчитывая деньги до копейки. А вот в бумажной отчётности откровенно «плавал» – грамоты явно не хватало. Просиживая над бумагами, чертыхался: «Вот, кумаха, кто эту булгахтерию придумал?! Японский городской!» Промучившись так несколько недель, начал подумывать о поиске другой работы.

- Вы, Алексей Васильевич, зря столь расстраиваетесь, - отвлекла однажды заведующего от мрачных мыслей магазинная уборщица, мелкая кругленькая Анна, а по-народному – Нюра, и шаловливо забросила за спину тугую чёрную косу. – Да, я вам помогу. И читать, и считать, и писать умею.

В общем, как-то само собой случилось, что магазинную «булгахтерию» Алёша передоверил уборщице. Несколько месяцев с отчётностью всё шло как по маслу. Анна приносила Алексею готовые отчёты, тот, не глядя, ставил под документами замысловатую закорючку своей подписи. Главное, по его мнению, заключалось в том, чтобы цифры в бумагах сходились с наличной суммой в кассе...

Арестовали Алексея прямо на рабочем месте.

- Черемнов? – резким голосом спросил его, растерянно привставшего из-за стола в своём завмаговском закутке, красивый милиционер в длинной синей шинели с двумя рядами серебристых пуговиц, ремнём на талии и фуражке с темно-синей тульёй и бирюзовым околышем. – Алексей Васильевич? Пройдём с нами!

На негнущихся ногах Алексей, спотыкаясь, шагал по улице следом за «старшим», а по бокам шествовали два милиционера. Граждане, встречающиеся на пути этого процессии, испуганно шарахались в стороны и долго смотрели вслед конвою.

Ночь Алёша провёл один, в узкой холодной камере он лежал на металлических прутьях железной койки, неподвижно уставившись взглядом в тёмный потолок. «Что случилось? – наверное, в тысячный раз спрашивал он себя. – За что?» Снова и снова перебирал в уме лица детей, родных и друзей и прощался с жизнью. Он хорошо знал, что в этот предвоенный для страны год с подозреваемыми в «уголовке» особо не церемонились...

Наутро его вызвали на допрос в кабинет, где в каждом углу стояло по шкафу, а посередине – большой письменный стол.

За ним сидел коротко стриженный следователь в гражданском и что-то торопливо писал на листе бумаги, то и дело обмакивая перо в чернильницу, и без конца поправляя сползающие с широкого носа очки. Не глядя, он махнул робко переминавшемуся с ноги на ногу, всклоченному Алексею: садись, мол. Тот присел на табурет напротив стола. Наконец, хозяин кабинета отложил ручку, снял очки:

- Чего молчишь, рассказывай! – потребовал он громко.
- Что рассказывать? – охрипшим от испуга голосом спросил Алексей.
- Ты же Черемнов? Алексей Васильевич? – Алёша закивал. – Ну, так и рассказывай, как организовали преступную группу, как ворованные деньги делили? Мы ревизию провели, а вы и не поняли! И учти, поделница твоя во всём чистосердечно призналась!
- Что... в-вы? – боязливо заикался Алёша. – Какая п-поделница? Какие д-деньги?!
- Анну Иванову знаешь? – встал из-за стола следователь.
- Так я это... канешно... – Алексей тоже попытался встать. – Уборщица наша, кумаха её!
- Сидеть! – рявкнул следователь. – Мы всё знаем: как ты липовую отчётность вёл, как излишки хлеба на городском рынке продавал. Знаем, где краденые деньги прячешь – в доме или на огороде. И обязательно найдём. Сыскари там всё у тебя перевернут и найдут. Не сомневайся! Лучше сам скажи, воруя!
- Господи, помоги... – шептал подозреваемый.
- Нету его, гад! – размахивал следователь кулаками перед лицом завмага. – И не надейся, сволочь, никто тебе не поможет! Под суд пойдёшь!

Допрос длился целый день. Алёша раз за разом рассказывал, как было дело, клялся, что невиновен, что никогда не брал ни копейки казённых денег, тихо шмыгая, плакал и вытирал рукавом пиджака кровь из разбитого носа и с распухших губ.

К вечеру окончательно оформилось уголовное дело о создании преступного сообщества с целью совместного хищения государственных средств...

В общей камере с полутора десятками разнокалиберных мужиков – и блатных, и не очень – Алексей провёл две недели. На ежедневных допросах ему приходилось туго. Следователь не раз прикладывал кулаком и по лицу его, и по печени. Но подозреваемый с крестьянским упорством стоял на своём, показаний не менял и вины не признавал. Никаких бумаг против себя не подписывал.

В начале третьей недели его перестали вызывать на допрос. Ещё трое суток он провёл в полном неведении о дальнейшей судьбе. К вечеру третьего дня его вывели с вещами за ворота прокопьевской «каталашки» и приказали поскорее убираться. Ошалевший от неожиданной радости, грязный, небритый Алексей изо всех сил рванул в сторону дома.

Как выяснилось, своим освобождением он был обязан своим тестю с тещей. Когда его родители и родители Аксины узнали о приключившейся беде, забегали по знакомым и родне в поисках заступника. «Не мог мой Лёха чужие деньги взять! – бил себя в грудь кулаком враз постаревший от горя Василий. – Его обмануть могли, а сам он не украдет – ни-ни!» - доказывал он.

Заступника отыскивали в Уфе. В столице Автономной Социалистической Республики Башкирии в немалом военном чине служил двоюродный племянник Аксины – сын её старшей двоюродной сестры. С ним удалось оперативно соединиться и с помощью его связей уголовное дело в отношении Алёши замяли.

Неизвестно, правда, что случилось с Анной Ивановой, впрочем, явись она пред Алёшины очи, не поздоровилось бы мошеннице.

Работать в продмаге недавнему подозреваемому больше не разрешили. И он, недолго раздумывая, устроился в механический цех шахты № 3-3 «бис». Отработал он здесь на кузнечном участке всего-навсего месяцев пять. Не лежала крестьянская душа к «железнякам». А тут прознал, что на конный двор шахты требуется конюх. Туда и перешёл – стал работать на лошади.

В то время конные дворы на большинстве угледобывающих предприятий считались одним из основных звеньев производственного процесса. Немало шахтового транспорта, как подземного, так и надземного, было основано на конной тяге. Лошадей спускали в клетки в шахту, там они работали на откатке угля и доставке крепёжных брёвен, других материалов и запчастей. Под землёй они проводили долгие месяцы в подземных конюшнях, иногда их поднимали на-гора – на отдых, а на смену им в шахту спускалась новая партия лошадей. Конную «тягу» активно использовали и на поверхности.

Вся остальная рабочая биография Алексея связана с лошадьми. Каждый день – зимой и летом – он грузил на телегу и развозил на шахтовые участки и в цеха моторы для конвейеров и запчасти к ним, огнетушители, доски и скобяные изделия, мешки со спецодеждой для горняков. Доставлял фляги и бидоны с молоком и сметаной, ящики с овощами и хлебом для подведомственного шахте детсада и для шахтового буфета. Да мало ли что ещё...

Почти каждый день Алексей приезжал на лошади домой на обед. Улица, где они жили, шла под уклон, и серая крупная лошадка лихо подкатывала к дому тархтящую деревянным «ходом» телегу. Заслышав этот шум, домашние выглядывали в окна. А Ваня успевал выскочить на улицу навстречу отцу. Сидевший на телеге Алексей резко натягивал вожжи, кричал: «Тпру-у! – и прибавлял маловразумительное слово. – Скорь...»

Он слезал с телеги, засовывал за голенище сапога кнут с заплетённым в косичку ремешком и разминал затёкшие ноги. На нём неизменно была тёмная фланелевая рубашка, а в холодное время поверх неё – фуфайка, в довершение всего – чёрный кожаный фартук. Чёрные брюки заправлялись в сапоги. В любое время года на голове сидела кепка или заношенная зимняя шапка чёрного цвета, с клапанами, завязанными на затылке.

Ваня навсегда запомнил, как от отца, от его одежды пахло острым запахом лошадиного пота. А запряженная в телегу лошадь была чалой масти, как объяснял ему отец. Отец протягивал лошади ломоть хлеба, и она осторожно принимала его мягкими губами.

Иногда Алёша с сыном вместе возвращались на конный двор, и тогда малой помогал старшему править лошадью, придерживая руками вожжи. «Быстрее! - командовал ездовой сыну, потом забирал у него вожжи, щёлкал кнутом. - Пошла, скорь!» И кобыла резво бежала знакомыми улицами на конюшню, где Алексею предстояло поить её, кормить и, уставшую, устраивать на ночь.

Так «сельская косточка» Алёшиной природы обрела твёрдую почву на городской прокопьевской земле...

24.

Первые месяцы молодым пришлось жить с родителями Ивана. В небольшом доме, кроме родителей, проживали мама Аксиньи бабушка Прасковья, младший сын Женя с женой Таей, у которых в апреле 1955-го родился первенец Сашенька.

Хоть и говорят: в тесноте, да не обиде, – неудобств было немало. Особенно вечером, когда домочадцы собирались вместе. Алексей Васильевич возвращался с конного двора, Иван – со своей работы, Евгений – с занятий в институте, Таисия – с шахты, где продолжала работать и после родов.

Ужинали, и чтобы не толкаться на кухне, расходились по делам и по углам. Бабушка Прасковья, охая, укладывалась на свою лежанку. Алексей Васильевич брался за драгву. Таисия уединялась с сынишкой в отгороженном занавеской уголке. Иван с

Евгением шли в сарай, где по заданию отца ладили на заказ мебель – диваны, шкафы, столы.

Беременная Валентина помогала свекрови убирать со стола, стряпать на завтра. Тут же Аксиныя давала невестке нескончаемые задания: с раннего утра бежать в продмаг, там занять очередь за хлебом или сахаром, за мукой или крупой, – в те годы всё это было дефицитом, и кормить большую семью непросто. Валя послушно кивала и беспрекословно выполняла поручения. Стоя в длинных очередях, пропускала очередной день в техникуме и со страхом думала, что же будет с её учёбой?

Ведь она была на последнем курсе, прошла завершающую практику, начала собирать материал к диплому. Приближалась пора дипломирования, а молодая жена с каждым днём всё больше превращалась в домохозяйку.

- Не хочу оставлять техникум, - тихо делилась она вечерами с мужем. – Как быть?

- Потерпеть надо, - успокаивал Иван. – Как-нибудь всё наладится, потом наверстаешь...

Валентина всё больше отчаивалась, думая, что учёбу придётся-таки бросить. И мысленно готовила себя к этому. Как вдруг ситуацию спас староста их учебной группы. Он неожиданно заявился к Черемновым.

- Ты чего, спряталась, Галкина?– назвал он Валентину девичьей фамилией. - Твой новый адрес мне Никанор Степанович дал. Почему в техникуме не появляешься? Мы забеспокоились – не бросила ли?

И когда разревевшаяся от его вопросов, Валя рассказала ему про своё семейное житьё-бытьё, про нехватку времени, всплеснула от безысходности руками: «Что же мне делать?!», - рассудительный однокашник посоветовал:

- Перебирайтесь-ка вы с Иваном на время к твоим. Там будет спокойнее. С учёбой поможем, а там видно будет. И родишь, и защитишься.

И молодые перевезли свои пожитки на Буфер, к неудовольствию Аксины, перешли к Валиным родителям...

Здесь было спокойнее. Матрёна сама вела дом – успевала и готовить, и по магазинам. Пока мужики были на работе, а Валентина на учёбе, Матрёна и за огородом поспевала, и за скотиной. Глядя на неё, соседи удивлялись, когда отдыхала эта шустрая женщина...

А Вале было плохо. Не проходило дня, чтобы её не накрывала тошнота. За столом она едва клевала как птичка. Сил не было терпеть. Однако надо было писать дипломную работу, делать кучу чертежей, проходить предзащиту, где никаких скидок на ожидание ребёнка не давали.

День защиты дипломного проекта неумолимо приближался, и, преодолевая токсикоз, она готовилась. Наконец, наступило 24 июня 55-го, и студентка Черемнова предстала перед государственной комиссией. Как говорится, зажала нервы в кулак, сделала толковый доклад, бойко ответила на все вопросы и получила не только высокую оценку, но и направление на шахту «Черная гора» – работать на участке вентиляции газомерщицей.

Только перед трудоустройством надо было пройти медкомиссию, врачи которой запретили будущей мамаше спускаться под землю. Новое направление выпускнице после медкомиссии гласило: трудоустроиться на поверхности шахты «Маганак». На предприятии ей обещали подобрать какое-нибудь занятие полегче, пока же ничего подходящего предложить не могли, пригласили прийти недели через две.

Тем временем, токсикоз не проходил, к концу лета достиг апогея. Она почти не ела и однажды упала в обморок прямо на автобусной остановке, сильно оцарапав при этом

щёку. Вернувшийся с работы, Иван не на шутку испугался, увидев поранившуюся жену.

- Всё! - сказал категорически. – Никуда больше не пойдёшь, пока не родишь... – Никанор с Матрёной решительно поддержали зятя.

Осень в тот год выдалась дождливая, да скоро прошла. Наступила зима.

Накануне Нового 1956 года большая семья Галкиных собралась за общим столом, выпивали, закусывали, смеялись и шутили, пели песни. Никанор Степанович подливал в рюмочки сыну Василию и зятю Ивану. Матрёна Ермолаевна с удовольствием поддерживала их.

Лишь дочь с невесткой Фаей к спиртному не притрагивались. Валентина была на сносях – вот-вот собиралась в роддом. У Фаи же шёл пятый месяц. Они с Васей, столько лет ожидавшие первенца, радовались безмерно. Василий даже шутил: «Давно надо было Валентину замуж отдать, тогда бы и Фаюшка скорее родила».

Говорили о событиях уходящего года. Валя вспоминала, как проходила на шахте конечную практику. Как её дипломный проект допустили к защите, как диплом получила. В её положении всё это было непросто. А скорое появление ребёнка: главное событие для молодой семьи, - и радостно волновало, и одновременно страшило...

Срок подошёл в первые дни года. Рано утром 12 января в прокопьевском роддоме № 1 Валя родила мальчика. Сына назвали Серёжей.

«Сяргей», - по-своему окрестила внука Матрёна.

Новый 1956-й начался с сильных морозов. Печь в избе Галкиных топили и ночью, по очереди подкладывали угля, но всё равно к утру становилось холодно. Новорожденный простудился, получил воспаление лёгких и попал вместе с мамой детскую больницу на улице Комсомольской. И пусть деревянное двухэтажное барачного типа здание медучреждения не внушало доверия, мальчонку здесь вылечили. Прокопьевская детская медицина тех лет вообще считалась одной из лучших в области, квалифицированных врачей и лекарств хватало. Да и сам малыш оказался живучим. И скоро пошёл на поправку...

Когда морозы поутихли, в гости к Галкиным пришли сват со сватьей – внука «обмыть» и потолковать о будущем молодой семьи. Они и раньше бывали в гостях на Буфере, но в этот раз визит был особенным. Вначале поспорили на «чьих» внук похож больше. Решили, что личиком «вылитая мама», но есть что-то почти неуловимое и от отца.

После третьей рюмки Алексей Васильевич чинно, чуть несмело покашлял, прочищая горло, и, получив в бок локтем от Аксиньи Тимофеевны, громко начал:

- А что, Никанор Степанович, как молодые дальше жить думают?

- А ты чиво, сват, придраться хатишь? – подскочила Матрёна Ермолаевна. - Пуцай живут у нас пака, а тама видна будит...

- Годи-ка, - осадил жену Никанор. – Могу на своём участке им место под дом выделить. Правда, у нас уж Вася пастроился. А у тебя, сват, какое предложение?

Валя с Ваней тихо сидели за столом, уткнувшись в тарелки, и не вступали в родительский разговор.

- Так вот и я тож говорю, - вытирая губы платком, кивнул Алексей Васильевич. – Молодым свой дом нужон. Так мы предлагаем им хату на нашем дворе поставить, к нашему дому пристроить. Да ты же знашь, как это можно...

- Дак, мы не протиф, - снова встряла Матрёна.

- Да, пагади! – снова оборвал её муж. – Давайте-ка, сват, сначала выпьем...

Долго судили и рядили родители на семейном совете. Решили дом для Ивана и Валентины воздвигнуть на усадьбе Черемновых. Пристроить его к отцовскому жилью, сделав для молодых отдельный вход.

До весны вскладчину купили железнодорожные шпалы на сруб. Весною к дому Алексея Васильевича начали ставить новые стены. Планировка жилья была самой обычной: кухня, на которую с улицы вели бы небольшие сени, и горница.

Стройка – дело непростое – тянулась весну и всё лето. Мужская часть родни Черемновых и Галкиных все погожие вечера – и в рабочие дни, и в выходные – рубили дом. Чтобы выполнить задуманное, жильё самого Алексея Васильевича пришлось тоже переделать: перепланировать кухню, перестроить прихожую. Когда над срубом возвели потолок, и стало возможным работать на новостройке и в непогоду – начали обустраиваться изнутри.

К концу лета оба дома Черемновых – старый и новый – накрыли общей крышей. Осенью Иван и Валя справили новоселье и начали понемногу обживать. На окна Валентина повесила весёлые занавесочки, на одну из стен – гобелен.

Иван – золотые руки – из подсобного материала мастерил мебель. Недели не проходило, чтобы в новой хате не появилась очередная табуретка, лёгкая и удобная, или изящная полка на кухне. Он сам сделал настоящий кухонный стол, под столешницей расположил тумбу для посуды, выдвижные ящички для ложек, вилок, ножей и других столовых приборов. Соорудил уголок с умывальником и раковиной для мытья лица, рук и посуды.

На всю зиму новый дом превратился в мастерскую. За длинные зимние вечера Иван успел сделать буфет, комод и шифоньер. Особой семейной гордостью было красивое трюмо с огромным зеркалом, которое по спецпросьбе изготовил знакомый Ивана. Следующей зимой, когда маленький сынишка учился делать первые шаги, ему было за что ухватиться, когда он к радости родителей начал «обтопывать» домашнее пространство.

По примеру Василия Галкина и по его же рекомендации они приобрели большую красную радиолу. С тех пор в новом доме постоянно слышалась музыка, звучали новости Всесоюзного радио. Набожная Аксинья Тимофеевна ругала за это молодых, обещая им Божью кару за это легкомыслие, но Иван с женой старались не обращать внимания на материнский гнев.

25.

Чужие дети растут быстро, свои – медленнее...

В первый год жизни маленький Серёжа часто болел, был худеньким и слабым, поэтому Вале не хотелось отдать его в ясли с полугода, как разрешалось законом того времени. Хотя молодые родители прекрасно понимали, что без «казённого» воспитания ребёнка им никак не обойтись.

После страшной, опустошительной для страны войны едва минуло десять лет. Людей не хватало повсеместно, на производстве – особенно. Посему положенный от государства отпуск по уходу за новорожденным был коротким. Установленная Верховным Советом СССР общая продолжительность отпуска по беременности и родам едва достигала четырёх месяцев: 56 дней – до родов и столько же после рождения ребёнка. Правда, по желанию женщины, она имела ещё право на трёхмесячный неоплачиваемый отпуск по уходу за малышом до достижения им возраста одного года с выплатой за этот период небольших пособий по государственному социальному страхованию.

Однако Валентина до родов не работала и дня, поэтому пособие от государства молодой семье Черемновых не было положено.

Иван, перейдя с шахты на «Электромашину», трудился в столярном цехе. Заводская зарплата позволяла лишь кое-как сводить концы с концами. Конечно, по старой русской традиции помогали и родители.

Валентина всё оттягивала решение отдать сына в ясли. Но семейный бюджет требовал увеличения, а, значит, Валиного трудоустройства. И они с Иваном стали хлопотать об определении ребёнка в ясельную группу детского сада завода «Электромашина». Это детское учреждение расположилось в нижних этажах большого красивого многоквартирного дома с аркой, выросшего на улице Фасадной, в районе Тупика, недалеко от главной заводской проходной.

Серёже исполнился год с небольшим, когда его впервые привели в ясли на круглосуточное проживание. Домой мальчика забирали только на выходные. Зато у мамы появилась возможность трудиться, зарабатывать деньги.

Выпускница горного техникума с дипломом горного техника начала подбирать место работы. Ещё до родов было предложение – мастером на шахтовый участок открытых работ, который громко именовался «разрезом». А шахте «Маганак» звали воспитателем в детсад. Нет, не лежала душа!

По объявлению обратилась в геологическую контору, где требовался специалист. Там спросили: где работала? Какой имеется стаж? «Нигде. Только что техникум закончила, в декрете была», - честно ответила молодая мама. Не взяли. Сказали, что им некогда обучать молодёжь, что нужен готовый знаток дела.

На помощь пришла жена Евгения Таисья. «Никуда больше не ходи. Я у себя на шахте спрошу. У нас на вентиляции газомерщицы требуются», - пообещала сношеница Валентине.

В конце февраля 1957 года Валентина устроилась на самую крупную в стране шахту имени Сталина.

Приказ о Валином трудоустройстве подписал директор предприятия Александр Николаевич Гутов, который показался ей настоящим небожителем в красивой чёрной форме, украшенной золочёными атрибутами шахтёрского генерала.

Несколько месяцев она пробыла в должности газомерщицы на участке вентиляции и техники безопасности. Потом перевели мастером, а впоследствии она стала старшим мастером этого участка.

Работа была знакома по производственной практике – бесконечные проверки газовой атмосферы в забоях, наличие инертной пыли для пылеподавления, исправность огнетушителей... Например, у страшного метана, который неизменно сопровождает подземную добычу угля, нет ни цвета, ни запаха. Но как только его концентрация в забое превысит всего два процента – жди беды. Взрыв может прогреметь в любую секунду: от заискрившего электрокабеля, из-за неисправного двигателя, просто от удара металла о металл.

Каждый раз перед сменой, выдавая наряд, начальник участка как молитву повторял подчинённым: «Следите за концентрацией газа. Чуть превысил норму, не раздумывая, останавливайте работу. Если что, спрос будет с нас. Так что, берегите себя! И учите инструкции».

В свободное время Валя погружалась в шахтовые руководства и наставления. Изучала сложное подземное устройство шахты, которое представлялось огромным городом под землёй со своими проспектами – уклонами, улицами – квершлагами, переулками – штреками и штольнями. С огромными лифтами-клетями, опускающими и поднимающими людей и грузы по вертикальным стволам, которые заканчиваются в

подземелье ярко освещёнными рудничными дворами. С узкими отвесными печами и ходками с лестницами, по которым вверх и вниз снуют шахтёры.

«Газомерщик должен знать, - зубрила она, - наименование и расположение горных выработок, схемы их проветривания; расположение и назначение вентиляционных устройств шахты; состав рудничного воздуха и допускаемый процент содержания в нём различных газов и пыли; схемы газоулавливающей и отводящей систем; свойства метана, углекислоты, окиси углерода и других газов...»

Она давно и хорошо знала, что подземные взрывы, к сожалению, не раз приводили в Прокопьевске к гибели горняков. В том числе на её шахте 29 января 1938 года при включении неисправного электросверла случился взрыв метана, погибло 8 шахтеров. Первая вина за такие аварии всегда ложилась на инженерно-технический состав и на газомерщика, если, конечно, он оставался жив.

Поэтому, всякий раз уходя на работу, Валя мысленно прощалась с семьёй и молила Бога, чтобы вновь вернуться со смены домой.

Впрочем, было в этой работе и то, что привлекало молодого специалиста. Не умела выразить это словами, данное ощущение было, скорее, на подсознательном уровне. Элемент романтики, что ли...

Огромная шахта представлялась ей единым организмом, который жил, работал, благодаря людям, благодаря ей. Действовал слаженно и чётко, регулярно погружая в земное чрево людей и с такой же регулярностью выдавая на-гора результат их труда – чёрный, переливающийся при дневном свете серебристыми отблесками, коксующийся уголь, без которого не могла существовать металлургическая промышленность Новокузнецка и Урала.

Шахта Сталина поражала всех специалистов, кто бывал здесь, величием и красотой своих сооружений. «Шахта – гигант!», – с восхищением говорили о ней те, кто разбирается в тонкостях угольной отрасли.

Строительство шахты имени И.В. Сталина началось в 1929-м («Коксовой» она стала называться в 1961 году). Возводили предприятие с невероятными трудностями. Шахтостроителям не хватало опыта сооружения вертикальных шахт, недоставало оборудования, инструментов, проходческих механизмов. Не хватало стройматериалов – железа, цемента, кирпича, гвоздей.

Не доставало в СССР и специалистов. И тогда правительство приняло решение позвать спецов из-за рубежа. Стройплощадка сибирской шахты-гиганта привлекала внимание мировой общественности. Наряду с вчерашними русскими крестьянами сюда ехали трудиться не только казахи и буряты, татары и украинцы. Были и рабочие из Чехословакии, Франции, Голландии. В 1930 году к проходке клетьевого ствола привлекли инженеров и рабочих известной немецкой горнопроходческой фирмы «Дайльман».

25 декабря 1935 года шахта была принята в эксплуатацию с проектной мощностью 1,5 миллиона тонн угля в год. Она была оснащена новейшими механизмами и оборудованием, стала полигоном для испытания и внедрения передовой техники и технологии угледобычи из мощных крутопадающих пластов.

С первых дней вошла в список основных поставщиков коксующихся углей для металлургических заводов Урала и Сибири. Весь уголь шахты поступал металлургам Магнитки и Кузнецка.

В годы войны инженеры шахты первыми в стране внедрились щитовую систему отработки пластов с пневмо- и гидрозакладкой выработанного пространства. Авторами подземных «щитов» были инженеры Н.А. Чинакал и Н.И. Линденау. Метод позволил в 4-5 раз поднять производительность забоев на больших пластах крутого падения.

В 1950 году шахту реконструировали, увеличив проектную мощность до 3,25 миллиона тонн топлива в год. Но особая гордость коллектива – в 1956 году, к 20-летию официального пуска, предприятие наградили орденом Ленина.

Здесь работали тысячи горняков – мужиков молодых и не очень, молчаливых и острых на язык, холостых и женатых. Женщины в шахте тоже были, только в значительном меньшинстве. Многие горняки относились к ним снисходительно, посматривали свысока, подтрунивали и откровенно, не стесняясь, ехидничали.

Чтобы стать для них не только ещё одним из многочисленных начальников или специалистов-инженеров, но и «своим» человеком, слову и приказам которого доверяют, чтобы занять среди этих грубых мужчин авторитет, Вале надо было проявить всю свою волю, крепость духа, силу характера.

Прежде всего, надо было узнать шахту так, как знают её они, научиться думать, как они. Однако самое главное презрение, которое опытное шахтёрское племя выказывает новичку, связано с незнанием особого шахтёрского языка. Именно это незнание со всеми потрохами выдаёт «зелёного» новичка и даёт основание бывалым остроловам подкалывать его словесными «шпильками».

Первое время Валентина путалась в непривычных словах, горняки не раз похихатывали над ней. Но она быстро усвоила, что в шахте нет ни потолка, ни пола, зато есть «кровля» и «почва». Что фонарей здесь тоже нет, а есть светильники. Что каждая выработка имеет и своё название, и назначение.

А когда она, несмотря на настойчивую мольбу бригадиров: не останавливать работу забоя из-за каких-то десятых долей процента, превышающих метановую норму, и тем самым не лишать горняков и их семьи премиальных доходов, - «закрещивала» забой и требовала вывода людей в безопасную зону до полного проветривания выработки, её мало-помалу начали уважать. «Лучше сегодня живыми домой придите, - твёрдо осаживала она расшумевшихся мужиков. – Всех денег не заработаете...»

И от сплошных матюков, которые звучали в её адрес в первое время, мужики начали переходить к молчаливому подчинению.

Конечно, авторитет появился не сразу. Но она была настойчивой, упрямой и терпеливой. Хотя неприятности начались чуть ли не с первых дней работы.

В первые смены в шахте её сопровождала более опытная газомерщица: разбитная по виду женщина, - знакомила с подземным маршрутом, показывала расположение выработок и забоев, обучала забору проб воздуха. «Новенькая, - называла она Валентину. – И спецура у тебя новенькая», - говорила она, поглаживая подопечную по спине.

А дня через два, придя на работу, Валя не нашла ни своей спецодежды, ни новых резиновых сапог. Пересмотрела с дежурной уборщицей все шкафчики с одеждой в женской мойке – свою не нашла. Кое-как приодели её перед сменой, а после работы она снова перетряхнула всю мойку – «спец» как в воду канул. «Как же так, - чертыхалась раздосадованная Валентина. – Ведь в кармане куртки жетончик с личным номером, не перепутаешь!»

- Так, крадут у нас, - нащёптывала ей уборщица. – У кого что поновей, то и тянут... Вон про твою наставницу говорят...

Услышав это, Валя помчалась к начальнику участка вентиляции Елизарову, рассказала о своей беде, поделилась подозрениями.

- Ладно, угомонись, - успокоил её умудрённый опытом горняк. – С кем не бывает. Спец тебе новый выпишу, а сапоги придётся старые поносить. У нас новые сапоги на работе не держатся, шахтёрики их норовят домой утянуть, в своё хозяйство. А с твоей старшой я сам поговорю. Ты пока в это не лезь.

В следующую смену наставница зло глядела на Валентину, а когда спустились в шахту, не выдержала:

- Чего «накапала» на меня Елизару?! Да ты сама, поди, воровка! – и, обгоняя растерявшуюся подопечную, чуть не бегом ринулась вперёд по подземному деревянному настилу.

А через пару дней пропавшую спецодежду обнаружил кто-то в одном из закутков подземелья...

Постепенно померкли в памяти первые впечатления от спусков в шахту во время студенческой практики. С самоиронией вспоминала, как, увидев главный конвейерный уклон с металлическим арочным креплением, перетянутым от пола и до потолка бетонной затяжкой, где через каждые метров – яркие фонари, под ногами – деревянные трапы, где светло и просторно, сказала вслух: «Да чего ж тут страшного?» На что сопровождающий шахтёр усмехнулся:

– погоди, ещё увидишь нашу настоящую работу...

Теперь каждый раз, когда Валя опускалась в клетки под землю, ей казалось, что она каждой клеточкой тела ощущает многометровую гнетущую толщу планеты над собой, и хотела поскорее подняться на поверхность.

Шахта работала безостановочно, в три смены. Так же без остановки трудились в её подземном чреве люди. В угольные и в подготовительные забои на смену первому звену горняков спускалось второе, которое затем сменялось третьим. Потом снова наступал черёд первого.

График такой: три дня шахтёр трудится в первую смену, затем – выходной. После этого он три дня спускается под землю во вторую смену – и снова выходной, а там три дня в ночную смену – и опять выходной. И всё начинается сначала.

Больше всего Валентина не любила работать «в ночь». Ночная смена сильно выматывала. Особенно к утру, когда сознание притуплялось от усталости. Нередко горняки ночью засыпали на ходу, теряли бдительность. И не раз именно ночная смена становилась причиной аварий и травм.

Частенько перед выдачей наряда Валентине и коллегам рассказывали об очередном грубом нарушении подземных правил. Например, кому-то из рабочих лень было идти в шахте пешком: сел на конвейерную ленту, по которой выдают добытый уголь или подают в выработки необходимые грузы. По дороге задремал и прозевал место, где надо спрыгнуть на землю. Ударился о сужающийся потолок выработки, каска вместе с фонарём слетела, шнур фонаря намотался на конвейерный ролик, и человек остался без света. В полной темноте спрыгнул с конвейера неизвестно куда... В лучшем случае его семья останется с инвалидом на руках.

Слышать о подземных трагедиях и даже иногда видеть их воочию – страшно. От таких происшествий мурашки шли по коже.

Однако объём работы «в ночь» у Валентины бывал не меньше, чем в другие смены. И ночью приходилось проходить под землёй тот же десяток километров, что и днём, выбиваться из последних сил, чтобы проверить безопасность и оснащение забоя, взять пробы воздуха. Коренные прокопчане хорошо могут представить себе эти десять километров. Это – как если бы прошагать из центра города до посёлка Ясная Поляна и пешком вернуться назад.

И чего греха таить, научилась и она распределять силы на всю ночь, «подъезжать», если есть возможность, до нужного места на транспортёрной ленте или даже в грузовом вагоне. Главное, не терять бдительности, не заснуть. Ну, и фарт под землёй тоже очень важен.

И ещё. В шахте в огромных количествах водятся крысы. Замечено, что в дневные смены они ведут себя незаметнее, а по ночам наглеют, запросто лезут к людям. Если не боишься этих всепроникающих зверьков, – это одно, а трусишь перед мерзкими тварями – совсем другое.

Мороз проходил волнами по Валиной коже, когда в темноте внезапно сталкивалась с серым существом с длинным голым хвостом. Про крысу у шахтёра отдельный разговор. Бывалые горняки не раз говорили «инженерше»: ты их просто терпи, ведь бывает, они настрой поднимут, а бывает – испортят. Только выгнать их из шахты невозможно, так что, терпи, но и за «тормозком» следи, не то уведут, голодная останешься.

И она научилась терпеть крыс. Не раз, кстати, отмечала, что они – необычайно умные. Бывало, видела, как какая-нибудь прыгнет на работающую конвейерную ленту, проедет немного и спрыгнет, где ей надо...

Дома после тяжёлой работы ждала семья. Серёжа подрастал, в детском саду он считался шустрим, любознательным ребёнком. Иван весь день трудился в заводской столярке. Вечером у её «мужиков» всегда был хороший аппетит. Кроме того, каждый день надо было мыть, стирать, убирать. И огород даст урожай без постоянного ухода. Домашние заботы ждали горнячку после любой смены. Но после ночной, прежде чем что-то делать по дому, надо было хоть немного поспать.

Валентина забывалась коротким тревожным сном. Если было воскресенье, и вся семья находилась в сборе, – домашние передвигались на цыпочках и вели себя безмолвно, словно мыши. Сын с малолетства усвоил: «Тихо, мама спит после шахты...»

Когда у Вали и Ивана немного подрос второй сын Валера, он тоже уяснил главное семейное правило...

Валентина вновь почувствовала, что у них будет ребёнок, отработав в шахте почти четыре года. На этот раз беременность протекала так легко, что проблем не было. Она спокойно трудилась на предприятии до самого ухода в декрет. В консультации поставили срок родов – начало августа.

За несколько дней до рождения Валеры на шахте Сталина случилась страшная авария: в ночь на 28 июля 1960 года произошёл взрыв метана. Трагедия в буквальном смысле всколыхнула жителей Прокопьевска, ведь в страшном огне погибли пять горняков. Простится с ними пришли сотни людей.

Предприятие надолго замерло после взрыва и подземного пожара. Следствие возбудило уголовное дело. Директора шахты Аркадия Сергеевича Литвиненко на время расследования отстранили от должности. Месяцев через пять его вообще уволили, и кресло директора занял сначала Владимир Владимирович Вильчицкий. А потом, когда Валентина после декрета снова вышла на участок вентиляции, предприятие уже возглавлял Степан Степанович Зайцев.

На шахте долго ещё витал призрак большого несчастья. В выработках, где произошёл взрыв, работы не вели несколько лет, опасались новой катастрофы.

Время от времени Валя получала наряд в закрытые после аварии выработки. Она приходила сюда с тяжёлым сердцем. Кромешную темноту притихшего подземелья разрезал только луч фонарика на каске. Где-то мерно капала вода, с негромким шуршанием скатывался по стене камешек породы. Она пугалась этих звуков. Казалось, что где-то рядом ходит кто-то невидимый. Она то и дело светила фонарём направо и налево, но не видела ничего, кроме серых стен подземелья и уходящей во мрак выработки, кажущейся бесконечной.

Валя прикрывала глаза и хорошо представляла себе углепогрузочную машину, неисправный двигатель которой заискрился и привёл к взрыву. Будто воочию видела яркую вспышку, вал огня, разметавший тела горняков.

Одного из них она хорошо помнила: горный мастер со странной фамилией Мам. Этот вечно перепачканный угольной пылью человек крупного телосложения часто подтрунивал над тем, с какой тщательностью она выполняет свою работу, как серьёзно печётся об их безопасности.

Она воображала вздыбленные взрывом вагоны пассажирского состава, в котором к месту работы ехала новая смена горняков. Рассказывали, что именно эти вставшие «на попа» вагоны смогли уберечь многих находящихся в них людей, не подозревающих, что они движутся навстречу аварии.

Валя трясла головой, сбрасывая эти жуткие, прилипчивые видения, торопливо выливая воду из бутылки для проб атмосферного воздуха, плотно затыкала её пробкой и бегом покидала жуткое место...

После ЧП с работников участка ВТБ требовали тщательности и принципиальности в исполнении служебных обязанностей. Им назначили внеочередной экзамен на знание правил техники безопасности. Валентина каждую свободную минутку зубрила многочисленные инструкции по охране труда при работе в подземных сооружениях, а также бесчётные дополнения к ним, изучала системы управления промышленной безопасностью, наставления о поведении в шахте в случае аварии, вырабатывала навыки оказания первой помощи пострадавшим.

Экзамен она сдала хорошо. Только это не разрешило противоречий, с которыми газомерщице приходилось сталкиваться едва ли не каждую смену.

«Коксовая» (так называли теперь предприятие), как и большинство шахт Прокопьевского рудника, относилась к сверхкатегорийным по метану угледобывающим предприятиям, особо опасным по загазованности и внезапным выбросам угля, породы и газа. Газообильность выработок на выемочных участках здесь нередко превышала нормы. В таких случаях, если метана даже чуть больше установленной черты, действие может только одно – остановить работы, запретить нахождение людей в забое.

План проверки состава рудничного воздуха утверждает технический заместитель директора – главный инженер шахты. А план добычи угля «ратифицирует» заместитель директора шахты по производству. И нередко эти два документа, как и эти два руководителя, вступали в противоречие. Каждый день шахта должна давать стране «чёрное золото» – в этом главный смысл её существования. За это горнякам дают зарплату и премию. А если шахта простаивает – угля нет, нет и денег, шахтёры сидят на голом окладе. Вот и спорят между собой два руководителя. Один другого называет перестраховщиком, а тот второй огрызается в ответ, дескать, если мало вам аварий и судебных разбирательств, берите в случае чего всю ответственность на себя, подписывайте соответствующий приказ.

Эти споры выходили за рамки кабинетов, докатывались до забоев. Горнорабочие – проходчики и забойщики – не любили коллег с ВТБ, часто даже не скрывали этого.

На одном из подземных участков, как только Валентина появлялась здесь с проверкой, шахтёры переходили на сплошную матерщину. Причём, делали это открыто, явно рассчитывая смутить молодую «инженершу», чтобы «свернула» свою работу, поскорее удалась из забоя, не мешала «брать уголёк».

Особенно усердствовал звеньевой – пузатый мужичок с будёновскими усами и лысой, как выяснилось однажды при встрече на поверхности, головой, которая сидела прямо-таки на рыхлых покатых плечах, так как шея у него напрочь отсутствовала. Шахтёры звали его Игорёк-колобок. Он был болтлив, шумлив и несдержан.

При появлении Вали в забое Игорёк-колобок, несмотря на темноту, тут же приосанивался, скидывал рукавицы-верхонки, разглаживал грязными толстыми пальцами усы и начинал громко рассказывать мужикам очередной анекдот, «пересыпая» его отборным матом.

- Ха-ха-ха!.. – хохотал над своими скабрёзными шутками Игорёк. Шахтёры гоготали в ответ, хитро поглядывая на газомерщицу.

Но не на ту напали – Валентина не обращала внимания на хама, молча делала замеры так, как требовала инструкция, «закрещивая», если требовала газовая обстановка, забой или, иными словами, останавливала работу шахтёров, не смотря на их уговоры и ругань. А однажды осадила охальника неожиданным вопросом:

- Ты, дядя, во время похорон где хочешь быть – в ящике с красным плюшем или рядом с ним?

- Не понял?! – выпучил от неожиданности рыбы глаза Колобок. – Ты ета об чём? На что намекаешь?! – шахтёры прекратили смеяться и молча смотрели на Валентину.

- Сам знаешь, о чём я! - крикнула та. – Про абашевских вам говорю, чтоб не забыли! Да и я из-за ваших «наездов» в тюрьму не хочу! Семья у меня, дети! Так что будете делать то, что решу я...

После этого матерные анекдоты прекратились. Потому что смена, во время которой состоялся этот памятный разговор, была накануне нового 1963 года. Его приближение в Кузбассе было омрачено страшными подземными огненными авариями. 12 декабря 1962 года на новокузнецкой шахте «Абашевская-2» взорвался метан, погубив под землёй 27 человек. А через несколько дней – 25 декабря в Новокузнецке на шахте «Абашевская-1» произошла ещё одна трагедия: взрыв метана унёс жизни шести шахтёров.

К сожалению, случались крупные аварии в Кузбассе и после этого. За те годы, что Валя работала под землёй, коварный газ не раз взрывался на угледобывающих предприятиях. 4 января 1967 года на шахте «Чертинская-1» в городе Белово от взрыва погибли 16 человек. 25 мая 1972-го на прокопьевской шахте «Зиминка» взрыв метана унёс жизни пяти горноспасателей...

А сколько было мелких ЧП, в результате которых шахта «забирала» одного-двух горняков. Недаром, статистика этих трагедий вывела такую страшную закономерность: один миллион добытого в Кузбассе угля уносит жизнь одного горняка.

Эти страшные факты преследовали её на протяжении всей «подземной биографии». Поэтому не отпускал и постоянный страх перед горой, опасение перед ответственностью, которую несла на своих хрупких плечах, зарабатывая подземный стаж долгих 16 лет. За эти годы она привыкла жить с этой боязнью, научилась «загонять» её внутрь себя так глубоко, что порой казалось, будто её нет совсем. Но она была, время от времени цепко сжимая её изнутри.

Дома она ни о происшествиях особо не рассказывала – ни к чему домочадцам знать обо всех опасных ситуациях на работе. А завтра, как ни в чём не бывало, снова шла на смену.

Но бывали страшные случаи, утаить которые было невозможно. В тот день она была на больничном – разболелся маленький Валера. Именно тогда в ночную смену погибла газомерщица: лишилась жизни из-за элементарной халатности. Как выяснило расследование несчастного случая, погибшая поднималась пешком по скату – вертикальной выработке – с нижнего штрека на верхний. Шахтовые скаты предназначены для ссыпания вниз, на нижнюю выработку, добытого угля или отработанной породы. Но когда работы в нём не ведутся, горняки зачастую используют скаты, чтобы побыстрее добраться до нужного места. Поэтому, прежде

чем начать взрывные работы, во время которых куски отбитой массы посыплются вниз, положено у нижнего выхода в скат делать предупреждающий знак, чтобы избежать несчастия. В ту трагическую смену об этом позабыли. И женщину засыпало углем...

В 1972 году помощника начальника участка ВТБ Валентину Никаноровну «вывели», наконец, из шахты на поверхность – она стала работать в техотделе предприятия, где готовила проекты горных работ, пригодился практически весь багаж знаний шахтного устройства, изучение начертательной геометрии.

Ещё в 1957 году Совет Министров СССР принял решение о замене женского труда на тяжёлых подземных работах. Но окончательно женщин вывели из шахт гораздо позже. Да и то не всех. Если в 1958 году в Советском Союзе на поверхность вывели 405 тысяч женщин-шахтёров, то на 1 января 1960 года под землёй продолжали работать ещё более 20 тысяч горнячек. Правда, до начала «семидесятых» им всё ещё разрешалось работать под землёй – газомерщиками или машинистами подземного транспорта.

И за свои долгие «подземные» годы Валентина не допустила аварий – это чего-то да стоило! Ради интереса подсчитано, что она уходила под землю около пяти тысяч раз и столько же раз поднималась на поверхность.

Больше всего она ненавидела шахтовую мойку, из-за которой вначале пришлось отказаться от красивой косы, заменив её короткой причёской, чтобы легче мыть голову после выхода на-гора. А со временем мойка «истрепала» её густую шевелюру, превратила в невидную копну волос.

Всё это время она редко пользовалась косметикой. Потому что, сколько не намыливай в мойке лицо, не удалишь въевшуюся за смену мельчайшую шахтовую пыль вокруг глаз. Те, кто не ведал шахты, были уверены, что это – некий особый «форс», но большинство прокопчан знали, как даётся такая красота. А те, кто был не в курсе, как правило, были приезжими.

В День шахтёра, который на излёте лета всегда отмечали в семьях Черемновых и Галкиных, молодёжь любила за праздничным столом распевать новые песни. С начала 70-х Валентина самозабвенно выводила:

- Что ты знаешь о солнце,
Если в шахте ты не был,
Если солнце ты видишь с утра.
Иван подпевал ей тенорком:
- Только тот ценит солнце
И высокое небо,
Кто поднялся с зарей на-гора...

Конечно, у работы на шахте были свои преимущества.

Во-первых, в семье появился достаток. Шахтёрская зарплата в два-три раза превышала средний заработок в городе. Валентина получала около трёхсот рублей в месяц – по тем временам немало. А если шахта давала сверхплановый уголь, платили ещё и премию.

В шахтёрской семье всегда имелись в достатке хорошие продукты. Хотя любимым блюдом мальчишек была картошка, которую Валентина умела приготовить очень вкусно, пальчики оближешь, и, конечно, – её фирменные блинчики.

Во-вторых, страна имела специальные санатории и профилактории для шахтёров. И они с Иваном почти каждый год могли позволить себе побывать на курорте – на море или в горах, полечиться и отдохнуть.

На этот случай Валентина с Иваном дверь собственного дома закрывали на замок, а подрастающих сыновей оставляли у родителей. В период родительской «отлучки» дети больше любили жить на Буфере – у бабы Моти и деда Конура, как называли их мальчишки. Валины родители давали им больше свободы, чем отцовы – бабушка Сина и дед Алёха. Даже если поездка родителей на курорт выпадала в месяцы школьных будней, и пацанам было неблизко добираться с Буфера в школу на уроки.

Денег Вале и Ивану хватало и на то, чтобы иногда смотаться в Москву за дефицитными «тряпками»: за одеждой и обувью для себя и детей, за мебелью и посудой.

В-третьих, они купили мотоцикл. Это случилось в 1959-м. В светло-коричневого железного конька модели «Иж-56» с люлькой легко помещалась вся семья. И теперь они запросто могли выезжать летом на природу – в лес или на речку, на рыбалку или за грибами. Десяток лет этот мотоцикл служил верой и правдой – до тех пор, пока его не поменяли на более солидную технику.

...В техотделе шахты Валентина тоже трудилась 16 лет. В 1978-м она оформила пенсию: подземный стаж позволял сидеть дома. Однако не сиделось. Лишь в 1989 году, отработав на «Коксовой» в общей сложности 32 года, она вышла на заслуженный отдых.

26.

Все эти годы Ваня неизменно находился рядом с Валею.

Жили они в согласии, хотя семейные выюги время от времени затевали свою «круговерть». Но недаром говорят: милые бранятся – только тешатся. Иван был в семье «голова», ну, а Валя неизменно оставалась при этой голове истинной семейной «шеей», знала, куда и когда повернуть, и, главное, против такого расклада никто не возражал...

В столярном цехе «Электромашины» Иван трудился на совесть. Дерево и «деревяшки» с детства были его слабостью.

Он постоянно ладил что-нибудь новенькое для дома. Обустроив кухню, смастерил большой обеденный стол для горницы с круглой столешницей, с круглыми же, точёными на станке, основательными ножками. В комнате стоял диван ручной работы, в стык с ним красовалась тумбочка с красивыми полками, украшенными резным деревянным декором.

У Валентины утренняя смена в шахте начиналась с шести, у мужа на заводе – с восьми. Поэтому три времени года – до начала рабочего своего дня – Иван отводил Серёжу в детсад.

Когда сынишка был маленьким, он нёс его сонного на руках. Зимой они пробирались по тёмным улочкам: Набережной, Береговой. По узким, заваленным снегом тропинкам улицы Ленина шагали к Тупику, торопливо преодолевали железнодорожные пути Западно-Сибирской магистрали. И вот он – садик – в одном из самых красивых городских зданий, окружённый со всех сторон ровным чистым асфальтом, газонами и тополями. В дождливые дни весны и осени их дорога пролегалла по хляби, колеям, лужам и лужицам. Вечером весь этот путь они проделывали в обратном порядке. Зато короткое сибирское лето детсадовцы проводили на большой загородной даче.

Потом Сергей подрос и шагал самостоятельно. Отец протягивал ему указательный палец большой мозолистой рабочей руки в бесконечных порезах и ссадинах, и сын, крепко держась за эту опору, семенил рядом, подстраиваясь под широкий шаг взрослого.

Дорогу из садика мальчик любил больше. Отец частенько заворачивал в магазин, покупал себе папиросы, а малому – пряники, печенье или карамель-«подушечки», которые почему-то называл «Дунькиной радостью». И мальчишка, поспевая за отцом, радостно сжимал свободной рукой кулёчек из серой провощённой бумаги.

Серёжа был любознательным и всю дорогу задавал отцу свои бесконечные «почему?» Надо отдать должное, отец не отмахивался от порой непростых детских вопросов и не отбояривался отговорками, а, как мог, рассказывал об устройстве окружающего мироздания. Иван немало знал о природе – о птицах, деревьях, букашках и временах года, потому что в свободную минуту читал: в семье всегда были книги, выписывали журналы, центральные газеты и городскую «Шахтёрскую правду», в доме не умолкало радио. И Сергею родители постоянно покупали детские книжки с большими картинками.

...Младшему Валере шёл второй год. Он рано начал ходить, топая по полу косолапыми ножонками. И однажды старшие почувствовали, что в доме становится тесно, решили перестроить семейное жилище. Иван наметил расширить его так, чтобы получилась отдельная спальня для взрослых, кухня стала больше, и чтобы осталась площадь для небольшой детской комнаты.

В начале лета 1961 года он снова затеял большую стройку. Это вновь был семейный подряд, на помощь Ивану пришла мужская половина Черемновых и Галкиных: Алексей Васильевич, Анатолий и Евгений, а также Никанор Степанович, Василий, Виктор и Юрий. Мужики за два-три дня разобрали торцевую стену Иванова дома, потом собрали её на новом фундаменте, удлинив при этом боковые стены, перекрыли потолком «раздвинувшуюся» жилплощадь. Квартира увеличилась на десяток квадратных метров.

На всё про всё ушло недели две. Это время семья ютилась, можно сказать, без стен и дверей, заслоняясь от внешнего мира портьерами из старых простыней и одеял. Благо, стояла тёплая погода без осадков.

По вечерам Иван самостоятельно обустраивал обновлённое жильё: тесал топором, строгал рубанком, пилил ножовкой, стучал молотком. Чтобы было светло, и сумерки не мешали работе, на стене внутри пристройки он повесил большую электрическую лампочку, которая заливала всё вокруг нестерпимо ярким светом. Серёжа любил в эти вечерние часы крутиться возле отца или бегать от стены к стене, ликуя от огромного, казалось мальчику, нового пространства.

Вскоре отец разделил эти дополнительные «квадраты» перегородками, и дом стал удобнее и уютнее. В спальне взрослых поставили широкую кровать и шифоньер. В комнатку мальчишек вошли только две односпальных кровати, но радости детей не было предела.

Как-то Иван вычитал в газете, что прокопчане тоже будут смотреть телепередачи из Кемерова. Ещё весной 1958 года по радио сообщили, что в областном центре начали показывать регулярные программы, и те, у кого есть телевизор, могут теперь смотреть кино у себя дома, не отправляясь в кинотеатр. «Вот бы нам с с тобой, Валюха, телевизор!», - загорелся Иван.

Потом он услышал от мужиков на заводе, что кто-то из знакомых купил себе «телик» – недёшево, конечно, – в соседнем регионе, где выпускали телеприёмники, установил на крыше высоченную антенну и наслаждается «голубым» экраном. «Да ну, нафиг! Врёшь, поди?», - не поверил рассказчику Иван Алексеевич. «Вот те крест, каждый вечер смотри!», - неумело перекрестился тот.

Иван буквально заболел мыслью о домашнем кино.

- Да ну тебя! – отмахивалась Валентина от его идеи. – Дорого! Нам ещё надо столько всего купить в дом... – но вскоре и она заразилась телеперспективами.

Первый телевизор появился в семье Серёжиных родителей зимой 1961-го.

Они оставили ребятишек на попечение бабушек и в железнодорожном плацкартном вагоне съездили за покупкой в Красноярский край, в город Дивногорск. Здесь на заводе собирали телеприёмники. Небольшой пузатенький чёрно-белый «Енисей» стал в доме главным украшением.

Дети Черемновых с ранних лет начали смотреть передачи Кемеровского телевидения. Это превратилось в ежедневный ритуал, особенно в летние вечера. В шестом часу у Черемновых собиралась ребятня – мал мала меньше – с верхней части улицы Набережной и окрестных переулков. Всё крыльцо перед входом заставляли детские сандалии, тапочки и босоножки. А в доме стоял галдёж: ребятишки занимали все стулья и табуретки, диван, сидели на полу.

Отец включал телевизор минут за двадцать до начала трансляции, чтобы он мог прогреться. Вначале на экране шли помехи, и слышалось шипение. Потом на телеэкране появлялась таблица настройки, и раздавался пронзительный гудок, телевизор был готов к вечернему сеансу. В шесть вечера, затаив дыхание, все слушали тётю Таню – Татьяну Болотникову или тётю Галю – Галину Скударнову, которые озвучивали программу передач. И, чего греха таить, маленькие и большие зрители смотрели по чудесному «ящику» всё подряд. Вначале дикторы читали короткие новости. Детские программы начинались в седьмом часу: обязательно шёл мультфильм, за ним следовала передача типа «Веселый карандаш». Старшие Черемновы с умилением наблюдали, как детская аудитория увлечённо попевала телевизору:

- Все ребята меня ждут,

А я вот он, тут как тут.

Всем известный друг я ваш -

Ваш «Веселый карандаш»!

Позднее появилась передача «Спокойной ночи, малыши», где любимица детей и взрослых тетя Галя рассказывала малышам какую-нибудь сказку, а после просила их братья за краски и карандаши и присылать рисунки в телестудию.

В девять вечера начинался художественный фильм. К этому времени детей отправляли по домам. А на просмотр кино приходили, взрослые, немного смущённые, соседи. Как и дети, рассаживались, где могли. Серёже, как члену семьи телехозяев, частенько разрешали сидеть у экрана допоздна. Эти первые фильмы по телевизору в начале 1960-х забыть невозможно: «Нормандия-Неман», «Осторожно, бабушка», «Балтийское небо», «Девчата», «Человек идет за солнцем»; позднее – «Свадьба в Малиновке», «Сердце Бонивура».

Фильм заканчивался к одиннадцати вечера, а дальше – никаких передач: на экране снова возникали помехи, раздавалось шипение. Все расходились по домам. А мальчик долго не мог заснуть, снова и снова прокручивая в голове кинокадры.

Старшему сыну пришла пора идти в школу, и отец сработал для него настоящий письменный стол. Таких в магазине тех лет не продавали. Иван увидел его на фотографии кабинета какого-то начальника в журнале «Огонёк». Стол был красивым, компактным, однотумбовым. Столешницу отец туго обтянул тёмно-коричневым дерматином. Таких столов не было ни у одного Серёжиного одноклассника. И поэтому он не имел права плохо учиться.

Для своего «Ижа» Иван построил во дворе гараж, в котором выделил местечко для мастерской с основательным верстаком, отгородив её от мотоцикла дощатой стеной. Здесь были тиски, электронаждак, он же – точило или станок, как именовал его отец в зависимости от того, для чего его использовал. На стенах висели полки с многочисленными инструментами: шерхебелями, рубанками и шпунтубелями,

молотками и киянками, стамесками и долотами, топорами, коловоротами с набором свёрл, перками и струбцинами, клещами, плоскогубцами и гвоздодёрами, кусками наждачной бумаги. Были здесь линейки, рулетка, стояли большие консервные банки с гвоздями и шурупами, столярными карандашами и штангенциркулем, имелись уголок и транспортир, уровень и отвес.

На вбитых в стены больших гвоздях – до поры молчаливо – висели ножовки с крупными и мелкими зубьями, фуганок, двуручная пила. В углу на кирпичах стояла электрическая плитка с крупной витой спиралью, на которой покоилась жестяная банка с торчащими из неё тёмными пластинками столярного клея. Рядом выстроились бутылки и склянки с лаком и олифой. Все свободные углы занимали разной величины доски, бруски и чурбачки.

«Это помощники столяра и плотника, - с гордостью показывал отец сыну инструменты. - Без них нельзя обойтись в строительстве и ремонте, даже простой табуретки не сделать».

Здесь Иван строгал и пилил, клеил и олифил. В помещении всегда пахло деревом, лаком, клеем и металлом разогретых от работы ножовок и рубанков. Под ногами шуршали вороха стружек-завитков. Затаив дыхание, Сергей следил, как шершавый кривоватый брусок в умелых отцовских руках постепенно превращался в красивую витую ножку для журнального столика или в точную – до мельчайших деталей – копию немецкого пистолета «Вальтер», с которым мальчишка играл в войну с обзавидовавшимися пацанами.

Когда Серёжа подрос, отец часто ставил его к верстаку, для удобства под ноги ему подкладывал пару толстых брусков. Отец укладывал на верстак нестроганую доску и учил сына снимать верхний слой дерева «грубым» шерхебелем, который именовал «шершепком», потом показывал, как выравнивать поверхность рубанком. А чтобы доска стала идеально гладкой и шелковистой на ощупь, он снимал с гвоздя длинный тяжёлый фуганок, давал его сыну, сам вставал за его спиной и накрывал детские руки своими ладонями. Вместе они плавно, без нажима вели инструмент по дереву. Фуганок издавал длинный шипящий звук «ши-и-и-шик», отчего у мальчишки на коже выступали мурашки. «Учись, - говорил отец. – В жизни пригодится».

Сергей любил бывать в этом маленьком столярном царстве, вдыхать запах дерева, перебирать жёсткие завитки стружек. Иногда отец просил помочь в уборке мастерской – кажется, в эти минуты не было более счастливого человека во всём Прокопьевске.

Иван рассказывал сыну истории о деревьях, об их удивительных свойствах, которые помогают людям жить в деревне, о том, что и в городе, на стройках, заводах и в шахтах тоже не могут обойтись без древесины.

Отец поднимал с пола стружки и протягивал их сыну, чтобы тот уловил смоляной дух хвойного дерева, почувствовал разницу между запахом сосны или берёзы.

- Люблю работать с сосной, - растолковывал он Серёже. – А с кедром просто обожаю! Он мягкий, но и прочный, его легко обрабатывать. Вот, посмотри, - показывал он сыну светло-коричневую плашку. - Из неё можно выточить всё, что хочешь. Хочешь, склеивай её или лаком покрывай, она только красивей будет, - объяснял он. – А берёза слишком твёрдая, даже крошится на станке, понимаешь?

- Ага, - деловито кивал сын. – Из берёзы ты ничего не делаешь...

- А вот и нет, - хитро прищурился отец. – Если тебе, к примеру, нужны топорище для топора или ручка для молотка, лучше берёзы ничего не найдёшь. Тут она долго прослужит.

...Иван с удовольствием работал и в заводской столярке. Довольно скоро ему присвоили квалификацию столяра самого высокого, пятого, разряда. Добросовестного трудягу нередко поощряли к советским праздникам.

В его трудовой книжке есть интересная запись за 1960 год: переведён на семичасовой рабочий день.

В стране, которой правил Никита Хрущев, резко смягчилось трудовое право: с 1956 года вступил в действие закон о переходе на шестидневную рабочую неделю с одним выходным и с семичасовым рабочим днём. На практике переход занял 3-4 года. Кроме шестидневки страна получила новое смягчение – все предвыходные и предпраздничные дни были сокращены на два часа. В 1966 году к существующим всесоюзным праздникам добавили 8 марта и 9 мая, что сократило рабочий год до 1950 часов, то есть почти до размеров нынешней пятидневки.

А вот заработная плата на заводе росла медленно. Поэтому основным источником дохода в молодой семье Черемновых по-прежнему был шахтёрский заработок Валентины. Благодаря ему они сумели обновить семейный транспорт: вместо слабоватого «Ижа» Иван обзавёлся мощным мотоциклом К-750 с вместительной коляской для двоих, у которого был приемистый двухцилиндровый двигатель. Его мощности – около тридцати лошадиных сил – с лихвой хватало, чтобы запросто разогнаться до сотни километров в час.

А быструю езду на «железном коне» Иван тоже очень любил. И в выходные с удовольствием вывозил всю семью на природу. Подросший Серёжа занимал заднее сиденье мотоцикла, Валентина с Валерой путешествовали в коляске.

...На подрастающих детей требовалось увеличение семейных расходов. И ничего нельзя было противопоставить тому факту, что зарплата шахтёров в СССР стоит в верхних строчках самых высокооплачиваемых рабочих профессий – на заводе столько не получишь. Да и льготы у горняков приличные: десять лет подземного стажа давали мужчине право выходить на пенсию в пятьдесят лет. Иван и Валентина не раз судили и рядили об этом. И по всему выходило: чтобы увеличить бюджет семьи, надо Ване на шахту возвращаться.

Он вздыхал, долго раздумывал и наконец, решился на этот шаг. Осенью 1966-го рассчитался с завода и устроился на шахту «Коксовую». Прошёл там специальные курсы и стал подземным электрослесарем первого разряда на монтажном участке.

И началась у него другая жизнь – работа в три смены с выходным днём между ними.

За те двенадцать лет, которые Иван трудился в заводской столярке, в шахте мало что изменилось. К середине 60-х годов для угледобывающих подземных предприятий Прокопьевского рудника, где ценные коксующиеся марки «чёрного золота» залегают исключительно в мощных крутопадающих пластах, добычных комбайнов так и не изобрели. Попытки внедрить здесь известные советские или импортные комбайны результатов не дали.

В основном уголь из забоев «Коксовой» брали с помощью так называемой щитовой системы, изобретённой известным горным академиком Н.А. Чинакалом. Его щит – это передвижная деревянная крепь из нескольких соединённых в цепочку прямоугольных секций. Каждая секция – конструкция из брёвен, сложенных друг на друга в несколько рядов, как крыша военного блиндажа, и помещённых на металлический каркас.

Многотонные секции – одну за другой – горняки монтируют в горизонтальной выработке – штреке, который проходит вдоль «вскрытого» угольного пласта. Под каждой секцией в пласте делают вертикальные выработки – печи – шириной по размеру секции. Эти выработки уходят глубоко вниз до откаточного штрека.

Подземный электрослесарь Иван Черемнов узнал тонкости щитовой добычи за считанные недели. Сначала главной его задачей была одна: в смене все многочисленные механизмы – двигатели, конвейеры – должны исправно действовать.

Отбойка угля под щитом ведётся с использованием взрывчатки: мастер-взрывник в угольной тверди под секциями щита бурит отверстия-шпурсы, закладывает в них

аммонит. Потом все горняки уходят из забоя в безопасное место. Гремит взрыв, он основательно встряхивает щитовые секции. Отколовшиеся куски угля самотеком ссыпаются по печам в откаточный штрек, оттуда по конвейеру «чёрное золото» в конце концов попадает в вагонетки, потом клетью его поднимают на поверхность, на склад. А тяжёлый щит под собственным весом постепенно опускается всё ниже – вслед за освобождающимся от угля пространством.

Вкалывать в угольной шахте: в добычном или подготовительном забое, на подземном транспорте или на монтажном участке, - чрезвычайно тяжёлое, часто донельзя изнурительное, опаснейшее и порой совершенно непредсказуемое занятие. Тут больше нужна именно выносливость, а не просто грубая физическая сила. Иван не был хилым – в шахте, конечно, хилому не место. Он был скорее человеком со средними физическими данными, но с хорошей выносливостью, а со временем «поднакачался» на подземной работе, добросовестно справляясь с нарядями.

Впрочем, проявилась у Ивана и проблема. Чтобы рабочий хорошо трудился, он должен хорошо питаться. Но в шахте эта аксиома не работала. Если на заводе в обед Иван ходил в столовую, то под землёй-то никаких столовых нет. Во время смены нельзя уйти с рабочего места, категорически нельзя устроить перекур, и вообще весь короткий обеденный перерыв проходит под землей. Еду, называемую «тормозком», шахтёры берут с собой из дома, заворачивают её в старую газету и заталкивают в карман спецовки. Обычно в тормозок входит шмат колбасы или солёного сала, куски хлеба – до полбулки, луковица или зубчики чеснока – кто как любит, да фляга с водой.

А ведь у горняка, который уходит на смену, кроме спецовки, каски и высоких резиновых сапог есть ещё фонарь с увесистой аккумуляторной батареей и так называемый «самоспасатель» – дыхательный аппарат на случай экстренной эвакуации. Поэтому, как только он добирается до рабочего места, самоспасатель с себя снимает, флягу и тормозок тоже укладывает где-нибудь поблизости.

Но кроме горняков в постоянно шахте есть настоящие хозяева подземелий – крысы. И если люди лишь по сменам спускаются за «чёрным золотом» в чернильную темноту земных недр, то крысы, чувствуют себя там прекрасно. Подземелья – их дом. Смены горняков приходят и уходят, а юркие, умные грызуны постоянно тут живут и чувствуют себя прекрасно.

Многие шахтёры привыкли к крысам – ладят с ними, не обращают на них внимания, считают, главное – тормозок от них спрятать. Многие, только не Иван. Он всем своим нутром ненавидел проворных вездесущих обитателей шахты, до самого длинного тонкого голого хвоста покрытых рыжевато-бурой шерстью. Когда он видел, как в полосе света по выработке пробегает крыса, у него мурашки шли по коже от отвращения и брезгливости.

И хотя от старых опытных шахтёров он не раз слышал, что присутствие крыс свидетельствует о сравнительной безопасности забоя: животные умеют чувствовать надвигающуюся беду и массово покидают выработку перед аварией, – Ивана это не убеждало в пользу зверьков. Тем более что он не раз видел изгрызанную крысами электропроводку, из-за чего случались поломки и простои оборудования, не говоря уже о продранных ими карманах шахтёрских курток и украденных, как их не прячь, тормозках.

А однажды Иван в одиночестве сидел на штабеле из труб в откаточном штреке, прислонившись спиной к стене выработки, и, подсвечивая себе закреплённым на каске фонарём, с аппетитом уплетал большой бутерброд с докторской колбасой. Руки горняка были чёрными от угольной пыли, и чтобы не замарать еду, он держал её в газете, осторожно отгибал газетные края и откусывал освобождённый от бумаги бутербродный уголок.

Внезапно краем глаза он уловил какое-то движение у левого плеча. Иван перестал жевать, осторожно перевёл взгляд в эту сторону и похолодел от ужаса, увидев возле щеки крысиную голову: крыса не просто оперлась передними лапками о его плечо, она ещё нетерпеливо тянула свой острую мордочку к его бутерброду.

Иван вскрикнул, вскочил на ноги, выронив свёрток с едой, а зверёк кубарем скатился с него под ноги, кажется, коснувшись при этом своим мерзким хвостом подбородка. Его словно сильным разрядом тока тряхнуло – не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Только глаза зажмурил от страха и гадливости, а когда открыл их, увидел, как крыса, вцепившись в обёртку его тормозка, задом, рывками поволокла в его сторону небольшой кучи породы, высыпавшейся из стены выработки, и всё не спускала с Ивана злые точки-глазки, светящиеся в свете фонаря зелёным, пока не скрылась за камнями. Там тотчас же возникла драка: писк, звук разрываемой газеты, показалось, будто там вспархивали одна за другой мелкие птицы.

В голове Ивана мелькнула догадка: «Да вы, твари, все здесь!» Его вырвало и, шатаясь, он поплёлся в сторону вентиляционной струи воздуха...

С того дня Иван не мог есть тормозки. Валентина регулярно делала ему бутерброды, он брал их с собой, но не ел, а отдавал кому-нибудь из товарищей. Под землёй кусок не лез ему в горло, вместо обеда он только глотал воду из фляжки. За несколько недель Ваня зримо похудел, желудок прихватывало порой прямо на смене, и с каждым разом всё сильнее. Валя пичкала его таблетками – не помогало.

А однажды она поднялась на-гора со своей смены, ожидала возле мойки своего Ивана встретить: в этот день их смены совпали, - а вместо мужа её поджидал посланец из мужниной бригады. Сообщил, что у Ивана случился серьёзный приступ, и его прямо из шахты отвезли в шахтовую больницу, которая находилась недалеко от «Коксовой». Валентина помчалась туда и нашла его в большой шестиместной палате.

Муж лежал на узкой казённой кровати с посеревшим от боли лицом и морщился, рассказывая ей, как оказался в лечебном заведении. Провалился он в больнице недели три. Врачи сняли боль, обследовали желудок – оказалось язва, которая обострилась из-за неправильного питания.

Лечащая врачиха, выписывая его на работу, приговаривала:

- Кушать, кушать и ещё раз кушать нормально... Пусть поменьше, но почаще. Ещё водичку надо попить минеральную. Я вам рекомендую курорт Трускавец на Украине...

И стал Иван заставлять себя съедать в шахте тормозок. Мужики над ним подшучивали. Особенно старался в бригаде слесарей шахтёр-маломерок, у которого было прозвище Подбурок:

- Жалко нам, Ваня, мыша... всё-таки, живая душа... – заводил Подбурок.

- И после смены на-гора не выезжает, вся жизнь его в шахте... – подхватывал ещё кто-нибудь.

- Сидит бедняга в темноте, в пыли, нет у него ни каски со светильником, ни самоспасателя, ни робы...

- Только лапы, шерсть да хвост...

- Так что шахтёр крысу не ловит! Привыкай к ним, Ваня!

И Иван понемногу привык. И к страхам шахтовым привык. Этот психологический груз некоторые горняки в нерабочее время глушили алкоголем. Иван было попробовал, но, во-первых, желудок у него был слабоват, во-вторых, Валентина не одобряла развитие алкоголизма.

Бригадир слесарей, опытный шахтёр с чудной фамилией Макитра тоже не любил выпивох. «Ну их, Ваня, - говорил он Черемнову. - Пить – здоровью вредить! Я тебя

лучше научу молитве Господу о шахтерах. Она нас сильнее охраняет. Идёшь в шахту и говоришь про себя...»

Неверующий Иван, как умел, запоминал эти нехитрые слова:

- Господи Иисусе Христе, благослови благое дело рабов Твоих, трудящихся в недрах земных: в шахтах, разрезах, рудниках, тяжелым трудом уголь, руду во славу Отечества нашего и на пропитание своих семей добывающих... Огради от всяких видимых и невидимых врагов, от всяких бед, зол и несчастий: взрывов, обвалов, внезапной смерти...

В Трускавец он съездил: по льготной, почти бесплатной, путёвке. Вообще-то без Валентины он редко куда ездил, но в этот раз пришлось путешествовать одному. Он и не ожидал, что небольшой Трускавец в Львовской области на Западной Украине находится так далеко от Прокопьевска. Зато совсем рядом Польша, Чехословакия, и Венгрия.

«Горы кругом стоят, лесом поросли, - рассказывал Иван мужикам после отпуска. – А народ чудной. Вроде и наш, а вроде и нет... Вода лечебная, конечно. Ох, и попил я её!»

- А бабы? Бабы там какие? – нетерпеливо перебивал кто-то.

- Ну вас! – отмахивался Иван. – Откуда ж я знаю. Есть красивые, но наши лучше...

Со временем наряд-задания у Ивановой бригады сменились: на предприятии активно внедряли систему добычи угля с закладкой выработанного пространства, и он с другими слесарями обеспечивал бесперебойную работу трубопроводов, по которым в шахту поступала закладочная пульпа.

По-иному добывать «чёрное золото» на «Коксовой», расположенной в центральной части города, стало практически невозможно.

Первоначальный центр Прокопьевска строили на гигантских угольных массивах. Под фундаментами многих городских строений: драматического театра, красивых домов «под шпилем» на улице Фасадной, массивного здания объединения «Прокопьевскуголь» и многоэтажных домов в стиле сталинского ампира, даже «звонкие» рельсы проходящей через центр города Западно-Сибирской железной дороги, - начинаются, и круто уходят на большую глубину здоровенные пласты коксующегося топлива. Толщина этих каменноугольных стен-колоссов достигает четырнадцати метров. Нет места в мире, где была бы такая же сосредоточенность могучих каменноугольных залежей.

До сих пор трудно понять, почему, зная результаты подземной геологоразведки, не на Тыргане, а над этими залежами несколько десятилетий строили город? Строили даже тогда, когда уже вступила в строй шахта имени Сталина (она же «Коксовая-1» затем – «Коксовая»)...

Если из земных недр вынимать угольные залежи обычными способами, то опустевшие шахтные выработки со временем начинают рушиться и проседать под миллионнотонным давлением земной толщи. От этого на поверхности земли появляются провалы, постепенно они заполняются водой, зарастают кустарником. Жители угольных городов хорошо знают, что такое шахтовые обвалы – умершая, брошенная, непригодная для человека земля.

А тут, с одной стороны – городской центр с основательной застройкой, с другой – огромные запасы угля ценных, востребованных промышленностью марок, которые шахта готова выдать на-гора. Чтобы разрешить дилемму: и уголь добывать, и город сохранить,- придумали способ, как опустошать подземные кладовые, а образовавшуюся пустоту заполнять, дабы не допустить обрушений выработанного пространства.

Конечно, подземные слесари в 1960-х могли и не знать, что первые опыты по применению гидравлической закладки выработанного пространства в СССР проводили ещё в 1935 году – в Кузбассе, на той же шахте имени Сталина – накануне её сдачи в эксплуатацию. Результат получился хороший, но трудоёмкая система требовала дополнительных усилий, следовательно, лишних расходов. А страна нуждалась в дешёвом коксующемся угле, и испытания остановили.

Потом началась война. К промышленному освоению гидрозакладки на шахте Сталина вернулись в 1947-м. К этому времени такие системы угледобычи развивали шахтёры в Польше, Венгрии, Китае, Франции и ряде других стран...

В общем, во второй половине 1960 годов Иван с другими слесарями помогал забойщикам «Коксовой» брать уголь из недр и не рушить нормальную жизнь города.

Гидрозакладку готовили из измельчённой породы смешанной с водой. Эта полужидкая смесь-пульпа по трубопроводам поступала в отработанное пространство. Слесари монтировали под землёй трубы, следили, чтобы пульпа не забивала трубопровод.

Однажды при монтаже пульпопровода горняки обронили в углеспускной скат кусок трубы. Находившийся в это время в скате, Иван зазевался, не успел увернуться от упавшей железяки, которая сломала ему лучевую кость левой руки.

Товарищи кое-как помыли одуревшего от боли Ивана, помогли ему одеться и доставили в травмпольницу, что за железнодорожным вокзалом. Здесь его и нашла Валентина. Он сидел в коридоре, возле перевязочной, притихший, с ввалившимися глазами и осторожно «баякал» загипсованную, перемотанную бинтами руку...

Он смог работать в шахте лишь через несколько месяцев.

27.

Как бы там ни было, а семья Черемновых год от года жила всё лучше. Зарплаты горняков росли, особенно заметно в начале 70-х. Раз в год к их услугам были курорты Кавказа, Краснодарского края и Кузбасса. Проблему дефицита шахтёры решали просто: хотелось красивой, модной одежды – ехали в Москву, за современной мебелью – в Белоруссию, Ленинград. Кстати, вместо самодельных шкафов, столов и шифоньеров пошла мода на фабричную мебель. В прокопьевские магазины в те годы всё чаще завозили бытовую технику. Поэтому особых проблем с покупкой холодильника, телевизора или стиральной машинкой не было. Знаменитые пылесосы «Буря» вообще выпускали на заводе «Электромашина». А продуктами шахтёрские города страна снабжала так щедро, что по выходным в Кузбасс «за колбасой» приезжали из соседних регионов.

Как говорится, были бы деньги. А они у работающих, непьющих горняков всегда водились. Ведь те, чья работа была связана с риском для здоровья, в СССР получали хорошие зарплаты. Конечная сумма складывалась из таких показателей, как норма выработки, стаж, добросовестность, дисциплина. Например, горнорабочий высокого разряда мог получать до 1000 советских рублей в месяц, в переводе на валюту США по курсу того времени это равнялось примерно 1600-1700 долларам.

Подземный электрослесарь Иван Черемнов имел уже четвёртый разряд, нарушений не допускал, как и прогулов. Каждый год к Дню шахтёра ему вручали почётные грамоты, премии и памятные подарки, объявляли благодарности за добросовестный труд, за рационализаторские предложения. Поэтому и доходы у семьи были хорошие. К тому же Валентина умело умножала семейные капиталы, накапливая их с помощью Сбербанка...

Поэтому, когда в Прокопьевске появляется мода на автомобили, семейный бюджет Черемновых к этому готов. Кстати, младший брат Ивана Евгений ещё в 60-е приобрёл для своей семьи «Москвич-403».

Между прочим, первая машина, которая появилась на улице Набережной, была ЗАЗ-965 «Запорожец», прозванный в народе «горбатым». Когда микролитражка, тарыхтя двухтактным двигателем, проезжала по улице, ребяшня буквально визжала от радости. А если хозяин разрешал залезть в салон, чтобы прокатиться, в авто набивалось чуть не десяток пацанов. И это был настоящий детский праздник.

Но «Запорожец» уже не был пределом мечтаний. В 1968 году в свет вышло постановление правительства о создании «народного автомобиля», которым должны были стать «Жигули» – обрусевший итальянский «Fiat-124». Вскоре первые машины начали сходить с заводского конвейера в Тольятти.

И когда первые «Жигули» появились на дорогах Прокопьевска, Иван буквально «заболел» желанием пересесть с мотоцикла на автомобиль.

В стране желающих купить эту машину было так много, что новый автомобиль сразу стал дефицитом. Не смотря на то, что Волжский автозавод производил их сотнями тысяч в год, в свободной продаже машин не было. Например, по данным Госкомстата, в 1970 году в Кемеровской области на 1 тысячу жителей приходилось всего 6,7 автомобиля, в Новосибирской этот показатель составлял – 5,6, Москве – 14,3.

В Кузбассе высокий спрос на легковушки объяснялся доходами горняков. Тут же возникли очереди, в которых приходилось стоять годами. Поэтому изобрели формулу: «Жигули» без очереди – для передовиков производства и ударников коммунистического труда. Казалось бы, Иван подходил по всем статьям. Но «ударников» на передовой шахте было немало, из них снова образовалась очередь, в которой Иван и оказался.

Однажды начальник участка техники безопасности перед нарядом объявил газомерщикам: «Тут у нас очередник отказался покупать «Запорожец». Может, кто желает, мужики? Да и вы, женщины, подумайте. Вот талон на покупку...» Все отмахнулись: ну, что за машина! – а Валентина обрадовалась, забрала талон. Вечером за семейным ужином похвалилась своим домашним: вот вам машина!

Однако ни Иван, ни Валера, который был уже в седьмом классе (Сергей учился в университете в Кемерове), к её удивлению, радости с ней не разделили.

- «Запорожец»? – разочарованно переспросил Иван.

- Да это же не машина, это тот же мотоцикл, только с крышей, - сострил младший сын.

- А я-то обрадовалась! - раздосадовано сокрушалась Валя. – Думала, наконец-то будем с машиной. Может, возьмём? - но мужчины доходчиво объяснили ей разницу между «Запорожцем» и настоящим автомобилем.

Однажды Иван пошёл к бригадиру:

- Помоги взять «Жигули»! Во сне вижу себя за рулём, есть нормально не могу...

- Вань, я-то – «за»! – похлопал его по плечу бригадир. – Ты у нас работяга, каких поискать. Но, поверь, не всё от меня зависит... Давай пойдём к начальнику участка.

Тот произнёс примерно тоже:

- Иван Алексеевич, ты достоин машины больше других. Но не всё решаю я... Надо к парторгу сходить.

Парторг на шахте – фигура значительная. Поэтому он не сразу ответил на вопросы маленькой делегации. Подумав, спросил у горняка:

- Партийный?

- Нет... – смутился Иван.

- Почему? Не разделяешь идеи нашей коммунистической партии? – нахмурился парторг.

- Как-то не задумывался об этом, - пожал плечами Черемнов.

- В общем, так, Иван, - строго заключил парторг. – Предлагаю тебе написать заявление в партию. Мы его рассмотрим, думаю, примем тебя кандидатом в члены КПСС. Партии нужны хорошие рабочие!

- А потом? – с надеждой в голосе спросил Иван.

- А потом будем решать вопрос с машиной...

Черемновы купили «Жигули» в 1975-м. И даже не «копейку», а покруче: ВАЗ-2103. Ставшему кандидатом в члены партии, Ивану досталась серьёзная «троечка» болотного цвета, стоимостью около шести тысяч рублей. Авто мечты!

Гараж, опустевший после проданного мотоцикла, перестроили под нового «железного коня», которого любили, холили и лелеяли. Для своего времени это было очень комфортное авто. Теперь семья могла чаще ездить на природу или по городу, по магазинам в любую погоду: ветер и дождь, пыль и грязь стали нипочём. Полюбили путешествия в соседние города, в Кемерово – проведать сына-студента.

Машину берегли и лелеяли. При каждом удобном случае мыли, шлифовали все её «синяки» и царапины – как без этого?! Автомобиль всегда имел ухоженный, щеголеватый вид. Между прочим, за десятилетие эксплуатации он ни разу не подвел хозяина.

28.

К 1976 году у Ивана был необходимый подземный стаж, который, в соответствии с пенсионным законодательством СССР, позволял ему выйти на заслуженный отдых по достижению пятидесятилетия. И он решил уволиться с опасной подземной работы: ушёл с «Коксовой», отработав под землёй Прокопьевска 12 лет, 9 месяцев и 14 дней.

А битва за «чёрное золото» на угольном фронте продолжала свою страшную жатву. 29 сентября 1976 года взрыв метана на «Коксовой» унёс жизни сразу семи подземных рабочих. Получив ужасающую весть, Иван выпил с соседями по улице за упокой душ безвременно ушедших. «Как на войне, только не стреляют», - удручённо вздыхал он.

Он вовсе не собирался сидеть дома, сразу же устроился газосварщиком в шахтостроительное управление № 2. Управление занималось строительством, модернизацией и реконструкцией угледобывающих предприятий Прокопьевска, специализировалось на возведении объектов на поверхности шахт. Новый коллектив славился качеством работы. А у Ивана Черемнова руки росли откуда надо, про такие руки в народе говорили, что они «золотые». Поэтому он быстро приобрёл авторитет среди строителей, став сварщиком высшего разряда.

Город оставался «угольной жемчужиной» Кузбасса, и спрос на шахтостроителей был высок.

На шахте любой объект строили, используя металлоконструкции. «Сложить» их вместе просто невозможно без сварки. Это основной процесс, позволяющий соединять металлические детали между собой. Ивану часто приходится трудиться на большущей высоте, работать в сложных погодных условиях, придавать телу самые сложные положения, чтобы создать надёжные герметичные швы. Далекое не все могут с этим справиться. Иван – мог.

- Надо, Ваня! - ставил ему задачу бригадир. – Справишься?

- Сделаем, - кивал в ответ Иван. – Раз надо, сделаем. Кала-бала! - улыбаясь, вставлял услышанную где-то полюбившуюся фразу.

Вряд ли он знал, что выражение «халам-балам» на древнем татарском языке означало «детские дела», ну, или «детские шалости».

Его швы выдерживали любую проверку, поражали аккуратностью и качеством даже выдавших виды специалистов. Работы для него хватало в любое время года. Шахтостроители трудились и в изнуряющую летнюю жару, и в крепкие сибирские морозы. От работы «на свежем воздухе» летом Иван становился загорелым до черноты, зимой же частенько приходил домой с обмороженными щеками и носом.

А когда Иван освоил вторую специальность, его востребованность выросла ещё. Он участвовал в строительстве скиповых, вентиляционных и клетьевых стволов на разных шахтах города. Строил бункер-накопитель на шахте имени Дзержинского, который возвысился над шахтовым посёлком высоченной громадой округлого железобетонного резервуара, к нему протянули галерею углеподачи, смонтировали конвейер, трубопровод и необходимое электрооборудование. Мощности нового сооружения позволили отгружать с шахты на обогатительные фабрики по несколько десятков железнодорожных вагонов угля каждые сутки.

Иван Черемнов строил новые административно-бытовые комбинаты для шахт имени Дзержинского и «Зенковская». На этих предприятиях шла полномасштабная реконструкция, давшая им вторую жизнь, позволила увеличить их мощности, улучшить условия работы горняков. Ведь стране по-прежнему требовалось много угля.

Между прочим, его коллеги часто замечали, как между делом монтажник Черемнов насвистывал мелодию или бодро напевал:

- Не кочегары мы, не плотники,

Но сожалений горьких нет,

А мы монтажники – высотники,

И с высоты вам шлём привет...

Именно в эти годы Кемеровская область, в том числе Прокопьевск, имели наиболее высокие послевоенные темпы социального развития, особенно заметные в жилищном строительстве.

В период с 1946-го по 1950-й годы в городах Кузбасса построили более 780 тысяч квадратных метров частных домов. Больше всего индивидуального жилья возвели тогда в Сталинске и Прокопьевске.

Правительство целенаправленно помогало людям улучшать свои жилищные условия, поскольку многие семьи ещё ютились во временках, общежитиях, бараках, подвалах. Им давали льготные ссуды, бесплатно предлагали типовые проекты, увеличивали производство строительных товаров.

Но в руководстве СССР хорошо понимали – этого мало, и параллельно с частным жильём надо возводить недорогие многоквартирные дома, иначе «квартирную проблему» страны не решить. И 31 июля 1957 года ЦК КПСС и Совет Министров Союза приняли постановление «О развитии жилищного строительства в СССР».

Панельные пятиэтажки, прозванные «хрущёвками», начали расти в городах, как грибы. К середине 70-х в Кузбассе возводили более миллиона квадратных метров жилья в год. Например, по данным службы государственной статистики по Кемеровской области в 1975 году в регионе ввели миллион 134 тысячи квадратных метров жилья всех типов.

Однако очереди нуждающихся всё равно двигались медленно. Требовалось ещё больше квартир. Поэтому к делу привлекали всё новые мощности строительной отрасли. Коллектив ШСУ № 2 тоже привлекли к сооружению домов, справедливо посчитав, что возводить жилые дома – не сложнее, чем строить шахты. Тем более,

если эти квартиры в основном будут для своих же работяг. Под застройку управлению отвели площадку в посёлке шахты «Маганак». Выбрали нехитрый проект 36-квартирных кирпичных трёхэтажек. И дело пошло: на бывшем пустыре начала расти улица имени Грибоедова, где семьи шахтостроителей справляли новоселья.

- А ты, Иван, чего не подаёшь заявление на квартиру? – спрашивали у монтажника Черемнова.

- Так у меня же дом, - отмахивался поначалу Иван.

- Смотри, к пенсии дело идёт, жизнь меняется, - говорили знающие люди. – С годами держать хозяйство будет трудней. Да и сыновья у тебя выросли. Женятся – им крыша над головой нужна.

Жизнь, действительно, менялась, не всегда радуя.

В марте 1974 года ушла в мир иной Акулина Тимофеевна. Причиной стал тяжёлый обморок, который произошёл с ней точно так, как на свадьбе. В этот раз он случился с ней в жарко натопленной бане. Потеряв сознание, Акулина упала на горячие камни открытой каменки, получила тяжёлые ожоги.

После её кончины Алексей Васильевич вдовствовал недолго – женился на дальней родственнице из Лучшева, громкоголосой приземистой женщине по имени Татьяна, которая на горе Валентине, начала «качать права»: претендовать на огород и прочее их общее с родителями хозяйство в виде бани, углярки и прочих хозяйственных построек. Было ясно: существовать под одной с ней крышей сложно, а в случае ухода Алексей Васильевича станет и вовсе невозможно, что в дальнейшем и подтвердилось...

Следом за Акулиной, летом 1974 года, не стало Никанора Степановича. Он долго болел: цирроз протекал тяжело. Никанор мало ел, худел, много лежал на кровати в своей кухне. Матрёна сильно горевала, плакала навзрыд, когда прощалась с мужем. Сыновья и дочь, как могли, поддерживали мать...

Бытие не стояло на месте. В мае 1977 года старший сын Ивана Сергей женился. Он завершал учёбу в университете и собирался вернуться из Кемерово в Прокопьевск, работать в местной газете. И Иван с Валентиной решили отдать дом «старшему», самим перейти в «казённую» квартиру, построенную ШСУ № 2. Новоселье они справили в начале 1978-го.

...Прокопьевск конца 70-х – начала 80-х годов был хорошо известен в стране не только своими шахтами, но и именитыми шахтёрами – Героями Социалистического Труда.

В их числе – бригадир проходчиков Павел Яковлевич Болотин с шахты имени Калинина, он впервые в Кузбассе освоил комплексную скоростную подготовку угольных полей к выемке; бригадир проходчиков шахты «Зиминка» Капитон Яковлевич Ворошилов – мастер скоростного прохождения выработок; бригадир проходчиков шахты «Центральная» Юрий Борисович Дунаев был депутатом Верховного Совета СССР трех созывов, делегатом съезда КПСС; Шайх Зайнутдинов, начальник участка шахты имени Дзержинского – единственный в Кузбассе Герой Соцтруда, награждённый тремя орденами Ленина.

Это далеко не полный список. Такого длинного списка героев труда не имел ни один из угольных городов страны. Даже Донецк, даже Горловка – город-побратим Прокопьевска, с которым прокопчане вели активное соревнование.

Иван Черемнов почётного звания не имел, тем не менее, везде трудился добросовестно и уважал себя за это. В январе 1983-го он отпраздновал мужской «полтинник» и оформил пенсию горняка-подземщика. Однако, как и большинство

шахтёров-работяг, продолжил трудовую деятельность, правда, перешёл в механический цех ШСУ № 2, став слесарем высшего разряда и широкого профиля.

Вместе с Иваном в мехцехе слесарили ещё два молодых парня. Они без умолку болтали меж собой, через каждые полчаса выкуривали по сигарете. Иван в молодости тоже увлекался куревом. Да что там, первую свою самокрутку он свернул в пять лет втайне от отца. И лет сорок грешил употреблением никотина. Бросил это негодное и без сомнения вредное для здоровья дело ровно в тот день, когда купил машину. С тех пор невзлюбил курильщиков, особенно, тех, кто явно злоупотребляет табаком во вред работе. Его коллеги злоупотребляли так явно, что Иван стал их выпроваживать курить на улицу.

- Ну, Иван Алексеевич! – возмущались парни. – Там же холодно! (или жарко, в зависимости от времени года)...

- Никаких! – обрывал Иван и указывал на входные ворота.

Всю смену, прерываясь только на короткий обед, Черемнов пахал, как вол. Он разбираал узлы агрегатов, ремонтировал их и снова собирал, чинил различные приспособления, которые шахтостроители применяли на стройплощадках.

Если надо, вставал к токарному станку, подгоняя или создавая на основе чертежей нужную деталь, или включал сварочный аппарат и надевал маску сварщика. Начальство хорошо знало, что Иван ни на микрон не отступит от требований к допускам и классам точности деталей.

Не отлынивал и от тяжёлой физической работы, без которой не обойтись, постоянно сталкиваясь с тяжелыми запчастями и механизмами, не жалел для дела сил.

- Алексеич! – частенько подходили к нему то бригадир, то мастер, иногда и сам начальник цеха. – На тебя и родина смотрит, и всё наше ШСУ. У мужиков план горит. Надо сделать хорошо и быстро...

- Ага, - улыбался в ответ Иван. - Кала-бала!

...В марте 1985 года руль громадной машины под названием СССР взял в руки генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачёв. После этого в стране, которая жила спокойно и размеренно, бытие начало быстро меняться.

Уже в апреле Горбачёв выдвинул лозунг «ускорения», обещая за короткий срок резко поднять промышленность и благосостояние народа. В мае объявил антиалкогольную кампанию. Через год говорливый Михаил Сергеевич впервые произнёс слово «перестройка», подхваченное журналистами. Слово стало лозунгом новой эпохи СССР.

Эта «эпоха» стала яркой, очень короткой и противоречивой. Кто бы мог тогда подумать, что начался закат Советского Союза...

Но сначала власти официально провозгласили гласность. Любившему читать газеты, Ивану стало интересно открывать вечером свежий номер «Правды», «Известий» или «Труда»: там публиковали такие факты, которые раньше партийная цензура и близко прессе не позволяла.

Энергичный генсек не сходил с телеэкрана. Много ездил по стране, встречался с простыми людьми, импровизировал, выступая с телеобращениями к населению. После строгого, скупого на слова, скорее даже хмурого руководства страны Горбачёв многим казался спасителем огромного, застоявшегося государства.

В сентябре 1988-го во время поездки в Норильск Михаил Сергеевич в разговоре с жителями города заявил: «Не бойтесь начальников, которые боятся перестройки! Давайте бороться с ними вместе! Вы их – снизу, а мы – сверху!»

Но многое шло не так, как обещали Горбачёв и телевизор. Противоречий в действиях новой власти было хоть отбавляй. Например, в первой половине 1986 года объявили

усиление битвы с нетрудовыми доходами обывателей, на местах нешуточную войну против подработок учителей-репетиторов, бабулек-продавцов цветов и морковки с личного подворья, частников-шофёров, прирабатывающих извозом. Борьба развернулась нешуточная...

Однако уже во второй половине года издали Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности»: разрешалась «общественно полезная деятельность граждан по производству товаров и оказанию платных услуг, не связанная с их трудовыми отношениями с государственными, кооперативными, другими общественными предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами, а также с внутриколхозными трудовыми отношениями». Закон закрепил право людей на частное предпринимательство в мелких формах, ввёл первые элементы рыночной экономики в СССР.

Страна металась между противоречиями. То ли от нерешительности руководства, то ли от непонимания требований «верховного» или их бойкота на местах, всё шло «не так».

Кампания за ускорение привела к ускоренному выбыванию производственных мощностей, обрушению производства. Битва со спиртными напитками резко повысила цены на них. Массово стали вырубать виноградники, из-за повального самогонарения сахар в магазинах стал дефицитом. Из-за политики «перестройки» страна так «двинулась» к рыночной экономике, свободным выборам и уничтожению монополии КПСС, что буквально затрещала по швам. Масла в огонь подливали национальные конфликты, сепаратистские желания советских республик, война в Афганистане.

Иван с работягами до хрипоты судили и рядили о происходящем. У мужиков головы «пухли» от непонимания того, что творилось в стране. Мозг обывателей буквально закипал от стремительных перемен. Восхищение генсеком быстро сменилось на критику действий руководства Союза.

Вторая в мире экономика серьёзно засбоила. К концу 80-х из-за повального дефицита на продукты, впервые после войны, начали вводить продовольственные талоны и карточки. Любой более-менее качественный товар сметали с полок магазинов в считанные часы.

В шахтёрских буфетах Прокопьевска во все годы была колбаса. В Кузбассе за этим правилом строго следили. Даже в самые нелёгкие времена Валентина нет-нет да и приносила домой с работы шахтёрское «лакомство». Однако и этот ручеёк начал «пересыхать», что тоже было серьёзным сигналом огромных проблем – в стране разрастался серьёзный кризис.

Если в СССР госбюджет зависел от доходов нефтегазовой отрасли – страна давно подседала на «нефтяную иглу», то экономика и бюджет Кузбасса – это шахты, уголь и доходы от него.

Рост добычи угля в СССР закончился в 1988 году, достигнув максимального за всю историю страны годового уровня: 771,8 миллиона тонн. А каждая третья тонна России – из Кузбасса.

Развитие угольной отрасли в конце 80-х годов замедлилось. В Кузбассе «угольная игла» обломилась, прежде всего, из-за большого числа старых шахт. Новых производственных мощностей к этому времени практически не строили.

Средняя глубина шахт Кузнецкого бассейна приближалась к 300 метрам. Вместе с ней возрастало давление пород, что увеличивало вероятность горных ударов, внезапных выбросов угля и газа, обрушения выработок. Повышалась себестоимость добычи, на мировом рынке советский уголь терял конкурентность.

Первыми почувствовали на себе кризис шахтостроители – им стало нечего строить. В ШСУ № 2 начались сокращения. Одним из первых попал под сокращение Иван Черемнов. Когда в январе 1989 года бригадир объявил об этом слесарю, тот оторопел от неожиданности, не поверил:

- А кто ж работать будет? – испуганно и торопливо спрашивал он. – Кто мужикам будет помогать? Эти бездельники?! Мехцех же встанет...

- Да, оно конечно, Ваня... – прятал бригадир глаза. – Но ты же понимаешь, они-то – молодые. Им жить надо, семьи кормить. А ты пенсию уже заработал. Её не отнимут, гарантия. Потом, как только у нас станет получше, мы тебя опять позовём. А пока – отдыхай, Алексеич...

- Да пошли вы! – психанул Иван и в сердцах зашвырнул под верстак свои верхонки...

В результате к своим 56 годам он заработал 39 лет и шесть месяцев трудового стажа.

«Да пошли вы!» – спустя полгода криками отвечали на главной площади Прокопьевска бастующие шахтёры ораторам из высоких чиновничьих кабинетов, которые уговаривали горняков вернуться в забои и продолжить добычу угля.

Начавшаяся в июле 1989-го мощная забастовка остановила шахты Кузбасса, перекинулась на предприятия отрасли в других регионах. Во многом благодаря шахтёрам Кемеровской области стране под названием Советский Союз оставалось существовать совсем недолго.

Как бы там ни было, а по традиции в День шахтёра в последнее воскресенье августа 1989 года Черемновы и Галкины вновь собрались вместе. За семейным столом сидели Матрёна Ермолаевна Галкина, Виктор Галкин со своей женой, Юрий Галкин, Валентина и Иван Черемновы и их младший сын Валерий

Когда выпили за шахтёров и за тех, кого не стало, и хорошо закусили, поговорили о работе и семейных делах, кто-то предложил спеть. Матрёна будто ждала этого: «Мамину!», - прошептала она, и испещрённое морщинками лицо 85-летней женщины засветилось тихой радостью.

Она начала:

- Сранила-а калечка са правой руки...», - её глаза сразу же наполнились влагой и сами собой потекли слёзы.

Все подхватили:

- Заби-и-и-ла-ась сердечко а ми-и-и-лам дружке...

В этот день не было вместе с Иваном и Валентиной их старшего сына Сергея – он с семьёй жил и работал в Кемерове. Не было за столом с родными и Василия Галкина с Фаиной, их сына Виктора и дочери Ольги. К этому времени все они тоже уехали из Прокопьевска.

29.

Витя Галкин-младший – сын Василия, перешагнувшего к тому времени тридцатилетие, и Фаины родился в июле 1956 года. После свадьбы они семь лет прожили в ожидания ребёнка. Обращались к самым разным – надо признать, довольно скромным – достижениям советской медицины 50-х годов в решении этой проблемы и возможностям народных средств. По большим православным праздникам Фая тайком от мужа ездила помолиться в небольшой Покровской церквушке возле шахты «Зиминка». Наверное, Творец услышал эти простые молитвы скромной молодой женщины и послал им сына.

Витя рос худеньким подвижным мальчишкой, быстро тянулся вверх. «В Галкиных, - определила внука Матрёна. - Высокай будя».

В 1959-м Фая родила дочь, которую назвали Ольгой.

Бывало, дети болели, однако родители не тряслись и не дрожали над ними, как это нередко бывает с поздними отпрысками. Летом им разрешалось допоздна бегать на улице, зимой они нередко возвращались в дом, облепленные с ног до головы снегом после игр в заваленных сугробами переулках. Фая веником-голиком сметала с их одежды снег и пристывшие ледышки, заставляла осторожно снимать шаровары с начёсом и ставить их печке – задубевшие от снега и мороза штаны стояли колом.

- Сына! Доча! – нарочито хмурился Василий. – Что же это такое?! Ведь простыть можно! Заболеть! Чтобы больше такого не было! – говорил он строго.

Впрочем, на этом отцовская суровость и заканчивалась. За внешней строгостью он пытался прятать родительскую любовь.

Фая в детях тоже души не чаяла, отдавая им и мужу всё своё время. Пока дети были маленькими, она не работала, занималась нескончаемыми домашними хлопотами, стирала и готовила, ходила за огородом, водилась с малыми, встречала мужа после смены.

Когда дети подросли, устроилась киоскёром в местную «Союзпечать». Её киоск со свежими газетами и журналами стоял на улице Зенковской рядом с популярным на Буфере магазином «Бакалея-Гастрономия». Кроме периодических изданий Фаина продавала разные нужные людям мелочи: нитки и иголки, мыло и зубную пасту, значки и расчёски, канцелярские товары и много чего ещё. Ребятишки любили прибегать к маме на работу и подолгу разглядывать через стекло товары на полках.

Через несколько лет сидячий труд Фае надоел, и она устроилась поварихой на кухню в школу-интернат. Хлопотнее и ответственнее дела придумать трудно...

Василий любил свою работу на обогатительной фабрике, где его ценили и уважали за трудолюбие, за умение разрешить любую проблему в сбое оборудования. Про таких, как он, говорили: «Головастый мужик».

Когда в 1960-е годы в Прокопьевске началась активная «телевизация», и число телеприёмников в семьях начало быстро расти, – возникла проблема. Первые «КВНы», «Старты», «Темпы», «Рекорды» и «Рубины» хоть и славились качеством, нет-нет да ломались. С их ремонтом у людей возникали проблемы: мастерских в городе было немного. И Василий, в семье которого тоже появился свой телик, освоил ремонт этой техники.

При покупке к телевизору прилагался техпаспорт и обязательная принципиальная электрическая схема устройства. Василий Никанорович несколько вечеров посидел над этими бумагами, вник в чертежи, в расположение и названия ламп, диодов и конденсаторов, разобрался в значении ваттов и герцев, постиг их свойства. Помогал и журнал «Радио», который он выписывал.

Весть о телемастере-самоучке быстро разнослась по близлежащим посёлкам, и вскоре к нему образовалась очередь из знакомых и совсем незнакомых любителей телевидения, приёмники которых сломались. Вася помогал им, как мог, за вполне умеренную плату. А чтобы быстрее успевать по адресам, он решил взять мотоцикл.

К этой покупке он подошёл с особым интересом, придирчиво перебирая доступные модели советской техники. Наконец, ему понравился... мотоцикл чехословацкого производства «Ява»-350. Вскоре ярко-красный красавец с металлическими накладками на бензобаке и хромированными глушителями гордо возвышался возле его крыльца, поблескивая спицами на зависть окрестным пацанам. А те не упускали случая погладить руль или потрогать крылья железного Аполлона, посмотреться в зеркала заднего обзора.

Красивый байк запросто «выжимал» 120 километров, но Василий не любил лихачить, ездил с основательной аккуратностью, гордо поворачивая голову в красном шлеме, осматриваясь на перекрёстках. Поездив недолго на двух колёсах, он прикупил третье – присоединил к мотоциклу фирменную люльку.

Одним из первых жителей Буфера Василий Никанорович серьёзно занялся фотоделом. Приобрёл фотоаппарат марки ФЭД и всё, что необходимо для печати фотографий: увеличитель, бачки для обработки плёнок, ванночки для проявки снимков.

«Надо выстраивать экспозицию из диафрагмы, выдержки и светочувствительности плёнки, - давал он вскоре уроки одному из соседей, который тоже решил обзавестись фотоаппаратом. - Шут тебя знает, как ещё объяснить, - хмурился Василий в ответ на непонимающий взгляд ученика. – Короче, снимай, как сумеешь. Потом проявим и разберём ошибки».

Зато не только семья, но и вся Васина родня любила у него фотографироваться, активно пополняя свои семейные альбомы...

В 1972 году – к 25-летию установления в СССР Дня шахтёра – горняки Кузбасса добыли около 120 миллионов тонн угля. При этом каждая вторая тонна «чёрного золота» прошла через обогатительные фабрики региона, чтобы улучшить свои качества, принести угольщикам и области дополнительный доход. Так что работа обогатителей считалась важной для региональной экономики.

Лучших из них отмечали государственными наградами. Среди награждённых оказался и Василий Галкин – его удостоили ордена Знак Почёта. В указе записали: за высокие производственные показатели в выполнении и перевыполнении плановых заданий и принятых социалистических обязательств. Это же значилось и в многочисленных почётных грамотах и благодарственных письмах, которые он получил за годы работы на фабрике...

30.

Трудно сказать, когда у Василия и Фаи зародилась мысль уехать из Прокопьевска. Несомненно лишь, что она появилась у них как раз в семидесятые. Тем более что выбор у этого поколения был немалый.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов из теленовостей и газет люди узнавали, как в Советском Союзе методом ударныхстроек возводятся крупнейшие промышленные объекты.

Например, с середины 60-х в соседнем с Кузбассом Красноярском крае, на могучем Енисее, начали строить Саяно-Шушенскую ГЭС – крупнейшую гидроэлектростанцию Союза. На стройплощадку у посёлка Черёмушки, возле Саяногорска, требовались тысячи рабочих рук. Стройка обещала растянуться на десятилетие.

В 1967 году всесоюзной ударной стала стройка Волжского автозавода в Самарской области. Тысячи людей ехали в Тольятти на возведение автогиганта.

В начале 70-х КАМАЗ тоже был объявлен ударной стройкой. Параллельно возводили город Набережные Челны на 350 тысяч жителей.

В Волгодонске Ростовской области в 1970 году началось сооружение крупнейшего в СССР производственного объединения атомного энергетического машиностроения «Атоммаш».

В 1974 году Байкало-Амурскую железную дорогу тоже объявили всесоюзной ударной стройкой. Со всех концов страны на БАМ начала съезжаться и романтически настроенная советская молодежь, и прагматичные спецы, и люди постарше.

Везде было одно: «Требуются! Требуются... требуются...» О романтике и «длинном рубле» печатали статьи, писали книги, слагали песни и легенды, снимали кино.

Отделы кадров активно зазывали желающих бросить насиженные места и влиться в гигантскую строительную команду страны. Новым стройплощадкам нужна была молодёжь, специалисты разного профиля, да и обычные трудяги, желающие подзаработать или просто увлекающиеся романтикой трудовых будней.

Ну как тут было не заболеть тягой к перемене насиженных родителями мест?!

Окончательной каплей в решение о переезде стало письмо, которое пришло Василию в конце 1973-го из города Сосновый Бор от двоюродного брата, закадычного друга Васиного детства. Уехав из Прокопьевска в поисках интересной жизни и работы, Андрей лет пять назад осел в Ленинградской области – на атомной электростанции, получил квартиру, сделал карьеру в службе главного инженера строительного штаба станции.

«Мы запустили первый энергоблок на Ленинградской АЭС, - писал он брату. – Работаю хорошо, а живу ещё лучше. Наш Сосновый Бор называют Атомоградом. Дома стоят прямо на берегу Финского залива. Места очень живописные, вокруг густые леса. Город новый, красивый, просто утопает в зелени. Мы его очень любим. Но ты, Вася, приезжай вместе с Фаей, увидишь сам...»

Галкины загорелись желанием побывать в гостях. Часто, лёжа в кровати перед сном, шептались, замысливая поездку. Правда, в 1974-м путешествие не удалось, хлопот доставляли живущие «за стенкой» постаревшие родители: Никанор Степанович сильно болел, потом ушёл из жизни. Матрёна Ермолаевна ослабела, горюя по мужу...

Как ни странно, Галкиных к движению подтолкнул их сын. Осенью 1975-го Виктора призвали на срочную службу в армию. И после нескольких дней путешествия в поезде с призывниками из Кузбасса он оказался в одной из воинских частей... под Ленинградом. Как положено, в первый месяц проходил курс молодого бойца, готовился к принятию военной присяги. Чуть не каждый день Витя сочинял письма на родину и в каждой весточке звал родителей: скучаю, мол, сильно, приезжайте, на торжественное принятие присяги. В этот день тем солдатам, к кому в часть приехали близкие родственники, дают увольнительную. Вот и свидимся...

Отправляясь к сыну, Василий с Фаей решили заехать и к Андрею в Сосновый Бор. Город и АЭС расположены в пограничной зоне, и попасть сюда можно было только по специальному пропуску. Эту проблему для гостей решила «встречающая сторона».

В городе атомщиков их просто очаровали просторные пятиэтажные кварталы из новеньких хрущёвок. Радовали глаз пластические градостроительные решения, отвечающие ландшафту, окружающей природе: строили жильё так аккуратно, что, выйдя на балкон, можно было прикоснуться к стволу вековой сосны. «Да, красота у нас расчудесная! – расхваливал брат Галкиным свой город, показывая им улицы и скверы Соснового Бора. - Летом мы здесь рыбачим постоянно. Тут и ребятишкам, и ветеранам хорошо...»

Произвела на сибиряков серьёзное впечатление и хорошо обустроенная квартира Андрея, и богато накрытый к встрече стол. «Хватит вам жить в Сибири, - уговаривал он Галкиных. – Переезжайте ближе к Европе! Работу найдём, а там и жильё получите...»

На АЭС в Сосновом бору основная фаза строительства уже завершилась, объяснял хозяин, здесь теперь уже нужны не строители, а специалисты-атомщики, удлинители очереди на жильё.

- Но я знаю, что надо делать! - Андрей подливал в рюмку Василию из красивого хрустального графинчика. – Громадное строительство начали... Игнашину знаешь?

- Нет, - Вася задумчиво почесал рано начавшую лысеть голову. – Где это?
- Это в Литве, - заговорщески подмигивал Андрей Фае. – От Ленинграда километров шестьсот. Отсюда на поезде ночь всего-то ехать. Там новую АЭС затеяли! Всесоюзную стройку разворачивают! И город рядом будет – закачаешься! Вот где люди требуются...
- А жить... – попыталась вклиниться Фаина.
- Там на стройке главным механиком мой друг. Договоримся! Сначала в общежитии поживёте, а потом квартиру получите. Да прямо сейчас ему и позвоним!
- И Андрей заказал междугородний звонок.
- Привет, Николай! – радостно кричал он в трубку. – Как дела? Настоящие трудюльбы нужны?.. Да! Знаю, непросто... Бригадир бетонщиков? Считай, есть у тебя бригадир! Сибиряк! Орденоносец! Жильём обеспечишь? Всё! Приедет! Когда? Щас спрошу...
- Когда? – зажав ладонью мембрану телефонной трубки, повернулся он к Васе.
- Ну... – нахмурился тот. – Подумать надо... месяц...
- Какой месяц! – похлопал Андрей брата по спине. – Неделя! Максимум, две! Через две недели будет у тебя! – торжественно произнёс он в трубку. – Только я тебя прошу...

Василий с женой растерянно переглядывались, молчали.

- Никаких поездов, - инструктировал их Андрей. – Четверо суток терять туда, да столько же обратно, - он снова наполнил рюмки. – Завтра возьмём билеты на самолёт. Приедешь, уволишься и снова на самолёт. Прилетай пока один. Устроишься, освоишься, потом Фаину привезёшь.

Вот так Василий оказался в Литовской Советской Социалистической Республике.

Конечно, не всё пошло по плану, который «нарисовал» Андрей. Недаром говорят: «Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему...» На старой работе начальство Василия категорически отказывалось от его увольнения. Он написал заявление «по собственному», но по закону требовалось отработать два месяца. Да и дома возникли проблемы: Матрёна в голос зарыдала, узнав, что сын собирается сменить место жительства. Нужно было какое-то время, чтобы приучить её к мысли о расставании.

На возведение Игналинской атомной станции Галкин прибыл в начале 1976-го. Так как из-за дефицита руководителей низового звена всесоюзная стройка остро нуждалась в бригадирах, ему сходу доверили бригаду бетонщиков. Прораб дал короткую установку: главная задача – ударными темпами и с хорошим качеством бетонировать фундаменты для энергоблоков станции, мостить дороги и подъездные пути на площадке АЭС и на будущих улицах города атомщиков. Его начали строить на берегу озера Висагинас, в девственном сосновом лесу, где нога человека если и ступала, то очень редко. Особо Василия предупредили, что в новом городе за каждое необоснованно загубленное дерево строителям грозит штраф. Прежде чем приняться за дом или дорогу, здесь аккуратно огораживали муравейники, отдельные сосны и участки лесных массивов. Имя будущего города звучало для сибиряка необычно – Снечкус. Как оказалось, это фамилия известного лидера компартии Литвы Антанаса Снечкуса.

В Литве – ещё на начальном этапе создания АЭС – трест «Гидромонтаж» возвел на окраине соседнего городка Дукштас временный жилой посёлок на восемь тысяч жителей, оборудовал его электросетями, магистральными коммуникациями и объектами тепло- и водоснабжения.

Посёлок строителей состоял сплошь из сборных домиков и вместительных вагончиков-временок, в каждом имелись небольшая прихожая, коридорчик с обязательным тёплым санузлом и две-три комнаты. В одном из них и предстояло пока

обитать бригадиру. Водопровод, центральное отопление и бесплатное электричество делали жизнь обитателей вполне уютной. А расположенные по соседству продмаг и магазин всякой всячины делали её вполне даже сносной.

Василия Никаноровича поселили вместе с тремя молодыми рабочими, которые тоже трудились над основанием будущей станции. Они безоговорочно приняли его старшинство по общему дому, и когда он предложил установить график уборки жилища и приготовления пищи, согласились без споров.

Конечно, на первом месте стояла работа. На объекты нужно было непрерывно подавать бетон. И бригада Галкина каждую смену укладывала десятки кубов бетона. Сам бригадир работал, как говорится, не покладая лопаты, вдохновляя подчинённых личным примером.

Домой приходил уставший, но старался не подавать вида перед молодёжью. Жили они маленькой коммуной по-холостяцки: сами стирали, убирали, варили в основном кашу, сосиски, жарили яичницу. Иногда по выходным Василий кухарничал – баловал своё общежитие супами и даже борщами, по которым был мастером.

Первые недели и даже месяцы Василий очень скучал по дому, по жене. Часто видел во сне Прокопьевск, снилось, как, держась за руки, ходят они с Фаиной по знакомым переулкам. Просыпаясь до рассвета, встревоженно вглядывался в темноту, и не мог больше сомкнуть глаз. «Зачем я сюда приехал? – размышлял, ворочаясь с боку на бок. – Чего, прости, Господи, понесло на край страны!»

- Здесь под небом чужим, я как гость нежеланный, - выводил он с новыми друзьями на редких мужских посиделках, сдобренных спиртным, слова любимейшей грустной песни. - Слышу крик журавлей, улетающих вдаль. Сердцу больно в груди видеть птиц караваны. В дороге края провожаю их я...

Только тяжёлая работа помогала отвлечься от печальных мыслей.

Между тем грандиозная стройка двигалась вперёд. История создания самой мощной АЭС в СССР мало чем отличалась от историй других всесоюзных строек своего времени. 16 сентября 1971 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О строительстве на территории Литовской ССР Игналинской атомной станции (ИАЭС) полной мощностью 3000 МВт».

В 1974 году начались подготовительные работы для первого энергоблока. 10 августа 1975 года заложили камень на месте будущего города-спутника на 30 тысяч жителей.

Всего на электростанции планировали построить четыре энергоблока с реакторами типа РБМК-1500 – самыми мощными в мире на тот момент. АЭС создавали не только для Литвы – для всей единой Северо-Западной энергосистемы Советского Союза, питающей Эстонию, Латвию, Белоруссию и регионы России. В перспективе намечалось продавать энергию на экспорт. Готовую станцию должны обслуживать пять тысяч специалистов.

Стройка стала интернациональной. Всего на её огромной площадке дружно работали около десяти тысяч выходцев со всех концов страны – представители многих народов, проживающих в СССР, больше всех было русских, белорусов, украинцев и литовцев. Общались все на одном языке – русском.

Строительство первого энергоблока началось торжественно – в день международной солидарности трудящихся – 1 мая 1977 года. В Советском Союзе любили символические даты.

К этому времени на стройплощадке десятки экскаваторов и бульдозеров уже освобождали территорию от сухостоя и кустарников. Большегрузные самосвалы безостановочно вывозили огромное количество грунта. Глубина фундамента для

энергблока – так называемый нулевой цикл – достигала семь метров, которые предстояло полностью забетонировать.

По приказу министра среднего машиностроения СССР возведение и пуск первого блока обеспечивали десять союзных министерств и 45 заводов страны. В 1982 году объект планировали сдать в эксплуатацию.

...Фая не сразу переехала к мужу, ведь обещанное жильё семье бригадира Галкина выделили не так скоро, как обещали. Лишь через несколько месяцев маленькая холостяцкая коммуна, которой в свободное от смен время продолжал руководить Василий Никанорович, довольно-таки неожиданно распалась. Все её молодые обитатели, прибывшие на всесоюзную стройку комсомольцами-добровольцами, разом получили призывные повестки на службу в армию. Как только парни уехали, Василий подсуетился, похлопотал, где надо, и вагончик ему передали в единоличное владение.

Вот вскоре после этого и Фаина оказалась в братской советской республике.

Они с мужем снова зажили вместе душа в душу. Рабочих мест для женщин на стройке было не так много, по большей части тут требовалась мужская сила. Однако ей повезло – устроилась в небольшую местную гостиницу. Ей доверили учёт, хранение и выдачу белья и одежды, своевременное списание пришедшего в негодность имущества. Она следила, чтобы бельё своевременно поступало в стирку, вещи – в чистку. Добросовестная сибирячка «крутилась» на хлопотной работе как «веретено», не боялась материальной ответственности, постоянно всё учитывала и пересчитывала, целый день была на ногах.

Сын Виктор демобилизовался и тоже прибыл пред родительские очи. Отец помог ему попасть на стройку: тут не забалуешь, не расслабишься от безделья, а физический труд ещё никому не повредил, - посчитали родители. Виктор освоил профессию сварщика и начал работать на всесоюзной ударной.

Работа оказалась нелёгкой. Парень сильно уставал, однако молодость брала своё, и вечером он находил в себе силы, чтобы сходить на танцы. Девчонки засматривались на высокого, стройного черноволосого жениха...

Эстрадными кумирами Вити, как впрочем, и миллионов его сверстников, стала великолепная «Ливерпульская четвёрка». Он наизусть знал доступный советским поклонникам репертуар ансамбля «Битлз» и свободно мог – даже разбуди его среди ночи – напеть любую из их песен. Его идиолом был соло-гитарист «битлов» Джордж Харрисон, чёрно-белый портрет которого всегда висел у него над кроватью. После армии Виктор отпустил усы, как у Харрисона, отрастил волосы, как у Джорджа – стал вылитым солистом британского квартета.

Ростом и статью Виктор был в мужскую линию Галкиных. А его большой с горбинкой «галкинский» нос был на загляденье местным красавицам. При всём том сам он «запал» на местную дивчину с литовскими корнями, тоже высокую, как каланча, дородную, с гривой густых рыжих волос. Дело у них «срослось», быстро и шло к свадьбе. Василий с Фаем вздыхали, глядя на развитие событий, и не знали, то ли горевать, то ли радоваться такому развитию событий.

31.

День строителя 14 августа 1977 года в семье Василия Никаноровича встретили по-особому.

Это было воскресенье. На большой поляне рядом с площадкой будущего энергблока на праздничный митинг собрались сотни строителей АЭС. Пасмурная прохладная погода не помешала хорошему настроению. Со сколоченной из некрашенных досок

трибуны звучали приветственные речи, благодарности руководителям и рабочим, а те радостно хлопами ораторам. Над толпой витал оживлённый одобрителный гул.

Когда приступили к вручению государственных наград, Василий Галкин заметно заволновался, то и дело одёргивал пиджак, на левой стороне которого светился орден и позванивали медали, и незаметно поглядывал вокруг. Рядом стояли мужики из его бригады: знакомые лица, натруженные руки. Накануне ему намекнули, дескать, будь на митинге при параде – награда тебя ожидает... Он в который раз достал из нагрудного кармана очки, нервно протёр стёкла носовым платком и снова спрятал их в карман.

Наконец, ведущий митинга объявил в микрофон: «Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся достижения в области развития народного хозяйства, большой вклад в строительство Игналинской атомной электростанции награждается...», - и назвал его имя Василия. Галкин вздрогнул, расправил плечи, набрал в грудь побольше воздуха и широким уверенным шагом направился к трибуне...

К своим мужикам он вернулся с новеньким серебряным орденом Октябрьской Революции. Награда на пятиугольной колодке с ярко-красной лентой с голубыми полосками висела на его груди чуть выше ордена Знак Почёта.

На этом и потом на других праздничных митингах лучшим строителям АЭС и города атомщиков вручили ещё много наград – орденов и медалей, почётных грамот и переходящих знамён.

И было за что!

Со времени закладки символического камня на строительстве города прошло всего два года, а красивые улицы Снечкуса росли прямо на глазах. Архитекторы предусмотрели создание жилых кварталов в виде замкнутых, тихих дворишков, внутри которых много сохраненных взрослых сосновых деревьев и много солнца. Кварталы разделялись участками леса, превращенными в скверы и бульвары. Всего планировали возвести три сотни пяти- и девятиэтажных домов, самых современных на тот момент – всего тринадцать улиц с магазинами, торговым центром, школами, детскими садами, больницами. По задумке авторов город должен был напоминать лесной курорт на берегу прекрасного озера. Настоящая сказка...

Первое капитальное жильё в Снечкусе начали сдавать в первом квартале 1977 года. В квартиры сразу же въезжали новосёлы. Следом открылась первая школа на 1280 учеников – в новом городе жило уже много детей. Поэтому во временном посёлке строителей обитатели менялись: кто-то перебирался в новое благоустроенное жильё, на их место в вагончики приходили другие люди. Василий с Фаиной не раз бывали на новосельях у знакомых и друзей. Однако сами продолжали жить во временке.

Летом 77-го к ним в Литву приехала погостить дочь, у неё были каникулы перед последним курсом в Прокопьевском медицинском училище, где Ольга осваивала сестринское дело.

После того, как Фая уехала в Игналину, девушка осталась доучиваться в Прокопьевске. После дипломирования она решила переселиться к родителям. Пока же жила в опустевшем доме на улице Изоринской вместе с Фаиной мамой – бабушкой Лукерьей, перебравшейся сюда, на Буфер, после смерти мужа. У них за стеной – всё также проживала Матрёна Ермолаевна с младшим сыном. Часто все они собирались вместе, чаёвничали, вспоминали прошлое, говорили о будущем...

В 1978 году на стройплощадке первого энергоблока Игналинской АЭС работы шли полным ходом. В сентябре здесь полностью завершили земельные работы для фундамента, и по всей площади огромного котлована монтировали каркасы из толстой стальной арматуры и заливали их бетоном. Стройка напоминала

колоссальный муравейник, в котором круглые сутки непрерывно двигались тысячи людей, сотни автомашин, экскаваторов, тракторов, подъёмных кранов и других механизмов. Труд семьи Галкиных своей каплей вливался в эту гигантскую реку человеческого труда.

Окончательно Ольга переехала в Снечкус в конце лета 1978-го. В дальнюю дорогу из Прокопьевска её провожали бабушки Лукерья и Матрёна, со слезами на глазах давали внучке наказы на новую жизнь. Зато родители встретили дочку с радостью. В городе атомщиков к этому времени уже появились медицинские учреждения: красивая современная больница, станция скорой помощи, - куда требовались специалисты. И девушку зачислили в штат неотложки.

Работа здесь хоть и посменная, зато – по специальности, да и оплата была гарантирована. И Ольга с удовольствием взялась за дело. Трудилась по сменам – дежурства были и днём, и ночью. Никогда не угадаешь, в какое время суток вызовов «скорой» будет больше.

Она уставала. Но когда же ещё дружить и влюбляться, как не в молодые годы... Кстати, Оля тоже выдалась в породу Галкиных. Парни заглядывались на высокую, стройную, светловолосую девушку.

Так и вышло, что у Ольги появился молодой человек. Игорь, с которым она познакомилась, родился в Саратовской области. Потом жил на Украине. На АЭС, как и многие другие сверстники, приехал, услышав о размахе всесоюзной ударной комсомольской стройки.

Начало 80-х годов для Галкиных, переехавших на новое место, как и для многих создателей станции и атомграда, было удачным, было счастливым.

Выходившая на стройке многотиражная газета «Энергетик» писала: «Ушёл в историю 1981 год – год напряженного труда всех коллективов на строительной площадке Игналинской АЭС, вписав в историю Снечкуса открытие кинотеатра, детской музыкальной школы, первой очереди базы ОРСа, двух столовых на основной площадке, ввод жилых домов общей площадью более 37 тысяч квадратных метров, монтаж оборудования на автоматической телефонной станции... Но расслабляться и праздновать победу рано – мысли всех участников ударной стройки сосредоточились на главной площадке – там, где через некоторое время должно забиться сердце реактора...»

В новом городе молодые пары играли свадьбы. Свадебные церемонии проходили здесь практически каждые выходные. Расписались и Ольга с Игорем. В 1983-м у них родился сын Тарас. На радость Василию и Фаине, которые к тому времени уже перешли в уютную двухкомнатную квартиру в новенькой многоэтажке, внук рос любознательным и смышлёным...

Галкины основательно «врастали» в Прибалтику, полюбили неспешный ритм её жизни. Часто они по-семейному ездили в Вильнюс – пройтись по городу, по его старинным улицам, площадям и скверам, посмотреть соборы и другие достопримечательности и, само собой, пробежаться по магазинам. Они объехали все окрестные города и городки. Не раз отдыхали на побережье Балтики – в удивительно красивых местах близ Клайпеды и Паланги.

Василий Никанорович искренне гордился своей причастностью к этой удивительной стороне с её бесконечно долгой историей, большой культурой, красивой европейской архитектурой. Он искренне был уверен в своей нужности этой земле, в том, что своим трудом приносит ей настоящую пользу.

Для полного, как говорится, счастья, он выхлопотал участок, где Галкины построили небольшую дачу и занялись привычными для советского человека садоводством и

огородничеством. Им очень пригодился сибирский опыт в выращивании картошки и овощей, заготовке банок и баночек с квашеной капустой, солёными огурчиками, помидорами и ароматным вареньем.

Нередко к ним в гости наезжали родственники из Сибири. Побывали сестра Валентина с Иваном и их дети. Приезжала, вернее, прилетала на воздушном лайнере и Матрёна Ермолаевна. Впервые в жизни она летела на самолёте, не убоившись громадной высоты, с которой, не отрываясь от иллюминатора, с восторгом наблюдала земной пейзаж. Несколько недель прожила у сына, с удовольствием знакомясь с подробностями его незнакомого быта, радуясь за свою «литовскую родню». Вернувшись в Прокопьевск, часто, охотно, с мельчайшими подробностями рассказывала соседям и сватье Лукерье о своём путешествии.

- Представляешь! – громко смеясь, хлопала она сватью по плечу своей маленькой лёгкой ладонью. – Самалёт высока шёл с Масквы да Прокопьевска, ничё не видно. А лёчик-та! Лёчик пёр нас прям дамой без астановки!..

32.

Весь 1982-ой и 1983-й годы строительство АЭС шло ударными темпами: все тресты, управления, участки и бригады трудились интенсивно, слаженно, на совесть.

«Шахта для первого из реакторов завершена, – рапортовала читателям другая многотиражная газета «Производственник». – Вскоре у бетонщиков начнутся самые жаркие, самые напряженные дни. За 10,5 месяцев строители уложили 56 тысяч кубометров монолитного бетона, смонтировали 8 тысяч тонн арматуры и 3,6 тысячи кубометров сборного железобетона. Нет сомнений, что объект будет запущен в запланированный срок».

К июлю 1983 года предстояло сдать зал реакторного блока под монтаж технологического оборудования. В последние месяцы перед пуском особое внимание пресса уделяла тем, кто занят на монтаже турбин. Сдачу в эксплуатацию первой очереди АЭС с нетерпением ждали в Снечке, ждали в Литве, ждали во всей большой стране.

Вот выдержки из газеты «Энергетик» за 1983 год:

«В огромном машинном зале будущей станции, вдоль и поперёк пронизанном переходами и перекрытиями, стоит ровный рабочий гул. На площадке взгляду открываются колеса лопаток, насаженные на толстый вал. Это ротор турбины. Рядом поднимаются крутые бока цилиндров низкого давления. Около одного из них сосредоточенно работают люди в ярких шлемах. Монтаж уникальной машины мощностью 750 000 киловатт ведет бригада Героя Социалистического Труда...»

А это строки из газеты «Советская Литва» от 5 октября 1983 года: «В центральном зале АЭС тишина. Идет загрузка топлива. Специальный кран плавно подаёт его к технологическим каналам. Десятки людей в зале и на блочном щите управления фиксируют показания приборов. Постепенно извлекаются стержни-поглотители системы управления защитой реакторов. Есть! Приборы свидетельствуют: реакция началась. В центральном зале ничего не изменилось, но глубоко внизу, в чреве аппарата, уже идет незримый процесс: неутомимый атом-труженик приступил к работе».

Победу приближали все, как могли. Наконец, наступил волнующий момент, к которому создатели Игналинской АЭС готовились не один год: первый энергоблок дал первые киловатты электричества. Торжество этого события пришлось на 31 декабря 1983 года. Традиция советских строителей: делали большие подарки стране к государственным праздникам, - безотказно сработала и здесь.

Газеты писали:

«Завершено строительство первого энергоблока Игналинской атомной электростанции. 4 октября состоялся фактический, а 31 декабря 1983 г. – энергетический пуск реактора РМБК мощностью 1,5 млн кВт – самого крупного реактора в мире. Продолжается строительство второго энергоблока такой же мощности...»

«В «буржуазные времена» Литва занимала одно из последних мест в Европе по электрификации. За годы советской власти энергетика республики прошла путь от ГЭС «Дружба народов» – через эпохальные Каунасскую и Литовскую ГРЭС – до Игналинской АЭС...»

«При хорошем воображении можно представить себе атомный котёл, сравнив его, скажем, с кипящей кастрюлей. Радиоактивный пар крутит турбины, однако в атмосферу не попадает – охлаждается подведенной водой из озера Друкшяй, фильтруется и возвращается в систему. Система охлаждения, прямо скажем, является нетипичной. Во-первых, её сконструировали так, чтобы радиоактивная и озёрная воды не соприкасались, во-вторых, чтобы сбрасываемая вода повышала температуру озера всего на 1°C. В химическом цехе жидкость освобождают от примесей, и она становится в сотни раз чище дистиллированной, даже приобретает особое ценное свойство – не может быть радиоактивной. Только увидев всё это собственными глазами, можно понять, какой героический труд под силу человеку...»

В Снечкусе в эти дни не было конца радости: в каждой семье обсуждали пуск блока. И слово «победа» звучало во время застолий чаще других. По общему мнению, новогодний подарок для Литвы удался: благодаря пуску АЭС маленькая республика превращалась в крупнейшего не только в СССР – и в Европе – производителя электроэнергии.

Искренне радовались этому успеху и в семье Галкиных: было чем гордиться, ведь все они – каждый на своём месте – работали добросовестно.

К 1985 году первый энергоблок достиг проектной мощности. Следом строители создавали второй блок АЭС.

К этому времени практически завершилось строительство города. Всего на его красивых уютных улицах появилось 248 многоквартирных жилых домов. В них жили около 35 тысяч человек, пять тысяч из них – специалисты-атомщики. А также – строители. Члены их семей обслуживали учреждения и предприятия образования, культуры, торговли, инфраструктуры. Дети ходили в школы и детские сады.

Казалось, у грандиозной стройки большое будущее...

33.

Первые проблемы у Игналинской АЭС начались во второй половине 80-х. Вторым блоком планировали запустить в 1986-м, да только из-за аварии на Чернобыльской АЭС все работы с наладкой второго энергоблока перенесли на 1987 год. Технику и технологии «мирного атома» вновь и вновь проверяли и перепроверяли, усиливая безотказность и безопасность.

В конце концов, после многочисленных экспертиз специалисты убедились в стопроцентной безвредности реактора на Игналинской АЭС. Лишь после этого 31 августа 1987 года второй блок был запущен. В результате атомная литовская электростанция стала самой мощной в мире.

Однако это преимущество длилось недолго.

Чтобы лучше понять остроту внезапных перемен в судьбах наших героев, стоит обратиться к фактам новейшей истории.

В это время Советский Союз уже возглавлял Михаил Горбачёв. Как известно, под его руководством страна ускоренными темпами двигалась к развалу...

В первые годы правления молодой энергичный генсек очень нравился Василию Никаноровичу, любившему смотреть по телевизору политические программы и выпуски новостей. Сменивший полусонного и шепелявого, надоевшего всем Леонида Ильича и его соратников, разговорчивый и обаятельный, Михаил Сергеевич на первых порах сумел «уболтать» и покорить сердца большинства жителей Союза. Чего уж говорить бригадире-орденоносце?! И если младшие Галкины были безразличны к политике, то их родитель, в результате «телебесед» с «генсеком» через телевизор, был уверен в «светлом, спокойном и устойчивом будущем» не только детей, но и внуков. Как же! Такую стройку осилили!

Да и в своей спокойной старости у него тоже была уверенность. В октябре 86-го Василию Никаноровичу исполнилось шестьдесят. По советским меркам – пенсионный возраст. Он оформил пенсию, которая превышала 120 рублей в месяц. С учётом крепкого рубля – приличная сумма. Правда, он, неугомонный, всё продолжал работать на стройке.

Единственное, что беспокоило старших Галкиных – это старая истина: маленькие дети – маленькие проблемы, а когда дети большие – проблемы у них тоже становятся большими...

Виктор развёлся с женой. Непутёвая оказалась: муж – на работу, а она в это время – в гости к друзьям. Гуляют, курят, пьют... Он ругал её, скандалил – не помогало. А когда она неизвестно от кого забеременела, не выдержал. После того, как она родила сына, Виктор ушёл к родителям.

Вскоре они официально развелись... Он погоревал, родители повздыхали. Только жизнь есть жизнь: прошло какое-то время, и Витя задружил с новой невестой.

Недолгой получилась семейная жизнь и у Ольги. Как-то вернувшись домой после смены, поняла, что у её мужа, мягко говоря, слишком поверхностные представления о верности. Стало обидно и противно. Решила бесповоротно разорвать такие отношения, ушла, забрав с собой трёхлетнего сына...

А строительство Игналинской АЭС продолжалась – возводили третий энергоблок. Продолжал хорошеть и город атомщиков. Правда, темпы новостроек снизились.

Серьёзная тревога за будущее появились у обитателей Снечкуса летом 1987-го.

Возникло несколько очень серьёзных проблем. К концу 80-х развитие экономики и промышленности СССР начало замедляться из-за того, что верховная власть начала «перестроечные» реформы. Зато центробежное движение советских республик к самоопределению шло быстрыми темпами. Пока это в основном были лишь заявления отдельных политических оппозиционных лидеров. Но «градус кипения» национальных движений за независимость «на окраинах» Союза неуклонно пошёл вверх. И Прибалтика, включая, конечно, Литву, подавала тут пример.

23 августа 1987 года по республике прокатилась волна демонстраций против установления в 40-м году советской власти. В конце этого же года из-за протестов экологических организаций и в связи с плохой экономической ситуацией Москва временно приостановила строительство третьего энергоблока Игналинской АЭС.

А вскоре жители Снечкуса, поголовно говорившие на русском, впервые услышали о себе, что настоящей Литве они не нужны, что они «оккупанты»... Василий и Фая возмущались такому повороту событий, да что толку. Атомщики и строители обсуждали между собой происходящее, рядили и гадали, что дальше будет... Несмотря на это, первые два блока продолжали вырабатывать для предприятий и населения Литвы дешёвое электричество.

В конце 80-х события в республике начали развиваться быстро и драматично для национального меньшинства.

В октябре 1988 года образовалось общественно-политическое движение «Саюдис», что в переводе означает «движение за перестройку». Его лидеры провозгласили главные цели: культурное возрождение, демократизацию, экономическую самостоятельность Литвы.

«Ладно, - успокаивал Василий Никанорович себя, близких и друзей прагматичным подходом, - электростанция им понадобится в любом случае. Какая же независимость без своего электричества?! А его без специалистов не получишь. Так что наши спецы обязательно пригодятся...»

Однако спокойная жизнь продолжала рассыпаться как карточный домик: не проходило недели, чтобы в Вильнюсе или других городах не проходили демонстрации, митинги, шествия, их главным требованием был выход из Советского Союза.

В феврале 1989-го «Саюдис» открыто взял курс на независимость Литвы. После этого началось жесткое противостояние с Москвой. 18 мая 1989 года Верховный Совет Литовской ССР принял такой закон, по которому на территории Литвы действовали только законы, принятые Литовской Республикой. Руководство СССР заявило резкий протест этим действиям, потребовав восстановить статус-кво.

Вместе с тем, строителям Игналинской АЭС трудно было понять, почему именно в это время приняли решение окончательно остановить строительство третьего энергоблока? Ведь к концу 1989 года он был готов уже больше чем наполовину, при этом и действующие мощности станции были супер рентабельными: не только Литву надёжно обеспечивали дешёвым электротоком, ещё и соседям продавали.

В народе говорили одно: зря остановили стройку, от добра добра не ищут. По одной из версий, которые постоянно обсуждали в каждом уголке Снечкуса, в том числе и в семье Василия Никаноровича, - это случилось из-за протестов против СССР. Рассуждали также, что у Москвы нет денег на Игналину. Смаковали и версию, что без тайного сговора «Саюдиса» с Горбачёвым не обошлось.

Начавшиеся 90-е годы только усилили тревогу русскоязычного населения. А события первого года этого десятилетия замелькали как в калейдоскопе.

В начале 1990 года началась предвыборная кампания в литовский Верховный Совет. Борьба за голоса избирателей пошла нешуточная. Многие действующие верховные депутаты – они же кандидаты в новый состав Совета – не стеснялись в словах, разоблачая «козни советских захватчиков Литвы». Уже 8 февраля парламент республики признал недействительными решения о вступлении Литвы в состав СССР. Активно использовали и экологическую риторику, доказывая, что «оккупанты губят нашу родную природу».

Кандидатам – сторонникам сохранения СССР – в этих условиях приходилось непросто. Их активно поддерживало русскоязычное меньшинство, поддерживали избиратели Снечкуса, в числе которых были и Галкины. Но этого оказалось мало. И они ожидаемо проиграли.

В результате 24 февраля 1990 года на выборах Верховного Совет Литовской ССР победили кандидаты «Саюдиса». Председателем парламента избрали оппозиционного Центру политика Витаутаса Ландсбергиса. На первом же заседании 11 марта победители приняли Акт восстановления независимости Литвы и закон о возобновлении действия литовской Конституции 1938 года.

«Неужели Москва нас бросит? – размышляли между собой Василий и Фаей и надеялись. – Да нет! Там что-нибудь придумают...»

Конечно, реакция всесоюзной власти последовала незамедлительно. Ровно через четыре дня, 15 марта, съезд народных депутатов СССР объявил недействительными «односторонние решения Верховного Совета Литовской ССР, противоречащие статьям 74 и 75 Конституции СССР». И поручил президенту СССР (Горбачёва к тому времени из генсеков уже избрали в президенты Союза), Верховному Совету СССР, Совету Министров СССР обеспечить «до принятия соответствующих решений по данному вопросу защиту законных прав каждого человека, проживающего в Литве, равно как и соблюдение на территории Литовской ССР прав и интересов СССР».

Президент СССР Горбачёв в телеграмме на имя председателя Верховного Совета Литвы потребовал в трёхдневный срок сообщить о мерах по реализации этого решения.

Смелости на то, чтобы разом «разорвать цепи советского рабства» в Вильнюсе ещё не хватало. Запад, разумеется, всячески подначивал и подталкивал Прибалтику, обещая манну небесную. Однако сомнения в обещаниях Европы и советские экономические связи пока ещё сдерживали даже самых решительных. Поэтому руководство Литвы предложило руководителям СССР начать переговоры об урегулировании отношений. Но Москва требовала отмены Акта о независимости, настаивала на том, что «все объекты союзного подчинения на территории Литовской ССР являются собственностью Союза ССР». Вслед за этим по ночной столице Литвы прошёл марш советской военной техники, который многими был воспринят как акция устрашения.

Но литовцы не отступали.

Тогда 13 апреля 1990 года Совет Министров СССР направил литовскому руководству ультиматум: срочно верните действие Конституции СССР, в противном случае получите экономическую блокаду.

Литовцы опять не отступили.

И с 18 апреля против Литвы ввели санкции. Ограничили поставки нефти и газа, остановили работу ряда предприятий и морских портов. За это Горбачёва ругали даже русскоязычные жители, ведь безработица и переход на снабжение по талонам грозили им в первую очередь.

Только Игналинская АЭС стабильно выдавала положенные киловатты энергии.

Между прочим, в апреле 1990 года по Прибалтике совершал поездку популярный в народе член Верховного Совета СССР Борис Ельцин. В Снечкусе кто-то пустил слух, что Борису Николаевичу поручены переговоры с литовским руководством, что он заедет на Игналинскую АЭС, и обязательно защитит своих. Не заехал. Зато в ходе визита поддержал прибалтийские республики в стремлении к отделению.

Руководители Литвы продолжали упорствовать и даже обратились за помощью к западноевропейским лидерам. Своеобразным апогеем в противостоянии для Вильнюса стал традиционный парад военной техники 9 мая – в честь Победы в Великой Отечественной войне. Литовские «афганцы» швыряли под колеса советских бронетранспортеров свои медали. Группа молодежи развернула транспарант с надписью «Красная армия – go home!»...

К сороковому дню блокады в Литве остановились все электростанции, работающие на мазуте. Вслед за ними остановились все котельные. Без сбоев на республику работала только лишь одна Игналинская АЭС.

Тогда премьер-министр Литвы Казимира Прунскене отправилась в Москву и при посредничестве посла США попыталась договориться с Горбачевым о компромиссе. Но переговоры не удались.

К концу июня Верховный Совет Литвы пошёл на компромисс: ровно на сто дней приостановил действие Акта о независимости. В ответ Горбачев снял блокаду. И начались бесконечные переговоры о выходе Литвы из СССР.

«Литовские русские» внимательно следили за их результатами, ведь решалась и их судьба: жить им в ставшей вторым домом Прибалтике или бежать в Россию, где их вряд ли ждут с распростёртыми объятиями; если оставаться здесь, то удастся ли сохранить статус полноценных граждан или им уготована роль жителей «второго сорта», на чём настаивают местные националисты.

- Я уезжать не собираюсь! – заявлял Василий Никанорович. – Лучше пусть меня литовцы расстреляют, чем буду в России в очереди за хлебом стоять! – хорохорился он.

Фаина Николаевна с грустью смотрела на мужа и незаметно утирала тревожную слезинку.

Однако... сторонам так и не удалось договориться об условиях выхода. Двусторонние заседания растянулись почти на полгода – до декабря – и ничего не принесли. А 28 декабря 1990 года Литва возобновила действие Акта о восстановлении независимости.

Так завершился этот непростой год. Только перемены на этом не закончились. Самое страшное было впереди, страсти в республике продолжали накаляться.

Сразу после новогодних праздников руководство Литвы подняло цены на продукты в 3-4 раза. В ответ на площади у парламента возникли стихийные митинги: одни требовали отставки правительства и возврата прежних цен и звали к захвату здания, другие призывали до конца отстаивать независимость. Начались драки, очевидцы даже услышали выстрелы.

Через несколько дней литовское правительство ушло в отставку, но это только больше осложнило ситуацию.

В ответ Москва отправила в Вильнюс и другие литовские города войска, в том числе и десантников. В течение дня 11 января они заняли Дом печати и телефонный узел в Вильнюсе, телепередающий узел в Неменчине, общественные здания в Алитусе, Шяуляе. Тогда Ландсбергис призвал население выйти на улицы и взять под охрану в Вильнюсе здания Верховного Совета, радицентра, телебашни.

Кульминацией стали трагические события в ночь на 13 января 1991 года, когда при десантном штурме телецентра, откуда непрерывно шли передачи с требованием независимости, погибли 13 мирных жителей, многие получили ранения. В результате этих трагических событий договор между Литвой и СССР был «разорван кровью». Не могло быть и речи о том, что республика может остаться в составе Союзного государства...

В эти тревожные дни русскоязычный Снечкус бурлил в смятении. Жители то и дело собирались на площадке у торгового центра, обсуждали события в Вильнюсе. Сюда также приезжали русские и русскоязычные жители из городов Зарасай, Игналина и других местечек. Митинговали непрерывно, ораторы сменяли друг друга. Кто-то призывал любым способом остаться в составе Советского Союза. Кое-кто предлагал объявить себя национально-территориальным районом, живущим по законам СССР... Настроения многих были таковы: напуганные националистическими призывами, люди собирались уезжать из Литвы, опасаясь за жизнь и будущее своих детей.

Обитатели города атомщиков хотели гарантий, что после выхода Литвы из Союза их права не будут ущемлены. Ведь призывы: «Иван, домой!», - стали повсеместным атрибутом других митингов – тех, кто называл себя «саюдистами». До Снечкуса доходили карикатуры и оскорбительные статьи в адрес иноязычных, регулярно печатавшиеся в газетах и листовках.

В эти дни Игналинскую станцию охраняли особо: мало ли что – с мирным атомом шутить нельзя ни при каких обстоятельствах.

Сразу же вслед за январскими событиями начался парад литовского суверенитета. Первой суверенную Литовскую Республику признала Исландия, это случилось 12 февраля 1991 года. Через несколько дней, 6 сентября, – после провала августовского путча в Москве – Литовскую Республику официально признал и СССР: «учитывая конкретную историческую и политическую обстановку, предшествовавшую вхождению Литовской Республики в СССР», Государственный Совет СССР постановил «признать независимость Литовской Республики».

17 сентября того же года Литва была принята в Организацию Объединённых Наций.

34.

Так Василий Никанорович Галкин и его близкие, сами того не желая, оказались жителями зарубежья. Мечты о спокойной старости развеивались как дым...

Правда, ещё несколько месяцев после этого «русские литовцы» надеялись на чудо: по Снечкусу ходили слухи, о том, что атомную станцию Советский Союз возьмёт под свою особую юрисдикцию, потому что строили-де её на всесоюзные деньги, стоимость АЭС – огромная, и у Литвы просто не хватит денег выкупить её.

Однако к началу зимы эти надежды развеялись. 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще главы трёх республик: России, Белоруссии и Украины, – выпили, закусили и подписали документ о том, что СССР прекращает своё существование, объявили о создании Содружества Независимых Государств вместо Союза. Литва в эту организацию не вступила.

Огромная держава распалась. Лидеры составлявших его республик, включая Россию, прежде всего, думали о своём суверенитете, поэтому вопросы раздела собственности на предприятия бывшего Советского Союза были на втором плане. В результате 1 октября 1991 года Игналинская АЭС без проблем перешла под юрисдикцию Литвы, стала её республиканским госпредприятием. Так Литва, не заплатив за станцию ни копейки, стала 31-м государством мира, использующим ядерную энергию для производства электроэнергии.

Все первые годы независимости местные политики и аналитики радовались: такой «подарок» на десятилетия вперёд гарантировал Литве практически самую дешёвую в Европе электроэнергию, создавал надёжные перспективы развития республиканской экономики. Тем более, что станция надёжно функционировала даже в самые драматичные для Литвы дни. Атомщики спокойно и обстоятельно делали своё дело при любой «политической погоде». «Что же, - начали рассуждать в Снечкусе, - авось мы ещё здесь пригодимся».

Однако бывшие жители советской страны выросли на убеждениях социальной плановой экономики и плохо представляли себе законы рыночных отношений, принципы жёсткой конкуренции и устранении соперников любыми способами. К сожалению, новые литовские лидеры тоже плохо ещё представляли, что такое западный рынок. Им пообещали, что будут оказывать республике любую помощь. Но вскоре выяснилось, что обещать – не значит делать...

Чтобы вырваться из «объятий» СССР, руководители свободной Литвы стремились найти союзников на Западе. Первые официальные попытки выстроить отношения и наладить сотрудничество между Литвой и Европейским экономическим сообществом начались в августе 1991 года, когда ЕЭС приняло решение признать независимость республики. Обещаний из Брюсселя – столицы ЕЭС звучало немало, и это вселяло в литовцев надежды, что новый «большой брат» с распростёртыми объятиями примет к себе маленькую страну безо всяких условий...

Тем временем жизнь в Литве стремительно менялась. Независимое государство хотело как можно скорее забыть советское прошлое. Поэтому по городам и весям республики прокатилась волна переименований. Литовских атомщиков это коснулось в первую очередь: 22 сентября 1992 года город Снечкус получил новое имя – Висагинас – по названию озера, соседствующего с городскими кварталами.

«А что поделаешь?! – объяснял Василий Никанорович в письмах родственникам в Сибирь причину перемены адреса. – Новая власть по-новому метёт».

Парламент Литвы выпускал всё новые законы, пытаясь как можно скорее синхронизировать литовское законодательство с европейским. Одним из первых – в декабре 1991-го – приняли закон о гражданстве. О литовском подданстве для некоренного, иноязычного населения страны велись жаркие споры на всех уровнях. Предлагались разные варианты. Радикалы считали, что таким, как Василий Галкин, надо дать статус «негражданин» со всеми вытекающими последствиями. Рассматривались и более «мягкие» варианты.

С коренными литовцами всё было понятно: уже за первый год независимости около 87 процентов населения Литвы получили новый, зелёного цвета Pasas Lietuvos Respublika. Остальным жителям предстояло определиться со своим статусом.

Именно в это время Литву начали покидать тысячи некоренных обитателей, не выдержав неопределённости своего положения. Росла безработица из-за того, что старые экономические связи на крупных предприятиях были разорваны, а новые отношения ещё только предстояло установить. В первую очередь увольняли «негражданин». Из-за этого же закрывались и фирмы в сфере малого бизнеса, где русскоязычные составляли большинство.

Из Галкиных пострадал Виктор. К этому времени он успел жениться во второй раз. Новая семья получила комнату в общежитии. Но его жизнь опять не задалась, её отравляли частые «разборки» с женой, а после рождения ребёнка скандалы стали ежедневными. И Витя ушёл...

А тут ещё и без работы остался. В последнее время он трудился сварщиком в небольшой «конторе», которая оказывала погребальные услуги. Когда она прекратила существование, младший Галкин оказался не у дел. Поиски работы ни к чему не приводили. Однако помог случай.

В начале 90-х в Литве многие безработные занялись так называемой «фарцовкой», приобретали за границей дефицитный товар: одежду и обувь, бытовую технику и аксессуары, продукты – всё, что пользовалось спросом, и перепродавали литовским покупателям.

Одну из таких «купи-продай фирм» в Висагинасе организовала «ушлая» местная жительница. Взяла в долг деньги, наняла безработных мужиков, среди которых был и Виктор, согласившихся привозить ей из России продукты на перепродажу, и открыла в городе торговую лавку. Парни ездили в Мурманск, брали там партию товара, привозили и сдавали хозяйке, получая за свои услуги «серую» оплату в конверте. Ни о каких официальных трудовых отношениях не было и речи.

Полулегальный бизнес приносил хозяйке прибыль, а её работникам давал средства к существованию. Родители всякий раз волновались, когда Виктор собирался в очередную «командировку» в Россию. Особенно беспокоилась за сына Фаина, материнское сердце было не на месте, пока он бывал в отъезде. Виктор всякий раз успокаивал: не волнуйся ты так, видишь, дело-то пошло...

И в это время Игналинская АЭС продолжала работать на полную. Своими заботами жил Висагинас, в городе атомщиков в 1991 году даже построили православную церковь в честь Рождества Иоанна Предтечи. Василий Никанорович в Бога как-то не

очень верил, зато Фаина Николаевна по возможности старалась не пропускать воскресные службы...

Руководство Литвы, желая остановить сокращение численности населения, пошло по сравнительно «мягкому» варианту гражданства для тех, кто здесь долго прожил. Но если коренным или кровным жителям паспорт Литвы выдали по упрощенной схеме, то иным заявителям на получение гражданства надо было соответствовать ряду стандартов натурализации.

Галкины приняли твёрдое решение: в Сибирь не возвращаться, стать полноценными гражданами республики. Предстояло официально отказаться от прежнего подданства, и это не вызвало особых проблем, ведь их советское гражданство исчезло в принципе. Натурализация требует длительного – не менее десяти лет – проживания на территории Литвы, постоянного места работы или легального источника дохода. По этим требованиям они тоже подходили.

Проблемой для Галкиных было знание литовского языка. За полтора десятка лет обитания в литовском, но всё-таки больше русскоязычном городе они его так и не выучили, может, и зря, - досадовал Василий Никанорович.

Разумеется, самые простые слова и даже фразы он знал: лабас – здравствуйте, лаба дена – добрый день, висо гяро – до свидания, атси-прашау – извините, куо юс варду? – как вас зовут? Чаше других литовских фраз он употреблял: «Аш някалбу летувишка. – Я не говорю по-литовски...»

Как бы там ни было, Василий Галкин официально подал документы на натурализацию, оплатив соответствующую госпошину. Его близкие последовали примеру главы семейства. И, как положено, начали учить Конституцию Литвы и присягу на верность прибалтийской республике, которую предстояло произнести публично и по-литовски.

Конечно, по-русски это было бы несложно и звучало бы примерно так: «Я, став гражданином Литовской Республики, клянусь без оговорок, быть верным Литовской Республике, соблюдать Конституцию и законы Литовской Республики, защищать независимость государства Литвы, территориальную целостность и конституционный порядок. Обязуюсь уважать государственный язык, культуру и обычаи Литвы и укреплять основы демократии и государственного права в Литве. Боже, помоги мне».

На литовском было сложнее.

- А;, - несколько недель упорно зазубривал Галкин. - tap;s Lietuvos Respublikos pilie;iu, prisiekiu be i;lyg; b;ti i;tikimas Lietuvos Respublikai, laikytis Lietuvos Respublikos Konstitucijos ir ;statym;...

Трудная фонетика и непростые морфологические особенности литовского языка не всем исследователям лингвистики-то по плечу, чего уж говорить о человеке, который буквально вчера считал себя советским пенсионером?!

Он часто сбивался, путал ударения и пока, будучи пассивным атеистом, доходил до последних слов текста: «Dieve, pad;k man», - весь обливался не мистическим, а самым натуральным потом. Единственным удовлетворением во всей этой подготовке было то, что люди старше 65 лет освобождаются от экзамена по литовскому языку.

Сборы длились около месяца. Наконец, назначенный день настал. Василий с Фаиной надели праздничные наряды и прибыли в украшенный флагом и гербом Литвы торжественный зал государственного учреждения.

В центре большого светлого помещения стояла трибуна светлого дерева. К ней вела узкая ковровая дорожка, на трибуне лежала красная книжка – Конституция Республики. Крупнотелый служащий в строгом чёрном костюме суровым голосом по-русски объяснил им и другим пока ещё «негражданам», что для принятия присяги

надо подойти к трибуне, положить правую руку на Конституцию, громко и внятно произнести слова клятвы.

Волнение «бывших русских» просто зашкаливало. Василий то и дело снимал очки и протирал стёкла. Вокруг он видел строгие лица людей в форме полиции, чиновников в ослепительно белых рубашках с тёмными галстуками. В ярком свете матово отблескивали побледневшие лица натурализирующихся.

Вот к трибуне подошёл ведущий – церемониймейстер и на двух языках объявил начало ритуала «обращения». Фаина потянула Василия за рукав, и когда он наклонился к жене, тихо шепнула:

- Да не тревожься ты так...

И Василию стало покойно, враз унялась дрожь в коленях. «Не убьют же!» - вздохнув, подумал он.

Заиграл государственный гимн Литвы – Национальная песнь: «Lietuva, T;vyne m;s;, Tu didvyri; ;eme...», и торжественная процедура началась.

Когда объявили фамилию «Галкинус», Василий Никанорович не сразу понял, что это приглашают его. Возникла короткая пауза, в ходе которой он всё-таки сообразил, что настала его очередь выходить на середину зала.

Им снова завладело волнение. На негнущихся ногах он приблизился к трибуне, положил на книгу вначале левую руку, потом, глянув на стоящего перед ним чиновника, понял свою ошибку, и поменял левую руку на правую. Заметил, что рядом с Конституцией на трибуне лежит лист с текстом присяги на литовском языке, и срывающимся голосом начал:

- А-аш, Галкин Василий Никанорович, тапяс Литувас Республикас... – он кашлянул, прочистив горло, и продолжил увереннее, - рилиецю, присеку бе...

Он не раз запнулся в труднопроизносимых местах, кое-где перепутал ударение. Наверняка его акцент вызывал у местных чиновников внутреннюю усмешку, но его упорство и старание определённо заслуживали уважения. Во всяком случае, закончил он твёрдо и спокойно. Потом подписал поданный ему документ. И лишь когда гордым спокойным шагом возвращался на место, почувствовал, как промокшая от пота рубашка плотно прилипла к телу.

В отличие от него, Фаина Николаевна выдержала испытание гораздо спокойнее, по крайней мере, по её внешнему виду волнения не было заметно...

Через несколько дней им выдали литовские паспорта. В документе главы семьи значилось, что его теперь зовут Галкинус Василиус Никаноровичус. Они долго шутили с женой, обыгрывая свои новые имена. Фамилия Фаины отныне стала Галкиене.

Вместе с ними литовское гражданство приняли многие жители Висагинаса. И «Русский город», как называли его иногда в официальных кругах, продолжал честно работать на свою новую родину.

35.

В 1993 году АЭС достигла максимальной производительности: за год выработала 12,26 миллиардов киловатт-часов электроэнергии – 88 процентов всей электроэнергии республики. Этот показатель попал в Книгу рекордов Гиннеса. В тот год Литва по доле электроэнергии, произведённой с помощью атома, обогнала даже в десятки раз большую по территории и населению Францию.

Для литовского государства АЭС в эти годы была хорошей «дойной коровой». Она приносила прибыль: производила электроэнергию по 7,6 тогда ещё литовских цента или по 2,2 евроцента за киловатт-час, тогда как продавали этот киловатт по 30 литовских центов или около 9 евроцентов.

Тогда висагинцы ещё не подозревали, что за их успехами пристально следят эксперты-ядерщики сразу в нескольких странах Европы – они держали под наблюдением мощного конкурента, появившегося на европейском рынке атомной энергии. Лучшие умы в Брюсселе и других столицах думали, что с этим конкурентом делать...

Поэтому жизнь готовила висагинцам немало испытаний. А кое-кого волна невзгод уже накрывала с головой. Трагедия подстерегла и Галкиных. В 1993-м пропал Виктор.

На его торговой стезе начались неудачи. Спрос на товары, которые он привозил на перепродажу из России, упал. И его «челночные командировки» становились невыгодными, росли долги перед хозяйкой, которая финансировала эти вояжи. Та требовала погасить задолженность. Он обещал, надеясь, что очередная поездка принесёт фарт. Снова занимал деньги и вкладывался в новую партию товаров, надеясь «поймать за хвост» птицу удачи. Однако чуда не происходило...

В очередной поездке, когда на нелегальном валютном «толчке» предстояло поменять валюту на российские рубли, чтобы взять на них партию товара, напарники направили «на дело» Виктора. Сами остались ждать в гостинице. Лишь вернувшись в номер, Виктор обнаружил, что вместо денег фарцовщики сумели вручить ему «куклу». Растерянный, испуганный, он по телефону сообщил хозяйке о случившемся.

«Что делать? Как быть?» - потерянным голосом спрашивал он.

«Да я с тебя три шкуры спущу! – кричала та в ответ. – Тебе не жить!..»

О том, что он исчез, родители узнали от посыльных, которых к ним прислала разгневанная владетельница с требованием вернуть долг за сына. Парализованные страхом, родители отдали свои сбережения, а сами пытались хоть что-нибудь узнать о судьбе сына.

Время шло, а весточек от него не было. Полиция быстро прекратила поиски – чего искать непонятно куда девавшегося безработного русского... Василий и Фаина строили разные версии: ушёл за границу, избит и лежит в больнице, погиб от рук киллера. И не могли представить, как теперь жить с этим горем, с этими мыслями, с этими бесконечными вопросами, на которые нет ответа...

...Всякий опытный психолог знает, что у любого человека есть уязвимое место – если хотите, его «ахиллесова пята». Нужно только найти её, и тогда становится легко управлять его поступками и мыслями. Опытный этнограф отыщет «ахиллесову пята» у целого народа. Профессиональный исследователь найдёт слабое место даже у государства.

«Ахиллесовой пятой» нового руководства Литвы стало огромное желание как можно быстрее вступить в Европейский Союз.

Многочисленные контакты сейма и литовского правительства ясно дали понять руководству штаб-квартиры ЕС в Брюсселе, что Литва согласится на любые условия, лишь бы поскорее стать членом Евросоюза. Именно на этом и решили «поймать» конкурента на «крючок».

8 декабря 1995 года правительство Литовской Республики направило официальный запрос о присоединении к Евросоюзу. В ответ Брюссель выставил одним из главных условий обязательную остановку и последующую ликвидацию Игналинской электростанции.

Объяснили это требование просто: на АЭС действуют такие же энергоблоки, что были в Чернобыле, пусть и многократно улучшенные. Вы хотите аварии? Нет! Поэтому станцию останавливаем, а электроэнергией вас обеспечит Европа, она же даст деньги на закрытие объекта. Хотя по заключению МАГАТЭ, Игналина входила в список самых надежных станций мира, эти доводы еврочиновников не устроили. Если после

ликвидации действующей АЭС у Литвы не пропадёт интерес к атомной энергетике, уверяли они, в перспективе можно будет рассмотреть проект – естественно, западноевропейский – строительства в Литве другой АЭС.

Правительство и сейм Литвы эти условия приняли: подписались вывести первый энергоблок Игналинской станции из эксплуатации – до 2005 года, второй – до 2010-го. После того, как согласие литовских политиков было получено, Европейская комиссия в июле 1997 года включила Литву в число стран, готовых присоединиться к ЕС.

Многие международные эксперты до сих пор считают это решение самой большой ошибкой Литвы. Республика могла бы много лет с выгодой эксплуатировать АЭС, вкладывая полученные доходы в своё экономическое и социальное развитие.

Можно представить, какие нешуточные страсти кипели по этому поводу в стране во второй половине 90-х.

И в Вильнюсе, и в Висагинасе, и в других городах все, кто более или менее разбирается в экономике, подсчитывали, доказывали, спорили, говорили о предательстве национальных интересов. Инициативные группы общественников собирали подписи о продлении работы Игналины. Целый ряд научных работников Литвы, академиков, специалистов в области энергетики, предпринимателей и политиков призывали продлить деятельность электростанции. Проходили научные конференции о сохранении литовской атомной энергетики.

Только это не помогало. Рынок есть рынок, на нём принято устранять конкурентов любыми способами. В данном случае выбрали язык беспрекословного ультиматума.

Василиус Никаноровичус, он же Василий Галкин тоже учился в школе азам математики, умел складывать, и делить. Его полусоветское ещё сознание отторгло происходящее, а размышления о том, что построенное его руками, трудом его товарищей и десятков тысяч других людей на благо Литвы, должно быть ликвидировано, не укладывались в голове.

- Я думаю, после закрытия станции будет самое тяжёлое время, - рассуждал он в кругу соседей. - То есть, в 2010-м. Я-то, может, и не доживу, а вот молодёжи, ох, не завидую!..

В июне 1996 года из Прокопьевска в Литву пришла печальная весть – на 93-м году в мир иной отошла Матрёна Ермолаевна. Уроженка Тамбовской глубинки, она прожила долгую и такую разную жизнь: родилась в царской Российской империи, ставшей Советским Союзом, выжила и подняла семью в страшные годы войны, на исходе бытия оказалась в освободившейся «от бремени социализма» России...

Тем временем руководство Литвы соблюло все формальности, подписало все обязательства по ликвидации АЭС. Власти республики решили привлечь зарубежных специалистов для консультаций и оценки степени безопасности и возможностей остановки блоков. Один из них был командирован в Литву из США по приглашению Каунасского института «Lietuvos energetikos institutas».

В результате декабре 1997 года Рэнди две недели провёл в Висагинасе. Днём, в рабочее время, он бывал на АЭС, а в свободные вечера... Словом, он познакомился с Ольгой, и они понравились друг другу.

В 98-м он ещё раз приезжал в командировку в Висагинас. Между этими датами были их ежедневные письма друг другу по интернету. Лето 1999 года Рэнди тоже провёл в Литве. В это время их чувства окрепли, он и Ольга сблизились настолько, что решили пожениться.

Василию Никаноровичу и Фаине Николаевне американский парень тоже пришёлся по душе – обходительный, простой в общении, искренний в словах. Они одобрили выбор дочери. Правда, общаться с ним им, русскоязычным, было непросто, а «ядерных проблем» они так или иначе тактично пытались избегать.

«Вот интересно, - грустно шутил в разговорах Василий. – Получается, что отец станцию для Литвы строил, ордена получал, а будущий зять смотрит, как её закрывать. Неисповедимы пути Господни...»

В ноябре 99-го Рэнди приехал в Висагинас уже с самыми серьёзными намерениями. Они с Ольгой решили уехать в Германию, пожить там какое-то время, там же заключить законный брак. Кстати, резон в выборе страны состоялся и в том, что в Германии живёт дочь Рэнди от первого брака. В Германии Рэнди устроился на работу...

Ольгин сын Тарас в это время заканчивал один из старших классов, и по общему решению семейного совета заботу о любимом внуке взяли на себя бабушка с дедушкой.

Своим чередом шли и большие государственные дела. В декабре 1999 года на саммите ЕС в Хельсинки литовская делегация получила приглашение начать переговоры о вступлении в Евросоюз. Для этого ещё предстояло провести литовский всенародный референдум.

Информационную кампанию за вступление в Евросоюз в Литве начали в 2000 году. В неё были вовлечены буквально все: госструктуры, президент страны Роландас Паксас, различные партии, пресса, общественность, церковь. Все они прямо или косвенно агитировали «за». Впрочем, нашлись и противники: против членства в ЕС выступили литовские производители молока, представители русской общины и правые националисты. Но их мнение тонуло в громком хоре противоположных воззрений.

В этом же году в Литву вернулись Ольга и Рэнди. В Германии возникли юридические сложности при оформлении брака. Знающие люди посоветовали им расписаться в Литве, где меньше формальностей и ограничений. И в апреле 2000-го в Висагинасе они сочетались законным браком. Вскоре окончил среднюю школу Тарас. Втроём они выехали в США на постоянное жительство.

Фаина тишком проливала слёзы, провожая дочь и внука, грустно вздыхал Василий, расставаясь с самыми близкими людьми, уезжающими в новую «заокеанскую» жизнь.

«А помнишь, как мы сами уезжали из Прокопьевска неведомо куда? – успокаивал он и жену, и себя. – Теперь пусть и они попробуют. Пускай им будет счастье... Да и приезжать в гости к нам будут...»

36.

Оставшись в Висагинасе, Галкины тоже ждали референдума. Василий Никанорович, да и многие другие специалисты-атомщики до последнего верили в то, что здравый смысл победит и электростанцию не закроют.

В конце 2002-го Литва получила официальное приглашение на вступление в ЕС. В связи с этим литовский парламент ускоренно принимал поправки в законодательство о референдуме.

Волеизъявление граждан республики длилось два дня – в мае 2003 года. К избирательным урнам пришли более 63 процентов избирателей и 97 процентов из них высказались в поддержку вхождения в европейское сообщество. В Висагинасе результаты голосования были прямо противоположными. Однако полученное в целом потрясающее единодушие не оставило оппозиции никаких шансов.

Итоги референдума Брюссель признал. Уже 1 мая 2004 года Литва стала полноценным членом Европейского союза. А через несколько месяцев – 31 декабря – из работы вывели первый энергоблок Игналинской станции, который два десятилетия безаварийно давал людям свет и тепло. Таков был новогодний «подарок» Литве со стороны собственных властей и европейских лоббистов.

«Эх, такую красоту закрываем! - размышлял Василий за вечерними новостями у телевизора. - Шут его знает... Это ведь целый городище! Столько зданий, знатная территория... Что с этим будет? Дождёмся, и электричество подорожает», – вздыхал Галкинус.

Плата за электроэнергию, действительно, подросла, и для населения, и для экономики. Остановленный реактор начали разбирать. На его ликвидацию Евросоюз выделил немалые деньги. Для этой работы требовались рабочие руки, но в сравнении с тем, каким коллектив АЭС был до остановки первого «ядерного котла», уже не в таком количестве. На АЭС начали сокращать примерно треть специалистов. Некоторые, не дожидаясь уведомления, покидали республику сами, уезжали в Белоруссию, в Россию, находили работу даже в Западной Европе. Народу на улицах Висагинаса поубавилось, особенно это стало заметно в выходные дни.

Чтобы как-то сдержать отток населения и добавить оптимизма жителям города, власти решили объявить, что в Игналине будут строить новую атомную станцию. Начали обсуждение возможных проектов: европейских, японских, совместных с соседними прибалтийскими государствами. Некие инвесторы обещали вложиться в будущую грандиозную стройку...

Однако тех, кто создавал Игналину, обмануть сложно. Василий Никанорович постоянно слышал от знакомых, что маленькой Литве такой проект не потянуть, денег со стороны ждать не приходится – не для того действующую АЭС начали разрушать. «Ломать – не строить, - разводил он руками. - Такую машину только таким, как в СССР, большим миром, можно создать. Откуда Литве взять столько сил и денег?..»

Из 5,5 тысячи человек, работавших на Игналинской АЭС до реструктуризации станции, теперь здесь трудилось чуть более трёх тысяч. Из них 500 занимались демонтажом остановленного энергоблока, осваивали колоссальные деньги, которые «на слом» станции выделял бюджет ЕС.

Чтобы избежать безработицы, в Висагинасе пытались организовать новые производства. Например, немалую часть средств европейских налогоплательщиков, выделяемые Литве на борьбу с безработицей, решили потратить на благоустройство города: заменить освещение улиц, обновить фасады домов, отремонтировать теплотрассы и тротуары. Обещали построить стадион.

Регулярно шествуя за продуктами в ближайший супермаркет, пенсионеры Галкины наблюдали за этими работами, в которых участвовали явно не только местные жители. Ведь для ядерщиков явно не годился малоинтеллектуальный труд на благоустройстве и на других подобных проектах. Народ продолжал разъезжаться из города. Особенно молодёжь, не видя перспектив, покидала Висагинас.

Василий иронично хмыкал и делился своими соображениями по этому поводу с сестрой Валентиной и Иваном Черемновыми через компьютер, настроенный на видеосвязь с Прокопьевском с помощью всемирной сети Интернет.

Таким же способом он ежевечерне общался и с Америкой. Словоохотливые, скучающие по дочери и внуку, Фаина Николаевна и Василий Никанорович иногда часами разговаривали с родными, проживающими за океаном, подробно расспрашивали их о новой жизни. Новым домом для Ольгиной семьи стал штат Айова, где они с Рэнди приобрели себе дом на участке земли. Тарас – особая любовь и гордость деда Василия – поступил в университет штата...

37.

Размеренная жизнь литовских пенсионеров Галкинусов шла день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем. Ярким событием становилось время, когда Ольга приезжала погостить в родительском доме.

Незаметно пролетел 2005 год, прошёл 2006-й. По-прежнему не было вестей о пропавшем Викторе. О нём болели родительские, а материнское – особенно, сердца.

Не сулил особых перемен и 2007 год. Весной Василий с Фаей как обычно вскопали и засеяли грядки на дачном участке, летом ухаживали за растениями, поливали их, пололи сорную траву, осенью собирали урожай, солили овощи, делали варенье...

Беда подступила неожиданно-негаданно. В один из декабрьских дней Фаине Николаевне, не привыкшей жаловаться на проблемы со здоровьем, внезапно стало плохо: потеряла сознание прямо в церкви, куда регулярно ходила на утренние службы. Скорая помощь доставила её в больницу, врачи поставили неутешительный диагноз. Срочно прилетевшая в Висагинас, Ольга несколько дней провела у изголовья матери. А 26 декабря Фаины Николаевны не стало...

Горю не было границ...

Чтобы как-то отвлечься от печальных мыслей, Василий целыми днями просиживал у телевизора, просматривая новости, политические передачи. С особым интересом впитывал вести из России, делился этими новостями и своими соображениями с соседями по дому – при встречах, с далёкими родными – с помощью компьютера и Интернета.

Его интерес к переменам в жизни сибирской малой родины понятен: хотелось сравнить, как там и как здесь, что общего в этих изменениях и в чём принципиальная разница. Очень остро переживал, что официальные средства массовой информации активно «демонизировали» российского соседа. Не понимал, почему российская пресса молчит в ответ, не отвечая на этот вал обвинений, и не верил, что во всех проблемах Литвы виновата только Москва.

«Шут его знает, почему они свои ошибки на кого-то сваливают? – не разумел он. – Ну, взять нашу станцию... Москва её строила? Строила! А Европа – сломает и будет Литве электричество продавать. Чего ж Литве-то хорошего, а Висагинасу – в особенности?»

Жизнь, действительно, менялась, лишний раз подчёркивая, что, как написал поэт: «Запад есть Запад, Восток есть Восток...»

Литва подала было заявку на вступление в зону евровалюты, однако получила от ЕС отказ из-за высоко уровня инфляции. «Это – плохо, -размышлял Василий Никанорович, - цены бы надо сдерживать». Зато потом Литва присоединилась к Шенгенской зоне, и теперь её граждане начали свободно передвигаться по странам Евросоюза, и он подметил: «А вот это – хорошо. Эх, кабы в те бы годы – всю Европу объехал бы!»

По мере приближения срока полной остановки Игналинской АЭС страсти вокруг самого крупного в стране энергопредприятия вновь накалялись.

В бой опять пошли противоречивые политики, свою точку зрения высказывали представители науки. К дискуссии присоединилась общественность. Приводилось немало фактов «pro» и «contra». В республике не было теле- или радиоканала, газеты или интернет-издания, которые не поднимали бы тему Игналины. Одни требовали безоговорочного выполнения договорённостей с ЕС, другие доказывали, что лучше производить свой энергопродукт, чем покупать его за границей.

Целый ряд академиков и специалистов в сфере энергетики, предпринимателей и политиков требовали от правительства Литвы безотлагательно принять решение о продлении работы АЭС. Давление на кабинет министров было таким сильным, что руководство республики приняло решение провести всенародный референдум, на котором избирателям предлагали высказаться о том, жить ли станции дальше.

Василий Никанорович, как, впрочем, и все висагинцы, активно следил за публикациями в прессе, за развитием событий.

За референдум высказалась правящая партия либерал-центристов. Парламент Литвы наметил голосование на воскресенье 12 октября 2008 года.

Действующий глава правительства Гедиминас Киркилас сообщил, что уже ведёт переговоры с некоторыми руководителями ЕС о возможности продолжить работу станции. В интервью он заявил:

- Считаю, что мнение народа (если во время референдума граждане выскажутся в поддержку продления работы Игналинской АЭС) станет большим аргументом в переговорах с Европейской комиссией в вопросе продления работы атомной станции. С таким решением легче будет работать нашим переговорщикам.

В одной из газет «всплыла» из небытия даже бывшая премьер-министр Литовской Республики, профессор Казимира Прунскене: «Закрытие Игналинской АЭС является самым большим экономическим абсурдом за последние 20 лет».

Президент Литвы Валдас Адамкус в прямом эфире на государственном телеканале подчеркнул: у Литвы есть шанс сохранить работу Игналинской АЭС. Правда, на вопрос: как он проголосует на референдуме? – ответил, что обязательства Литвы перед Евросоюзом надо выполнять. «Но мы должны высказаться за то, чтобы Литва оставалась самостоятельным энергетическим государством, которым нельзя манипулировать. Нельзя сказать, что это сработает на сто процентов, но шансы есть, и они серьезно обсуждаются», - сказал Адамкус.

- Вот же, шут его поймёшь! – чертыхался ветеран строительства АЭС Галкинус, глядя на телеэкран. Но снова закралась надежда, что, узнав мнение народа, Евросоюз может пойти на уступки.

Вопрос в бюллетене сформулировали так: «Я одобряю продление работы Игналинской АЭС на технически безопасный период, но не более чем до завершения строительства новой атомной электростанции». Избирателю оставалось выбрать между «да» или «нет».

В итоге «за» высказались более 90 процентов тех, кто пришёл к урнам для голосования. Однако референдум, посвящённый судьбе АЭС, окончился неудачей. Потому что явка оказалась низкой – лишь 48 процентов от общего числа зарегистрированных избирателей, это не позволило засчитать его результат.

«Сожалею, что так получилось, - подвёл в прессе итоги премьер-министр Литвы. - Частично я вину на это складываю на Центральную избирательную комиссию. 12 процентов избирателей даже не знали, что будет такой референдум, им не было прислано никаких приглашений прийти. Это брак комиссии».

- Во как легко отговорился! - ругался в Висагинасе народ. – А мы-то надеялись!

Теперь надежды не осталось. И ровно в ноль часов 31 декабря 2009 года второй энергоблок Игналины прекратил выработку энергии. Таким образом Литва стала первой в мире страной, отказавшейся от атомной энергетики.

После закрытия станции республика столкнулась сразу с несколькими серьёзными проблемами: энергодефицит, резкий скачок цен и снижение конкурентоспособности экономики.

Что уж говорить о Висагинасе... Жизнь в городе стала ещё быстрее меняться в худшую сторону: ещё больше выросла безработица, снизился уровень доходов у семей. А после крупной аварии на японской АЭС «Фукусима-1» в 2011 году вопрос о строительстве новой атомной станции в Литве окончательно сняли с повестки. Отток населения из бывшего Снечкуса усилился.

Особенно трудными для висагинцев стали первые месяцы 2010 года. Уже в январских расчетных листках за отопление, разосланных жителям города, появились суммы, в разы превышающие стоимость тепла в январе 2009-го. Тогда город закупал тепловую энергию у атомной станции по два литовских цента (менее одного цента США) за киловатт. Теперь же тепло горожанам начали подавать из газовой котельной по 12 литовских центов за киловатт.

По городу прокатилась волна акций протеста.

Пенсионер «дядя Вася», как давно уже называли его соседи, участия в них не принимал, но мыслями был с митингующими. Сам он жил скромно, пенсии хватало на продукты и коммунальные услуги. Да и много ли надо приспособившемуся к реальности ветерану?! Отцу помогала и Ольгина семья.

Между тем, как рассказывало в те дни городское кабельное телевидение, «после остановки ИАЭС практически каждый третий житель Висагинаса оказался неплатежеспособным». Повезло лишь тем, кого привлекли к демонтажу станции, средства на который выделяет ЕС. Повезло и тому, кто смог устроиться на создаваемую в городе мебельную фабрику и на подобные ей ещё несколько новых предприятий. Но фортуна улыбнулась далеко не всем...

Конечно, экономика любого государства не стоит на месте. Адаптировалось к новым условиям и население Литвы. И когда 14 октября 2012 года в республике снова провели референдум по вопросу строительства новой атомной станции, результаты поразили экспертов. При явке в 53 процента избирателей 65 процентов из них высказались против строительства АЭС. Вот как всего за пару лет изменилось общественное мнение!

В 2014 году в Литве подводили итоги первого десятилетия со дня вступления в Евросоюз. В телевизионных отчётах и комментариях литовских политиков и экономистов звучало много оптимистических цифр улучшения жизни населения. Но привыкший всё анализировать своим умом, Василий Никанорович вычленил из этого потока фактов то, что Литва теперь импортирует 70 процентов электроэнергии – в основном из Швеции, а средняя цена киловатта в республике – одна из самых высоких в ЕС.

1 января 2015 года республику приняли в зону евро. С тех пор ветеран Галкин стал получать пенсию в европейской валюте – по 300 евро в месяц. Половина из них уходила за свет, тепло и жилищно-коммунальные услуги...

Он не часто выходил теперь из дома. Раз в неделю медленно спускался со своего этажа на тротуар и шёл по много лет знакомой дороге в торговый центр. По пути рассматривал через толстые увеличительные стёкла очков дома и балконы, встречаемых людей, многих из которых хорошо знал. С кем-то просто раскланивался, громко приветствуя, с теми, кто постарше, перебрасывался фразами, а то и подолгу обсуждал городские дела или погоду. Обратная дорога тоже занимала не меньше времени, особенно трудно было подниматься по ступенькам подъезда с продуктовой авоськой в руках. «Мотор барахлит», - шутил про себя Василий Никанорович, переводя дыхание на очередной лестничной площадке.

Вечерами он смотрел российские теленовости, которые потом подробно обсуждал с заграничными родственниками. Ему часто думалось, что жизнь на его бывшей родине

бьёт ключом, а здесь, недалеко от стен исчезающей АЭС, движение времени будто бы замерло...

По «ящику», как, смеясь, Василий Никанорович называл любимый телевизор, и в конце 2010-х годов нет-нет да и вспоминали Игналинскую станцию.

Однажды он увидел на экране экс-премьера и экс-президента Литовской Республики Роландаса Паксаса, который, после импичмента и последовавших затем долгих скандальных и судебных разбирательств, стал членом Европарламента. «Обещание закрытия АЭС являлось единственной возможностью начать переговоры по вступлению в Евросоюз. Вот такая как бы дань с нашей стороны... Но второй блок – это уже наша ошибка, - услышал Василиус Галкинус. - Литовские политики, по сути, не боролись за второй энергоблок атомной станции. С закрытием АЭС Литва утратила свою энергетическую независимость, и виной этому стала проклятая литовская покорность и страусиная политика».

- О как! – вслух удивился он. – Когда-то сам вёл переговоры с Евросоюзом. А теперь смело повинился. Не зря этот парень мне нравится...

Ему вспомнился другой литовский экс-президент Альгирдас Бразаускас, который при СССР был первым секретарём ЦК компартии Литвы. Незадолго до своей смерти, уже после полной остановки станции, он заявлял журналистам: «Тому, кто способен трезво взглянуть на вещи, становится очевидно: фантазировать о свободном рынке могут лишь те, кто ничего не понимает в энергетике».

- Правду говорил старик Бразаускас, - размышлял сам с собой Василий Никанорович. – Страна-то меньше нашей Кемеровской области. Эх, большую глупость сделали... – даже спустя годы не мог успокоиться ветеран.

В хорошую погоду он полюбил с балкона наблюдать за городским бытием. Вспоминал, как много лет приехал сюда, в незабываемый уголок земли, чтобы обустроить его. Без сомнения, это было самое чудесное время в его жизни. На стройке века многое создавал своими руками. И для него не было города красивее, не было добрее людей, чем висагинцы.

Сожалел, что дети и внуки инженеров высшего класса покидают город бывших атомщиков, переезжают в поисках лучшей доли на жительство в Европу, в соседнюю Беларусь, где идёт строительство атомной станции. Грустил о том, что самый молодой город Литвы превращается в город пенсионеров...

Реку времени не остановить.

Уже нет шахт «Коксовая» и «Центральная»... В Прокопьевске вообще не осталось ни одной шахты. «Угольная жемчужина» Кузбасса жива только в памяти.

Нет и Игналинской атомной станции, скоро её разберут до основания...

10 марта 2011 года покинул мир Иван Алексеевич Черемнов. Василия Никаноровича Галкина не стало 25 февраля 2018 года. Каждый из них прожил большую и по-своему интересную жизнь...

Однако с их уходом, с уходом их родных и близких фамилии Галкиных и Черемновых не прерываются. Они продолжают дальше – в детях и внуках, разлетевшихся теперь – в самом прямом смысле – по всему белому свету...

Давно не слышу я напевного голоса моей бабушки Матрёны Ермолаевны Галкиной, который запомнил на всю жизнь. Давно не слышу простой протяжной мелодии и нехитрых народных слов:

«Сронила колечко

Со правой руки...»

Давно не собираются за общим праздничным столом поколения Черемновых – Галкиных так, как когда-то сживали вместе многочисленной родней, с малышами и подростками, собираясь по какому-либо случаю в доме моей бабушки – на Буфере или моего деда – на улице Набережной, что проходила рядом с Прокопьевским горсадом.

Как же любил я эти семейные праздники! Здесь дети с аппетитом лакомились незамысловатыми блюдами, а взрослые с удовольствием пели песни. Чаще всего – печальные, мелодичные, задумчивые. Распевали на несколько голосов, исполняли торжественно, с душой, пели долго-долго...

«Забилась сирдечка а-а милам друшке...», - выводила баба Мотя. И я не понимал, отчего она всякий раз плачет от того, что: «Ушёл он далеко, ушёл по весне. Не знаю, искать где, в какой стороне...»

Но из года в год, вновь и вновь внимая нехитрым словам, которые давно знал наизусть, не мог я наслушаться этой истории о невысказанной любви, о разлуке и тоске, которая околдовывала и охватывала какой-то тайной.

Я так и не спросил у Матрёны Ермолаевны Галкиной, почему или по кому льёт она свои тихие слёзы? Маленьким – стеснялся, когда подрос – всё не находилось времени для разговора.

Моей бабушки давно нет, но её голос, кажется, и сейчас звучит во мне, и дает надежду на продление нашей славной династии...

г. Владимир,
июнь 2019 г. - май 2020 г.

Об авторе

Сергей Черемнов родился 12 января 1956 года в Прокопьевске. Окончил здесь школу №3, затем – филологический факультет Кемеровского государственного университета.

Работал в городской газете «Шахтёрская правда» – корреспондентом, завотделом, главным редактором. Был собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс» по Прокопьевску и Киселевску. В 1987 году решением бюро обкома КПСС переведен на работу в Кемерово – заведующим сектором печати, телевидения и радиовещания Кемеровской области.

В начале 1990-х годов с группой энтузиастов организовал первую негосударственную телерадиокомпанию «Агентство информации Кузбасса – АИК», работал в ней главным редактором. После этого занимался рекламой и маркетингом. В 1994 году стал руководителем пресс-службы вновь созданного представительного органа региона – областного Законодательного Собрания.

В 1996-1997 годы в Москве возглавлял пресс-службу российского Министерства по делам СНГ. Затем работал начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области – пресс-секретарём губернатора (1997-2011).

Сергей Иванович – заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Кузбасса, награжден орденом «Доблесть Кузбасса». Имеет и другие областные награды.

Немало путешествовал. Побывал в ряде стран Юго-Восточной Азии, Европы, во многих городах России. Увлекается фотографией, неоднократно был участником фотовыставок, в том числе – фотовыставок «Новый век. Европа, Россия, Кузбасс» (2005 год), «Какими мы были» (2005 год), «Притягательный регион России» (2006 год), «Из дальних странствий возвратись...» (2006 год), «Акценты» (2012 год), «Город в творческом объективе» (2015 год) и других. Персональная фотовыставка прошла в Кемеровской областной научной библиотеке имени В.Д. Федорова в 2013 году.

5 ноября 2018 года исполнилось 45 лет его журналистской деятельности. (Первую заметку опубликовал 5 ноября 1973 года в студенческой газете КемГУ «Молодой учитель»).

Его статьи, рассказы, фотографии публиковали в международной, центральной и местной печати. В газетах «Кузбасс», «Известия», «Труд», «Российская газета», «Коммерсант», «Ведомости», «Комсомольская правда», журналах «Огни Кузбасса», «Кузбасс XXI век» и других, в книгах о Кемеровской области.

Автор фотоальбомов и книг «Фоторакурсы», «Миры и мироздания», «Харизма», «Кузбасс – Китай. Новые грани сотрудничества», «На картошку», «Ёршик с ангиной», «ФотоФакты или Пьер Ришар, Владимир Путин, Лео Бокерия и ужин у президента Украины», «Партийный хит сезона» и других.

С 2015-го по 2020 годы проживал в городе Владимире, где работал заместителем председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области.